

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
14 ноября 2018 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2018)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, не может быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный привел потерпевшего в это состояние своими преступными действиями.

Установлено, что Б., имея умысел на причинение Л. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избиения осужденные перенесли находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадки.

С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избиении Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. накинули ремень на находившегося в беспомощном состоянии потерпевшего и задушили его. Смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы шеи, сопровождавшейся асфиксией.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по п. «г» ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, пп. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а С. – по п. «г» ч. 2 ст. 112, пп. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции оставил указанный приговор без изменения.

В надзорной жалобе осужденный С. просил изменить судебные решения и исключить его осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, смягчив назначенное ему наказание.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в отношении С. и Б. по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденные, в том числе С. и Б., избили потерпевшего, причинив ему вред здоровью средней тяжести, доведя его до бессознательного состояния, затем с целью сокрытия преступления совершили его убийство.

Основанием для признания в действиях осужденных квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, явилось то обстоятельство, что потерпевший находился в заведомо для осужденных в беспомощном состоянии в результате избиения осужденными.

Приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед совершением убийства самим виновным, как это установлено судом по данному делу, не является основанием для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Состояние, в котором находился потерпевший в момент лишения его жизни, не может быть признано беспомощным по смыслу п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С учетом изложенного Президиум исключил из судебных решений осуждение С. по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ, а Б. – по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ со смягчением назначенного им наказания за это преступление.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 89П18*

2. Из приговора исключено указание о применении правил ст. 70 УК РФ при назначении наказания и о наличии судимости, поскольку совершение осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания по предыдущему приговору не препятствовало применению к нему акта об амнистии.

По приговору суда от 20 марта 2015 г. А. (ранее судимый 16 февраля 2010 г. и 10 июля 2013 г.) осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы с

ограничением свободы сроком на 1 год; на основании ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ к 15 годам 2 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил освободить его от наказания, назначенного по приговору от 10 июля 2013 г., в связи с принятием постановления об амнистии, которое вступило в законную силу до рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 11 июля 2018 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела следует, что по приговору от 16 февраля 2010 г. А. был судим за преступления, совершенные им в несовершеннолетнем возрасте, а по приговору от 10 июля 2013 г. он был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году исправительных работ, наказание не отбыто.

В соответствии с п. 4 постановления Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», осужденные к наказанию, не связанному с лишением свободы, подлежали освобождению от наказания. Каких-либо ограничений для применения к А. данного акта об амнистии не имелось.

По смыслу подп. 4 п. 19 постановления о порядке применения амнистии факт совершения осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению.

Совершение А. нового умышленного преступления 11–12 марта 2014 г. на день вступления в силу акта об амнистии вступившим в законную силу итоговым судебным решением подтверждено не было, в связи с чем акт об амнистии подлежал применению, а А. – освобождению от наказания по приговору от 10 июля 2013 г.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации данное обстоятельство учтено не было.

Кроме того, исходя из положений п. 12 постановления об амнистии освобождение от наказания на основании п. 4 данного постановления влечет за собой снятие судимости.

С учетом изложенного Президиум изменил приговор и апелляционное определение: исключил указания о наличии у А. судимости по приговору от 10 июля 2013 г. и признании в силу требований ч. 1 ст. 18 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, рецидива преступлений по отношению к судимости по ст. 158 УК РФ, а также о назначении наказания по правилам ст. 70 УК РФ.

Президиум смягчил наказание, назначенное А. по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, до 12 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ – до 8 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначено А. наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет 6 месяцев с ограничением свободы сроком на 1 год 9 месяцев.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 84-П18*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Участник долевой собственности, понесший расходы на неотделимые улучшения общего имущества в виде жилого помещения в целях приведения его в состояние, пригодное для проживания, вправе требовать их возмещения от другого сособственника соразмерно его доле.

М.Э. обратился в суд с иском к М. о взыскании денежных средств за произведенные в квартире улучшения, расходов по оплате жилищных услуг, процентов за пользование чужими денежными средствами, а также расходов по оплате государственной пошлины.

Как установлено судом и следует из материалов дела, М.Э. и М. в период зарегистрированного брака заключили с обществом договор об участии в долевом строительстве однокомнатной квартиры.

В связи с расторжением брака решением суда за каждым из бывших супругов признано право собственности на $\frac{1}{2}$ доли в объекте незавершенного строительства.

После передачи строительной организацией квартиры сторонам по акту в черновой отделке истец за свой счет произвел ремонт квартиры.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь ст. 980–984 ГК РФ, пришли к выводу о том, что требования М.Э. в части взыскания денежных средств на ремонт квартиры не подлежат удовлетворению, поскольку истец не представил доказательств согласования с М. выполнения ремонта, его объема и расходов. При этом, по мнению суда, представленные квитанции и чеки не позволяют прийти к выводу о том, что приобретенные материалы использовались для ремонта указанной выше квартиры.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 980 ГК РФ действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью.

При квалификации отношений, возникших между сторонами, как действия в чужом интересе без поручения суды не учли, что по смыслу данной нормы лицо, совершившее действия в чужом интересе, должно осознавать, что его действия направлены на обеспечение интересов другого лица, а основной целью лица, совершившего действия в чужом интересе, должно являться улучшение положения другого лица, а не его собственного положения.

Однако таких обстоятельств, свидетельствующих о производстве ремонта М.Э. исключительно в интересах М., судами установлено не было.

На основании ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом.

Статьей 249 ГК РФ предусмотрено, что каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Согласно ч. 2 ст. 15 ЖК РФ жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и

пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

В силу ч. 1 ст. 17 ЖК РФ жилое помещение предназначено для проживания граждан.

Таким образом, порядок осуществления владения и пользования имуществом, в том числе жилым помещением, находящимся в долевой собственности граждан, устанавливается судом, если согласие между сособственниками не достигнуто.

Правомочие владения как одно из правомочий собственника означает физическое обладание имуществом, а также отношение к имуществу как своему. Правомочие пользования включает извлечение полезных свойств имущества с сохранением его целевого назначения.

Осуществление одним из сособственников ремонта в жилом помещении означает реализацию им правомочий владения и пользования таким помещением, а также одновременно и способ несения издержек по содержанию и сохранению жилого помещения в состоянии, пригодном для проживания.

Согласно договору долевого участия в строительстве переданная сторонам спора квартира предоставлена без отделки.

Истец за свой счет с даты передачи ему квартиры по акту произвел неотделимые улучшения для приведения указанного помещения в состояние, пригодное для проживания, то есть использования жилого помещения по назначению.

После приведения квартиры в состояние, пригодное для проживания, судом было вынесено решение, согласно которому М. вселена в спорную квартиру, а на М.Э. возложена обязанность передать М. ключи от квартиры и не препятствовать в пользовании жилым помещением. Кроме этого, ответчик была зарегистрирована в спорной квартире по месту жительства.

В связи с изложенным то обстоятельство, что М.Э. и М. не достигли соглашения по характеру и объему произведенного истцом ремонта, не могло исключать обязанности последней по участию в издержках по содержанию и сохранению жилого помещения в результате осуществления его ремонта. Это судебными инстанциями учтено не было.

Определение № 11-КГ17-37

***Разрешение споров, возникающих из отношений
по страхованию***

4. Убытки страхователя вследствие несвоевременной выплаты ему страхового возмещения могут быть отнесены на страховщика.

Страховщик, опровергающий причинную связь между своими действиями и возникновением у страхователя убытков, обязан доказать обратное.

Ф. обратился в суд с иском к страховой компании, указав в обоснование требований на то, что в связи с несвоевременным исполнением ответчиком своих обязательств по выплате страхового возмещения ему причинены убытки.

Судом установлено, что 1 апреля 2014 г. Ф. приобрел автомобиль, оплата за который произведена денежными средствами, полученными на основании кредитного договора, заключенного с банком. В соответствии с условиями кредитного договора в отношении приобретенного автомобиля между страховой компанией и Ф. заключен договор имущественного страхования по страховым рискам «ущерб+угон/хищение» сроком действия с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2015 г.

В связи с наступлением 1 и 2 декабря 2014 г. страхового случая в виде возгорания застрахованного транспортного средства Ф. 6 декабря 2014 г. обратился к страховщику с заявлением о страховой выплате, в удовлетворении которого было отказано.

Фактическая выплата страхового возмещения страховщиком произведена 4 апреля 2016 г. на основании вступившего в законную силу решения суда, Ф. кредит погашен в полном объеме 6 апреля 2016 г. В период с момента наступления у ответчика обязанности по страховой выплате и до дня исполнения данной обязанности Ф. выплачены банку проценты по кредитному договору в сумме 204 737, 56 руб.

Решением суда со страховой компании в пользу Ф. взысканы убытки в размере 204 737,98 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда, штраф. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции в части удовлетворения исковых требований Ф. о взыскании убытков, штрафа, компенсации морального вреда отменено. В указанной части по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Решение суда в части взыскания со страховой организации процентов за пользование чужими денежными средствами и государственной пошлины изменено: в пользу Ф. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Принимая данное определение, суд апелляционной инстанции указал, что кредитный договор от 1 апреля 2014 г. не содержит условий об освобождении заемщика от исполнения обязательств по уплате банку процентов за пользование кредитом в случае наступления страхового события и обязанности страховой компании по возмещению ущерба, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи

между действиями ответчика и необходимостью несения истцом расходов на уплату процентов за пользование кредитом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (п. 1). Убытки определяются в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 15 данного кодекса. Возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (п. 2).

Как следует из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», по смыслу ст. 15 и 393 ГК РФ, кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками. Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитorem убытками предполагается.

Должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

Вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником. Если должник несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности, например обстоятельств непреодолимой силы (пп. 2 и 3 ст. 401 ГК РФ).

Истец в обоснование требований о возмещении убытков ссылался на то, что 1 апреля 2014 г. между ним и страховой компанией был заключен договор страхования приобретенного в кредит автомобиля, по которому страхователем являлся истец, а выгодоприобретателем – банк, выдавший кредит на приобретение транспортного средства.

Таким образом, по условиям договора страховое возмещение при наличии на момент страхового случая задолженности Ф. перед банком подлежало выплате в том числе банку для погашения задолженности.

Следовательно, в обычных условиях гражданского оборота с учетом условий договора страхования, заключенного между истцом и ответчиком, страховщик обязан был перечислить страховое возмещение или его часть банку-выгодоприобретателю в размере, соответствующем задолженности по кредитному договору на момент страхового случая. В случае если банк как выгодоприобретатель отказался от получения страховой выплаты, то данная выплата подлежала взысканию в пользу Ф. как страхователя для последующего погашения задолженности. При этом в соответствии с Правилами добровольного страхования транспортных средств, утвержденными страховщиком, страховое возмещение, часть которого должна была быть направлена на погашение задолженности Ф. по кредитному договору, подлежало перечислению не позднее 55 дней с момента получения страховой компанией всех необходимых документов.

При рассмотрении вопроса о том, были ли причинены Ф. убытки выплатой страховщиком страхового возмещения позже определенного Правилами страхования срока, суду следовало иметь в виду, что в результате ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязанностей истец смог погасить долг банку по прошествии 13 месяцев после страхового случая и в течение этого времени вынужден был платить проценты за пользование заемными средствами. В том случае, если бы страховщиком страховое возмещение было выплачено своевременно, на что вправе был рассчитывать истец, у него не возникло необходимости обслуживать кредит и выплачивать излишние проценты, которые он расценивал как убытки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что суд апелляционной инстанции неправильно истолковал нормы материального права и неверно определил взаимосвязь между поведением ответчика и необходимостью истца нести дополнительные расходы на обслуживание кредита.

Рассматривая позицию ответчика, возражавшего против иска со ссылкой на то, что страховое возмещение не выплачивалось длительное время, поскольку страхователь несвоевременно представил все необходимые для выплаты документы, и что отсутствовало заявление выгодоприобретателя, суд апелляционной инстанции должен был учесть следующее.

В силу ст. 309 и 310 ГК РФ обязательства должны исполняться в соответствии с условиями обязательства, односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается.

Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства того, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Из указанных норм права следует, что именно на должнике, а не на кредиторе лежит первичная обязанность совершения необходимых действий и принятия разумных мер по исполнению обязательства.

Предполагается, что в случае возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля должника и препятствующих исполнению им обязательства, он освобождается от ответственности, если у него отсутствует возможность принять разумные меры для устранения таких обстоятельств. При этом должник должен незамедлительно сообщить кредитору о наличии таких обстоятельств после того, как ему стало о них известно.

Судом установлено, что Ф. подал документы для выплаты страхового возмещения 6 декабря 2014 г. Страховая компания уведомила истца о необходимости представления дополнительных документов только письмом от 7 апреля 2015 г., которое Ф. получил 28 мая 2015 г. Каких-либо сообщений об отказе в страховой выплате по причине отсутствия заявления выгодоприобретателя страховщик не направлял, а указанный довод как основание невыплаты появился только в процессе судебного спора.

В связи с этим суду апелляционной инстанции следовало дать оценку действиям страховой компании, в частности обсудить, привели ли они к необоснованной задержке при выплате страхового возмещения.

Определение № 5-КГ18-17

5. Страхователь вправе требовать от страховщика, нарушившего обязательство по проведению восстановительного ремонта транспортного средства, выплаты стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

Возражение ответчика о недоказанности страхового случая не может служить основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке, если в суде первой инстанции факт наступления страхового случая не оспаривался, а имел место спор только о размере страхового возмещения.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта автомобиля, утраты его товарной стоимости, неустойки, штрафа и судебных расходов. В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего истцу автомобиля на срок с 8 февраля 2015 г. по 7 февраля 2016 г. по страховым рискам «ущерб+хищение». Страховая сумма составляет 855 913 руб., форма выплаты страхового возмещения определена сторонами путем ремонта транспортного средства на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

10 августа 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден.

11 августа 2015 г. М. обратился в центр урегулирования убытков страховщика для подачи заявления о страховом случае, однако в принятии заявления ему было отказано. В этот же день заявление о страховом случае было истцом направлено по электронной почте, а 2 сентября 2015 г. направлена претензия.

В связи с отказом ответчика принять заявление и оценить размер ущерба истец был вынужден обратиться в обслуживающий дилерский центр, который произвел оценку стоимости восстановительного ремонта.

М. просил взыскать убытки в размере стоимости восстановительного ремонта – 540 600 руб., утрату товарной стоимости автомобиля – 5790 руб. 25 коп., неустойку за просрочку исполнения обязательства в размере 163 650 руб. 57 коп., штраф за неудовлетворение в добровольном порядке требования потребителя, стоимость восстановления государственного регистрационного знака, возместить убытки, связанные с оформлением документов, и судебные расходы.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично. С ответчика в пользу М. взыскано в счет стоимости восстановительного ремонта 475 498 руб. 47 коп., в счет утраты товарной стоимости автомобиля – 5790 руб. 25 коп., неустойка в размере 163 650 руб. 57 коп., штраф, судебные расходы. В удовлетворении требования о взыскании стоимости восстановления государственного регистрационного знака отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования М. частично, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай имел место, факт обращения истца к страховщику с заявлением о страховом случае и выплате возмещения, а также с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств установлен. Доказательств рассмотрения заявления истца и оснований для отказа в страховой выплате страховщик не представил. Размер ущерба определен по результатам назначенной судом экспертизы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что страховой случай имел место, но по условиям договора между истцом и ответчиком страховая выплата должна производиться путем ремонта автомобиля на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика. Истцом не представлено доказательств обращения к ответчику с заявлением установленной формы с подробным изложением всех известных обстоятельств происшествия, представления страховщику на осмотр застрахованного транспортного средства, а также доказательств того, что страховая компания отказала истцу в принятии его документов. По мнению суда истец избрал ненадлежащий способ защиты своего права, расходов на ремонт транспортного средства он не понес, оснований для изменения условий договора путем выплаты денежной суммы вместо ремонта не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

По общему правилу, установленному п. 3 ст. 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации», обязательство по выплате страхового возмещения является денежным.

Согласно п. 4 названной статьи условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, – организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

В соответствии со ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения (п. 1).

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2).

Согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» (далее – постановление Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20), если договором добровольного страхования предусмотрен восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, осуществляемый за счет страховщика, то в случае неисполнения обязательства по производству восстановительного ремонта в установленные договором страхования сроки страхователь вправе поручить производство восстановительного ремонта третьим лицам либо произвести его своими силами и потребовать от страховщика возмещения понесенных расходов в пределах страховой выплаты.

Таким образом, в случае нарушения страховщиком обязательства произвести ремонт транспортного средства страхователь вправе потребовать возмещения стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что при указанных выше обстоятельствах у истца отсутствует право требовать выплаты стоимости восстановительного ремонта, противоречит приведенным нормам права и постановлению Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20.

Согласно ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в условленный срок и указанным в договоре способом.

Неисполнение обязанности, предусмотренной п. 1 данной статьи, дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения, если не будет доказано, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не могло сказаться на его обязанности выплатить страховое возмещение.

В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20 разъяснено, что на страхователя возлагается обязанность лишь по уведомлению о наступлении страхового случая определенным способом и в определенные сроки. Обязанность по представлению одновременно с этим уведомлением всех необходимых документов на страхователя (выгодоприобретателя) законом не возлагается.

При этом страхователь или выгодоприобретатель имеет возможность оспорить отказ страховщика в выплате страхового возмещения, предъявив доказательства того, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не

повлияло на его возможность определить, действительно ли имел место страховой случай и какова сумма причиненного ущерба (п. 2 ст. 961 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 401 названного кодекса отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» указано, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23¹, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Судом апелляционной инстанции приведенные положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не учтены.

Из установленных обстоятельств дела следует, что истец обращался в страховую компанию с заявлением, в котором сообщил о страховом случае, и с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств, ответчиком же не представлено каких-либо доказательств того, что им предпринимались меры к исполнению обязательств, однако это стало невозможным из-за ненадлежащего поведения истца.

Определение № 49-КГ17-19

***Разрешение споров, связанных с реализацией товаров,
работ и услуг***

6. При рассмотрении требований о взыскании убытков и компенсации морального вреда за непредоставление покупателю надлежащей информации при продаже биологически активных добавок следует учитывать специальные правила, установленные для их рекламы и реализации, а также то, что обязанность доказать соблюдение этих правил возложено законом на продавца.

К., 1936 года рождения, обратилась в суд с иском к торговой компании о взыскании уплаченных по договору денежных средств и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что в апреле 2016 года по радио услышала рекламную информацию о продаже торговой компанией лекарственных препаратов. После ее звонка представители компании, уточнив перечень заболеваний, порекомендовали приобрести у них лекарства стоимостью 170 000 руб. По устной договоренности торговая компания приняла на себя обязательство курьером доставлять по адресу истца заказанные лекарственные препараты, а истец обязалась их оплачивать. Согласно квитанциям (чекам) за доставленные препараты истец в общей сложности заплатила 365 000 руб. В ходе приема препаратов улучшений в самочувствии истца не произошло.

Поскольку, по мнению К., ответчик ввел ее в заблуждение, побудив приобрести не лекарственные препараты, а биологически активные добавки (далее – БАД), истец просила суд взыскать в ее пользу с торговой компании стоимость оплаченных препаратов, компенсацию морального вреда и судебные расходы.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Статьей 10 Закона о защите прав потребителей установлено, что изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Отказывая К. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец не доказала факт непредоставления ей надлежащей информации о приобретаемых препаратах.

Таким образом, в нарушение прямых указаний закона и разъяснений, содержащихся в пп. 28, 44 и 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами

гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», обязанность доказывать непредоставление надлежащей информации была возложена на не обладающего специальными познаниями истца, в то время как факт предоставления надлежащей информации в доступной для истца форме обязан был доказывать ответчик.

Так, суды сослались только на имеющиеся в материалах дела свидетельства о государственной регистрации продукции и сертификаты соответствия единым санитарно-эпидемиологическим и гигиеническим требованиям к товарам. Между тем в данных документах отсутствует какая-либо информация о составе реализуемых ответчиком препаратов, их свойствах, побочных действиях, назначении, способе применения, противопоказаниях, предполагаемом эффекте от применения и т.п.

Каких-либо иных доказательств, подтверждающих то, что до истца в доступной для нее форме была доведена информация, в частности, о потребительских свойствах товара, в судебных постановлениях не содержится, и в материалах дела таких сведений нет.

Кроме того, судами не учтено, что в отношении БАД нормативными актами установлен ряд обязательных требований к информации о них.

В частности, в соответствии с п. 4.13.1 Методических указаний «2.3.2. Пищевые продукты и пищевые добавки. Определение безопасности и эффективности биологически активных добавок к пище» (МУК 2.3.2.721-98), утвержденных Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 15 октября 1998 г., расфасованные и упакованные БАД к пище должны иметь этикетки, на которых на русском языке указываются: наименование продукта и его вид; номер технических условий (для отечественных БАД); область применения; название организации-изготовителя и ее юридический адрес (для импортируемых на территорию Российской Федерации продуктов – страна происхождения и наименование фирмы-изготовителя); вес и объем продукта; наименование входящих в состав продуктов ингредиентов, включая пищевые добавки; пищевая ценность (калорийность, белки, жиры, углеводы, витамины, микроэлементы); условия хранения; срок годности и дата изготовления; способ применения (в случае, если требуется дополнительная подготовка БАД); рекомендации по применению, дозировка; противопоказания к использованию и побочные действия (при необходимости); особые условия реализации (при необходимости).

Аналогичные требования к упаковке БАД и информации, нанесенной на этикетку, содержатся в пп. 4.3 и 4.4 постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 50 «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.3.2.1290-03».

Пунктом 4.5 названного постановления предусмотрено, что указанная выше информация доводится до сведения потребителей в любой доступной для прочтения потребителем форме.

Кроме того, в соответствии с СанПиН 2.3.2.1290-03 «Гигиенические требования к организации производства и оборота биологически активных добавок к пище (БАД)», утвержденными постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 50, продажа БАД дистанционным способом не допускается.

Также Правилами продажи отдельных видов товаров, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 55, установлено, что разносная торговля БАД как пищевыми продуктами не допускается.

В ст. 25 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» установлено, что реклама БАД и пищевых добавок не должна: создавать впечатление о том, что они являются лекарственными средствами и (или) обладают лечебными свойствами; содержать ссылки на конкретные случаи излечения людей, улучшения их состояния в результате применения таких добавок; содержать выражение благодарности физическими лицами в связи с применением таких добавок; побуждать к отказу от здорового питания; создавать впечатление о преимуществах таких добавок путем ссылки на факт проведения исследований, обязательных для государственной регистрации таких добавок, а также использовать результаты иных исследований в форме прямой рекомендации к применению таких добавок (ч. 1).

Реклама БАД в каждом случае должна сопровождаться предупреждением о том, что объект рекламирования не является лекарственным средством. В данной рекламе, распространяемой в радиопрограммах, продолжительность такого предупреждения должна составлять не менее чем три секунды, в рекламе, распространяемой в телепрограммах, при кино- и видеообслуживании, – не менее чем пять секунд, и такому предупреждению должно быть отведено не менее чем семь процентов площади кадра, а в рекламе, распространяемой другими способами, – не менее чем десять процентов рекламной площади (пространства) (ч. 1¹).

Положения приведенных нормативных актов с учетом доводов истца о недобросовестной рекламе, о реализации ей под видом лекарств биологически активных добавок к пище, о непредоставлении надлежащей информации о них в силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ обязывали суд определить в качестве обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора, вопросы о соблюдении ответчиком обязательных требований к рекламе и реализации таких БАД с соответствующим распределением обязанностей по доказыванию. Однако эти требования судами были нарушены, что привело к неправильному разрешению спора.

7. Убытки, причиненные заказчику вследствие устранения им самостоятельно недостатков работы, выполненной по договору подряда, подлежат возмещению исполнителем.

Общество в интересах И. обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее – ИП) о возмещении убытков, компенсации морального вреда и взыскании штрафа в размере 50% от присужденной денежной суммы.

В обоснование заявленных требований указано, что между И. как заказчиком и ИП как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался организовать и произвести квалифицированные строительные работы для устройства фундамента согласно прилагаемым к договору эскизным чертежам и смете. Стоимость работ по указанному договору была полностью оплачена заказчиком. После завершения работ по договору подряда истец отказалась их принять в связи с недостатками возведенного фундамента и предъявила ИП претензию с требованием устранить эти недостатки, которая в добровольном порядке удовлетворена не была. В связи с этим И. устранила указанные недостатки за свой счет.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции исходил из того, что ИП выполнил работы по договору подряда с недостатками, в связи с чем он обязан возместить И. расходы на устранение этих недостатков и убытки, причиненные истцу вследствие недостатков выполненной работы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что после обнаружения недостатков выполненной ИП работы у И. возникло право устранить эти недостатки за свой счет и потребовать возмещения ответчиком расходов, понесенных на такое устранение, однако этим правом истец не воспользовалась. Суд также сослался на то, что после устранения недостатков фундамента И. продолжила строительство на этом фундаменте, не проявив должную осмотрительность и не убедившись в допустимости такого строительства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, указав следующее.

В п. 1 ст. 14 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме.

Право потребителя на полное возмещение убытков, причиненных ему вследствие недостатков выполненной работы, предусмотрено также в п. 1 ст. 29 названного закона.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», убытки, причиненные потребителю в связи с нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав, подлежат возмещению в полном объеме, кроме случаев, когда законом установлен ограниченный размер ответственности. Под убытками в соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ следует понимать расходы, которые потребитель, чье право нарушено, произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые потребитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что на исполнителя возлагается ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие недостатков выполненной работы.

Судом установлено, что предусмотренные договором подряда работы выполнены ИП с недостатками.

При таких обстоятельствах для правильного разрешения спора суду апелляционной инстанции следовало дать оценку вопросу о наличии либо об отсутствии причинно-следственной связи между указанными недостатками и понесенными истцом убытками, а также определить размер этих убытков с разумной степенью достоверности.

Однако в нарушение ст. 196 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не дал оценки этим юридически значимым обстоятельствам, формально сославшись на то, что после выявления недостатков фундамента истец продолжила строительство дома.

Согласно п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать:

безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);

соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);

безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь;

возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

Из приведенной правовой нормы следует, что при обнаружении недостатков выполненной работы потребитель вправе своими силами или

с привлечением третьих лиц устранить такие недостатки, потребовав у подрядчика возмещения расходов, понесенных на их устранение.

Как установлено судом, после обнаружения недостатков выполненной ИП работы И. неоднократно обращалась к нему с требованиями об устранении этих недостатков, которые ответчик в добровольном порядке не удовлетворил, после чего истец устранила указанные недостатки за свой счет с привлечением третьих лиц.

Обращение И. в суд с иском к ИП о возмещении расходов на устранение недостатков работы является способом защиты права истца, предусмотренного Законом о защите прав потребителей, на возмещение данных расходов.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, указавшим, что И. названным правом не воспользовалась.

Определение № 41-КГ17-25

8. Доказать факт возникновения недостатков выполненной работы (оказанной услуги) до ее принятия или по причинам, возникшим до этого момента, обязан заказчик.

Общество обратилось в суд в интересах Д. к индивидуальному предпринимателю (далее – ИП) о взыскании денежных средств за некачественно оказанную услугу, двукратной стоимости испорченных предметов одежды, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа в соответствии с Законом о защите прав потребителей.

Судом по делу установлено, что 12 января 2016 г. между истцом Д. и ИП заключен договор об оказании услуг по химической чистке платья и мужских брюк. Данная услуга истцом оплачена.

После химической чистки и получения названных изделий Д. дважды (12 и 17 февраля 2016 г.) обращался к ответчику с претензией о выплате двукратной стоимости изделий, в которой указал, что после проведенных работ по химической чистке на платье появилось белое пятно, брюки уменьшились в размере и потеряли первоначальный цвет, то есть ИП оказана услуга ненадлежащего качества. Однако требование потребителя в добровольном порядке удовлетворено не было.

Разрешая спор и удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что ответчиком оказана услуга по химической чистке изделий ненадлежащего качества, вследствие чего использование этих предметов одежды по назначению невозможно, при этом имеется прямая причинно-следственная связь между действиями ИП и возникшими в принадлежащих Д. изделиях дефектами. Также суд указал, что ответчиком не представлено доказательств того, что выявленные дефекты возникли по вине истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов основанными на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 730 ГК РФ по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

Согласно п. 1 ст. 721 названного кодекса качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а при отсутствии или неполноте условий договора требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода.

К отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным ГК РФ, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними (п. 3 ст. 730 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 35 Закона о защите прав потребителей, если работа выполняется полностью или частично из материала (с вещью) потребителя, исполнитель отвечает за сохранность этого материала (вещи) и правильное его использование.

В случае полной или частичной утраты (повреждения) материала (вещи), принятого от потребителя, исполнитель обязан в трехдневный срок заменить его однородным материалом (вещью) аналогичного качества и по желанию потребителя изготовить изделие из однородного материала (вещи) в разумный срок, а при отсутствии однородного материала (вещи) аналогичного качества – возместить потребителю двукратную цену утраченного (поврежденного) материала (вещи), а также расходы, понесенные потребителем.

Пунктом 14 Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 15 августа 1997 г. № 1025, установлено, что потребитель обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором, с участием исполнителя осмотреть и принять выполненную работу (ее результат). При обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе потребитель должен немедленно заявить об этом исполнителю. Указанные недостатки должны быть описаны в акте либо в ином документе, удостоверяющем приемку.

Потребитель, обнаруживший после приемки работы отступления в ней от договора или иные недостатки, которые не могли быть установлены при обычном способе приемки (скрытые недостатки), в том числе такие, которые были умышленно скрыты исполнителем, обязан известить об этом исполнителя в разумный срок по их обнаружении.

Согласно п. 18 названных правил при получении изделия из химической чистки потребитель обязан проверить сохранность исходной формы, целостность, размеры, цвет, рисунок, рельефность.

В соответствии с пп. 3 и 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе предъявлять требования, связанные с недостатками выполненной работы (оказанной услуги), если они обнаружены в течение гарантийного срока, а при его отсутствии в разумный срок, в пределах двух лет со дня принятия выполненной работы (оказанной услуги) или пяти лет в отношении недостатков в строении и ином недвижимом имуществе. Исполнитель отвечает за недостатки работы (услуги), на которую не установлен гарантийный срок, если потребитель докажет, что они возникли до ее принятия им или по причинам, возникшим до этого момента.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17, при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере).

Исключение составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, был ли установлен на товар (работу, услугу) гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков (п. 6 ст. 18, пп. 5 и 6 ст. 19, пп. 4, 5 и 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Таким образом, непредъявление потребителем требований, связанных с недостатками оказанной услуги, при принятии услуги или в ходе ее оказания не исключает ответственности исполнителя работ за выявленные недостатки, если потребитель докажет, что они возникли до принятия им результатов работ или по причинам, возникшим до этого момента (п. 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Как следует из содержания квитанции от 12 января 2016 г., изделия после выполнения услуги по химчистке приняты заказчиком без указания каких-либо недостатков.

В целях выяснения причин образования дефектов на изделиях судом первой инстанции была назначена судебно-товароведческая экспертиза, согласно выводам которой белесое пятно на платье образовалось в результате локального протирания поверхности платья отбеливающим средством, выделяющим хлор, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте платья – изделие не должно подвергаться отбеливанию средствами, выделяющими хлор. Мужские брюки имеют усадку на 2 размера и деформацию швов в виде «гармошки». Усадка брюк

и деформация швов на них произошли в результате глажки утюгом, нагретым до температуры 200 градусов Цельсия, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте брюк – гладить при температуре не более 110 градусов Цельсия.

Однако заключение эксперта, положенное в основу решения суда, не содержит выводов относительно конкретного времени образования обнаруженных дефектов, что оставлено без внимания и оценки суда апелляционной инстанции.

Кроме того, никакой правовой оценки не дано тому обстоятельству, что после выдачи изделий истцу они находились у владельцев и могли использоваться до 12 февраля 2016 г., когда Д. в адрес ИП направлена претензия о выявленных дефектах.

Ответчик в ходе рассмотрения дела ссылаясь на отсутствие нарушения им порядка оказания услуг по химчистке изделий и на то, что передал изделия заказчику после химчистки без недостатков, указанных истцом. Вопреки приведенным выше требованиям Закона о защите прав потребителей и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации эти доводы ИП истцом, на которого должно быть возложено бремя доказывания возникновения недостатков до принятия результатов услуг или по причинам, возникшим до этого момента, не опровергались, доказательств в обоснование своей позиции истец не представил. Более того, суд апелляционной инстанции незаконно возложил на ответчика бремя доказывания того обстоятельства, что дефекты в сданных вещах возникли не в процессе чистки, а после их передачи заказчику.

Определение № 18-КГ18-15

9. Определение № 31-КГ18-3 исключено – обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г. (с. 157).

Разрешение споров, связанных с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов

10. В случае просрочки исполнения обязательства по строительству квартиры и передаче ее гражданину согласованная сторонами сделки сумма доплаты за объект недвижимости в иностранной валюте подлежит расчету исходя из курса иностранной валюты по отношению к рублю на день платежа, установленный в

договоре. Издержки, вызванные курсовой разницей валют, относятся на лицо, просрочившее исполнение.

Общество в интересах С. обратилось в суд с иском к обществу с требованиями о возложении на ответчика обязанности передать С. по договору купли-продажи квартиру и произвести регистрацию права собственности истца на указанную квартиру, а также с требованиями определить сумму доплаты за квартиру по курсу доллара к рублю на момент установленного сторонами срока завершения строительства, о взыскании в пользу С. неустойки и признании условий дополнительного соглашения не действительными в части.

В обоснование требований указано, что 23 августа 2006 г. между С. и обществом заключен договор, именуемый договором займа, по условиям которого истец передала ответчику денежные средства в размере 10 956 700 руб. со сроком возврата не позднее 31 декабря 2010 г. Вместе с тем дополнительным соглашением от того же дня – 23 августа 2006 г. – установлено погашение задолженности путем предоставления С. в строящемся доме трехкомнатной квартиры. Для случаев уменьшения или увеличения в процессе строительства площади квартиры стоимость квадратного метра определена в размере 3120 долларов США, ориентировочный срок окончания строительства – IV квартал 2009 г. Дополнительными соглашениями от 3 октября 2011 г. срок возврата займа определен не позднее 31 декабря 2013 г., а ориентировочный срок окончания строительства – IV квартал 2012 г.

Письмом от 10 февраля 2016 г. С. проинформирована о начале течения срока передачи квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи с оплатой дополнительной площади.

29 февраля 2016 г. С. в адрес ответчика направлена претензия о несогласии с доплатой за квартиру в сумме 29 029 долларов США, в которую входит стоимость услуг по оформлению жилого помещения в собственность – 4069 долларов США и 24 960 долларов США – за увеличение площади квартиры на 8 кв. м по курсу на день оплаты.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права.

В п. 13 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 г., содержится разъяснение о том, что при рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных на сделках, связанных с передачей гражданами денежных средств и (или) иного имущества в целях

строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность, но совершенных в нарушение требований Закона № 214-ФЗ¹, независимо от наименования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон. В таких случаях, если судом установлено, что сторонами при совершении сделки, не отвечающей указанным требованиям, действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве, к сделке применяются положения Закона № 214-ФЗ, в том числе меры ответственности, им предусмотренные.

В соответствии со ст. 4 Закона № 214-ФЗ по договору участия в долевом строительстве одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Согласно ч. 2 ст. 6 данного федерального закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная названной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере. В случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства вследствие уклонения участника долевого строительства от подписания передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства застройщик освобождается от уплаты участнику долевого строительства неустойки (пени) при условии надлежащего исполнения застройщиком своих обязательств по такому договору.

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу с 1 апреля 2005 г. (далее по тексту – Закон № 214-ФЗ), в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что ответчик является застройщиком, осуществляющим строительство многоквартирного дома, стороны одновременно заключили и договор, именуемый договором займа, и дополнительное соглашение к нему, по которому встречным обязательством ответчика является предоставление истцу квартиры в возводимом ответчиком многоквартирном жилом доме. При этом истцом ответчику внесена сумма, равная стоимости строительства квартиры, с учетом возможности ее корректировки в зависимости от увеличения или уменьшения площади квартиры в процессе строительства, сторонами согласованы параметры строящейся квартиры, а также сроки строительства и передачи квартиры истцу.

Данные обстоятельства судебные инстанции не учли и не применили закон, подлежащий применению к этим отношениям.

Дополнительным соглашением сторон от 3 октября 2011 г. к дополнительному соглашению к договору займа от 23 августа 2011 г. срок окончания строительства изменен на IV квартал 2012 г.

Судом установлено, что письмо о готовности квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи до 27 апреля 2016 г. с доплатой в размере 29 029 долларов США направлено С. 10 февраля 2016 г. и получено последней 18 февраля 2016 г.

Таким образом, со стороны ответчика имела место просрочка в исполнении обязательства по строительству квартиры и передаче ее истцу.

Между тем требования С. о взыскании неустойки и ее зачете в счет доплаты за увеличение площади квартиры судами не рассмотрены.

В соответствии со ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны.

Право на неустойку согласно приведенным выше положениям Закона № 214-ФЗ возникает у участника строительства с момента нарушения застройщиком предусмотренных договором сроков.

Согласия ответчика на зачет неустойки не требовалось, заявление истца о зачете являлось достаточным, а суду следовало определить размер неустойки, подлежащей зачету.

Отказывая в иске, судебные инстанции не учли, что по условиям договора обязательство о доплате истец должна была исполнить после окончания ответчиком строительства дома и производства обмеров построенной квартиры, это обязательство не было исполнено ею вследствие нарушения ответчиком сроков строительства, а впоследствии из-за возникшего между сторонами спора.

Поскольку по данному делу возник спор о размере взаимных обязательств сторон по договору, суду следовало определить размер этих обязательств для обеих сторон.

Так, в п. 58 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъяснено, что в случае спора о размере встречного исполнения истца, если суд установит, что неисполнение с его стороны носило незначительный характер, суд вправе удовлетворить иск об исполнении ответчиком обязательства в натуре, определив объем подлежащего истцом исполнения.

Кроме того, при разрешении вопросов, связанных с установлением объема денежных обязательств, судебными инстанциями неправильно применены нормы материального права.

В соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (эку, «специальных правах заимствования» и др.). В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон.

При определении дня платежа и, соответственно, курса валюты следует иметь в виду, что согласно ст. 309 названного кодекса обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В п. 1 ст. 406 этого же кодекса установлено, что кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства.

Как указано выше, обязательство о доплате, в том числе за увеличение площади квартиры, истец не могла исполнить до завершения ответчиком строительства и производства обмеров.

Заклячая договор, предусматривающий платежи в рублях в сумме, эквивалентной сумме в иностранной валюте, а также дополнительное соглашение к нему, стороны предусмотрели, что строительство будет окончено в IV квартале 2012 г., после чего квартира по договору купли-продажи будет передана истцу в течение 100 дней.

Из установленных судом обстоятельств следует, что со стороны ответчика имела место просрочка в строительстве подлежащего передаче

истцу жилого помещения. До окончания строительства платежи истцом совершены быть не могли.

В силу приведенных положений п. 1 ст. 406 ГК РФ убытки, вызванные просрочкой исполнения обязательств, в том числе обусловленные изменением в этот период курса валют, должны быть отнесены на сторону, допустившую такую просрочку, а день платежа должен определяться исходя из условий договора при надлежащем исполнении его стороной, являющейся кредитором в таком денежном обязательстве.

По смыслу приведенных норм права истец не должна быть поставлена в худшее положение, а допустивший просрочку ответчик – в лучшее по сравнению с тем, как если бы ответчик исполнил обязательство добросовестно и в срок.

Определение № 5-КГ17-117

11. Признание указанного в договоре об участии в долевом строительстве жилья срока исполнения обязательства застройщика технической ошибкой (опиской) возможно только лишь в случае, когда будет установлено, что обе стороны договора действительно имели в виду другой срок исполнения обязательства.

П. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа.

В обоснование своих требований истец указал, что стороны заключили договор участия в долевом строительстве, объектом которого является однокомнатная квартира. П. полностью оплатил стоимость объекта долевого строительства. Ссылаясь на неисполнение ответчиком своего обязательства по передаче квартиры в установленный договором срок – 30 декабря 2015 г., истец просил суд взыскать с ответчика в его пользу неустойку, компенсацию морального вреда, штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом.

Решением суда требования истца удовлетворены частично.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Одним из основополагающих принципов гражданского законодательства является принцип свободы договора, согласно которому граждане и юридические лица свободны в заключении договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ).

В соответствии со ст. 422 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

По смыслу приведенных выше законоположений свобода договора означает свободу волеизъявления стороны договора на его заключение на определенных сторонами условиях. Стороны договора по собственному усмотрению решают вопросы о заключении договора и его содержании, обязаны исполнять договор надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства.

Статьей 309 ГК РФ предусмотрено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 214-ФЗ одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

На основании ч. 1 ст. 6 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства не позднее срока, предусмотренного договором и единого для участников долевого строительства, которым застройщик обязан передать объекты долевого строительства, входящие в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или в состав блок-секции многоквартирного дома, имеющей отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования, за исключением случая, установленного ч. 3 данной статьи, предусматривающей изменение установленного договором срока.

В силу ч. 2 ст. 6 названного закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная данной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 4 Закона № 214-ФЗ договор участия в долевом строительстве должен содержать срок передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства.

Из приведенных положений закона следует, что договор участия в долевом строительстве должен содержать условие о сроке передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику этого строительства, то есть это условие является существенным для такого договора.

Обращаясь в суд с иском, П. ссылаясь на то, что договор долевого участия в строительстве он заключал на условии передачи объекта долевого строительства до 30 декабря 2015 г.

Представитель ответчика Б. с иском не согласилась и в возражениях на иск и своих объяснениях в судебном заседании указала, что в тексте договора допущена описка в date передачи квартиры, вместо 2016 года ошибочно указан 2015 год.

Исходя из обоснования заявленных исковых требований и возражений против них юридически значимыми и подлежащими выяснению с учетом содержания спорных правоотношений сторон и подлежащих применению норм материального права обстоятельствами по данному делу являлись установление действительного волеизъявления сторон при заключении договора долевого участия в строительстве в части определения срока передачи объекта долевого строительства и надлежащее исполнение сторонами условий этого договора.

При этом единство воли истца и ответчика на установление иной даты передачи квартиры по договору участия в долевом строительстве, чем указанная в договоре, подлежало установлению судом на основании анализа всех фактических обстоятельств, подтверждающих реальность намерений сторон, а также оценки совокупности представленных доказательств.

Эти значимые для правильного разрешения дела обстоятельства судом апелляционной инстанции установлены не были. В нарушение требований ч. 4 ст. 67, ч. 4 ст. 198, пп. 5 и 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ выводы суда об опiske в нумерации года передачи квартиры не мотивированы, соответствующие доказательства не приведены.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если указанные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных

отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Изложенные в данной норме правила толкования договора подлежат последовательному применению при соблюдении предусмотренных в ней условий.

Следовательно, в случае толкования условий договора путем их сопоставления с другими условиями договора и смыслом договора в целом суду следовало указать, на каком основании он пришел к выводу о неясности толкуемых условий исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, а в случае толкования условий договора путем выяснения действительной воли сторон с учетом цели договора суду следовало указать, в связи с чем он пришел к выводу о невозможности определить содержание договора с использованием других правил его толкования.

При этом в силу приведенных положений ст. 431 ГК РФ подлежала установлению не только воля застройщика на заключение договора с определенным сроком исполнения, но и воля участника долевого строительства.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, который, толкуя условия договора участия в долевом строительстве о сроке передачи квартиры истцу, не указал, в чем состоит неясность этого условия исходя из буквального значения содержащихся в нем слов в их обычно употребляемом смысле, не установил действительную волю сторон и цели договора с учетом фактических обстоятельств дела, не истолковал условие о сроке этого договора по правилам, изложенным в ст. 431 ГК РФ, и не дал оценку вопросу о том, подлежит ли это условие толкованию исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, иных условий и смысла договора в целом или путем выяснения действительной воли сторон с учетом их взаимоотношений и цели договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и признавая наличие в договоре долевого участия в строительстве технической описки, не учел, что данный договор прошел государственную регистрацию, в рамках которой проведена проверка законности сделки и установлено отсутствие противоречий между заявляемыми правами и уже зарегистрированными правами на объект недвижимого имущества, в том числе и в отношении единого срока передачи объекта долевого строительства для всех участников долевого строительства.

Данные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, не получили надлежащей оценки суда апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ17-70

12. Меры ответственности, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, применяются к застройщику в части, не урегулированной Законом № 214-ФЗ.

С. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, штрафа в размере 50% от цены иска, компенсации морального вреда, возложении обязанности устранить недостатки по договору участия в долевом строительстве на территории подземной автостоянки. В обоснование заявленных требований указано, что в 2013 году между С. и ответчиком был заключен договор участия в долевом строительстве жилого комплекса с подземной автостоянкой со встроенно-пристроенными торгово-офисными помещениями и хореографическим центром, по которому застройщик обязался построить и передать в срок не позднее 1 марта 2014 г. два машиноместа. 8 апреля 2015 г. в инспекцию государственного строительного надзора подано коллективное заявление, ответ на которое подтверждает необходимость устранения дефектов и недоделки на объекте долевого строительства. 28 апреля 2014 г. состоялся повторный осмотр объекта, дефекты и недоделки из списка замечаний по состоянию на 10 апреля 2015 г. устранены не были. 2 марта 2016 г. ответчику была направлена претензия, в которой С. просил выплатить сумму неустойки за нарушение сроков устранения недостатков выполненной работы.

Представитель ответчика в судебном заседании исковые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил в том числе из того, что в случае обнаружения в объекте долевого строительства недостатков участнику долевого строительства предоставлены права, предусмотренные ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а не права, предусмотренные Законом о защите прав потребителей. Требований, предусмотренных Законом № 214-ФЗ, являющимся специальным по отношению к Закону о защите прав потребителей, С. не предъявлял.

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что С. не заявлял требование об устранении недостатков в объектах долевого строительства, в связи с чем суд первой инстанции принял решение по не заявленному истцом требованию в нарушение ч. 3 ст. 196 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась, указав в том числе следующее.

В соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона № 214-ФЗ к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином – участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской

деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной данным законом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

Судом установлено, что между участниками долевого строительства, в их числе и С., и застройщиком неоднократно велись переговоры по вопросам устранения дефектов и недоделок, обнаруженных на подземной парковке.

Таким образом, в случае неисполнения застройщиком требования участника о безвозмездном устранении недостатков объекта долевого строительства подлежат применению нормы Закона о защите прав потребителей, устанавливающие санкции за несвоевременное устранение недостатков товара, в части, не урегулированной специальным законом.

В силу ст. 20 Закона о защите прав потребителей, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Согласно п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей за нарушение предусмотренных ст. 20, 21 и 22 данного закона сроков, а также за невыполнение (задержку выполнения) требования потребителя о предоставлении ему на период ремонта (замены) аналогичного товара продавец (изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер), допустивший такие нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Суд апелляционной инстанции не учел названные выше разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также то, что положениями Закона № 214-ФЗ вопрос о взыскании штрафа за неудовлетворение требований в добровольном порядке не урегулирован.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда № 17 от 28 июня 2012 г., при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 Закона).

С учетом изложенного С. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков переданных машиномест, выявленных в течение гарантийного срока, а в случае невыполнения указанного требования в

установленный законом срок потребовать взыскания с застройщика неустойки.

Определение № 11-КГ17-29

13. Гражданин вправе требовать от застройщика компенсации понесенных им расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства в случае, если объект построен с отступлениями от условий договора и (или) установленных в законе обязательных требований, приведшими к ухудшению качества этого объекта.

Такого рода требования, основанные на положениях ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, могут быть заявлены в течение установленного гарантийного срока.

Общество обратилось в суд в защиту интересов М. с иском к застройщику о возмещении расходов по устранению недостатков выполненных работ на объекте долевого строительства, взыскании неустойки, штрафа в размере 25% от присужденной судом суммы в пользу

М. и 25% в пользу общества, расходов на досудебную экспертизу, компенсации морального вреда.

Судом по делу была назначена строительно-техническая экспертиза. Согласно заключению эксперта отделочные работы, выполненные в квартире М., не соответствуют действующим нормативным требованиям, также была установлена рыночная стоимость ремонта, который необходимо выполнить в результате выявленных дефектов отделочных работ, произведенных застройщиком.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что объект строительства передан истцу застройщиком с недостатками, которые не устранены, руководствуясь при этом ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а также принимая во внимание заключение эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска, поскольку пришел к выводу о том, что указанная норма применяется, если в объекте долевого строительства выявлены недостатки, делающие этот объект непригодным для использования. При рассмотрении данного дела, по мнению суда, эта норма применению не подлежит, поскольку выявленные недостатки являются несущественными, то есть позволяют использовать квартиру в соответствии с условиями договора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ (здесь и далее нормы закона приведены в редакции, действовавшей на момент заключения договора участия в долевом строительстве) предусмотрено, что застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

Согласно ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: 1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; 2) соразмерного уменьшения цены договора; 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков.

В силу ч. 3 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства или

неустранения выявленных недостатков в установленный участником долевого строительства разумный срок участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от застройщика возврата денежных средств и уплаты процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 данного закона.

В соответствии с ч. 6 ст. 7 Закона № 214-ФЗ участник долевого строительства вправе предъявить застройщику требования в связи с ненадлежащим качеством объекта долевого строительства при условии, если недостатки были выявлены в течение гарантийного срока.

По смыслу указанных выше положений закона участник долевого строительства в течение гарантийного срока вправе потребовать от застройщика возмещения своих расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства, не только если выявленные недостатки делают объект непригодным для предусмотренного договором использования, но также и в случае, если объект построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о том, что норма ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ подлежит применению только в случае обнаружения существенных недостатков, не позволяющих использовать объект долевого строительства по назначению, является ошибочным, следовательно, М. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков объекта строительства, выявленных в течение гарантийного срока.

Согласно договору участия в долевом строительстве объект долевого строительства предполагался к передаче участнику со следующими элементами внутренней отделки и комплектации: полы – линолеум, стены – обои под покраску без последующей окраски. Окраска, побелка; входная дверь – металлическая без внутренней облицовки; межкомнатные двери – деревянные; окна и двери на балкон и (или) лоджию – металлопластиковые изделия; лоджия и (или) балкон застеклены; комплектующие: кухня – мойка металлическая, электроплита; санузел – унитаз (санфаянс), полы – плитка; ванная комната – ванна (металлическая), раковина (санфаянс), счетчики горячей и холодной воды. Ввод в квартиру инженерных сетей – отопления, водоснабжения, канализации, электроснабжения.

Договором участия в долевом строительстве многоквартирного дома предусмотрено, что застройщик обязуется передать участникам долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора либо, при отсутствии или неполноте условий такого договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

По условиям договора участия в долевом строительстве гарантийный срок на объект долевого строительства составляет пять лет. Указанный срок исчисляется со дня передачи объекта долевого строительства участникам долевого строительства.

Судом установлено, что претензию по качеству внутренней отделки М. предъявил обществу в течение гарантийного срока.

Согласно заключению эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу, в спорной квартире имеются недостатки, а именно – отделочные работы, выполненные в ней, не соответствуют действующим нормативным требованиям, в частности пп. 3.12, 3.67, 4.24, 4.39, 4.43 СНиП 3.04.01-87 «Изоляционные и отделочные покрытия».

Доводам М., а также указанному заключению, положенному в основу решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в нарушение требований гражданско-процессуального законодательства оценки не дал.

Определение № 18-КГ17-222

14. Обязанность представить доказательства, подтверждающие, что замена строительных материалов на эквивалентные по качеству соответствует условиям договора и не привела к ухудшению качества объекта долевого строительства, возлагается на застройщика.

В. обратилась в суд с иском к застройщику об уменьшении цены объекта долевого строительства, о взыскании убытков, понесенных ей в связи с необходимостью получения заключения специалиста, неустойки за неудовлетворение требований потребителя об устранении недостатков работ, компенсации морального вреда, штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя в размере 50% от присужденной суммы, судебных расходов на оплату услуг представителя.

Судом установлено, что между застройщиком и В. заключен договор участия в долевом строительстве.

Стоимость объекта долевого строительства (квартиры) оплачена истцом в полном объеме.

В соответствии с техническим описанием жилого помещения, являющимся неотъемлемой частью договора, в разделе «Конструктивные элементы» в графе «Межкомнатные перегородки» указан материал «кирпич». Фактически в построенной ответчиком квартире межкомнатные перегородки сделаны из пазогребневых плит.

Претензию В. об устранении недостатков, связанных с межкомнатными перегородками и ненадлежащим прикреплением электрических розеток, застройщик частично удовлетворил, отказав в замене материала межкомнатных перегородок со ссылкой на то, что проектной декларацией, составленной на основе документов, получивших

положительное заключение государственной экспертизы, возведение указанных перегородок предусматривалось из пазогребневых плит.

Разрешая спор и удовлетворяя иск В. в части уменьшения цены договора и взыскания стоимости работ, необходимых для приведения квартиры в соответствие с условиями договора, суд первой инстанции, положив в основу заключение эксперта, пришел к выводу о несоответствии материала, из которого возведены в квартире истца межкомнатные перегородки, условиям заключенного между сторонами договора.

Поскольку между сторонами согласован материал, из которого должны быть изготовлены межкомнатные перегородки, судом отклонены возражения ответчика о праве застройщика в соответствии с условиями договора вносить без дополнительного уведомления участника незначительные архитектурные, структурные изменения, а также заменять строительные материалы или оборудование, указанные в проектной документации, на эквивалентные по качеству строительные материалы или оборудование при условии, что по завершении строительства объект долевого строительства будет отвечать требованиям проектной документации.

Суд, установив нарушения прав В. как потребителя, с учетом принципа разумности и справедливости взыскал компенсацию морального вреда, а также штраф в размере 50% от сумм, присужденных истцу.

Отказывая в удовлетворении требований о взыскании убытков, связанных с обращением к специалисту, суд указал на то, что данные расходы являются судебными, но поскольку по делу была проведена судебная экспертиза, данные расходы истца не являлись необходимыми.

Не установив фактического состава, необходимого для привлечения ответчика к ответственности, предусмотренной п. 3 ст. 30 Закона о защите прав потребителей, суд отказал в иске в части взыскания неустойки.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в иске в полном объеме, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, применив пазогребневые плиты для возведения межкомнатных перегородок, ответчик допустил отступление от условий договора. Вместе с тем доказательств, с достаточностью и достоверностью подтверждающих ухудшение в связи с этим качества объекта долевого строительства, материалы дела не содержат, а потому оснований для уменьшения цены квартиры не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и

градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных выше обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения цены договора; возмещения своих расходов на устранение недостатков (ч. 2 ст. 7 указанного закона).

По смыслу приведенных правовых норм при установлении факта отступления застройщика от условий договора, предусматривающих возведение межкомнатных перегородок из кирпича, именно на ответчика возлагается обязанность доказывания того обстоятельства, что замена строительных материалов произведена на эквивалентные по качеству, а также что возведение межкомнатных перегородок из пазогребневых плит не привело к ухудшению качества объекта долевого строительства.

Однако суд в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ возложил обязанность по доказыванию факта некачественного строительства объекта на истца-потребителя, тогда как бремя доказывания надлежащего исполнения обязательства возлагается на застройщика.

Суд апелляционной инстанции не указал в своем определении, на каких доказательствах основан вывод о том, что изменение используемого застройщиком материала не привело к ухудшению качества перегородки и, соответственно, квартиры, в связи с чем данное утверждение признано Судебной коллегией необоснованным, а апелляционное определение – не соответствующим положениям ст. 198 и 329 ГПК РФ.

Определение № 31-КГ17-11

Разрешение споров, связанных с осуществлением трудовой (служебной) деятельности

15. Если отношения сторон фактически складываются как трудовые, то независимо от их юридического оформления к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Ж.Н. и Ж.Е. обратились в суд с иском к обществу о признании заключенными с ними трудовых договоров, об обязании оформить трудовые договоры с указанием места работы, трудовой функции, оплаты труда, условия о том, что работа выполняется в опасных условиях труда с обязательным социальным страхованием работника, о возложении

обязанности рассчитать и внести страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование, возложении обязанности внести в трудовую книжку записи о приеме на работу и об увольнении по п. 2 ст. 77 ТК РФ (истечение срока трудового договора), возложении обязанности составить и выдать Ж.Н. акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1.

В обоснование заявленных требований Ж.Н. и его сын Ж.Е. указали, что в апреле 2015 года они были приглашены на работу в общество. На собеседовании им было сообщено о месте исполнения ими трудовых обязанностей в период с 6 мая по 30 июня 2015 г. включительно. После прохождения обучения и проверки на знание правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя им были присвоены группы электробезопасности, дающие право на работу с электрооборудованием.

Ж.Н. прошел аттестацию в аттестационной комиссии на должность бригадира электромонтажников. Стороны согласовали размер заработной платы, круг должностных обязанностей. Истцы сдали трудовые книжки ответчику для оформления трудовых отношений, получили по 10 000 руб. каждый в качестве суточных. Перед выездом к месту работы им вручили проездные билеты и договоры подряда.

Ж.Н. работал бригадиром электромонтажников. В круг его обязанностей входило проведение инструктажа и стажировки работников ответчика, распределение работы между электромонтажниками, контроль за выполненной работой, что подтверждается записями в журнале.

Ж.Е. работал электромонтажником, выполнял работу по монтажу электрооборудования под непосредственным руководством Ж.Н. и инженера контрольно-измерительных приборов и автоматики. 27 июня 2015 г. Ж.Н., находясь на рабочем месте и выполняя свои трудовые обязанности, получил травму на производстве.

В связи с обращением Ж.Н. в государственную инспекцию труда было проведено расследование, по результатам которого составлен акт расследования несчастного случая, в котором указано на наличие признаков трудового договора, заключенного сторонами. В рамках названного расследования руководитель общества С. дал письменные пояснения, согласно которым истцы с обществом в трудовых отношениях не состояли, между сторонами имели место гражданско-правовые отношения. С этим истцы не согласны со ссылкой на акт расследования несчастного случая, в соответствии с которым договор подряда, заключенный с Ж.Н., носит признаки трудового договора. Истцы считали, что доказательством заключения между сторонами именно трудового договора является то, что с Ж.Н. был проведен инструктаж на рабочем месте, стажировка, аттестация, проверка знаний, истцы не являются самостоятельными хозяйствующими субъектами, работали в составе

коллектива, подчинялись установленному трудовому распорядку, их деятельность контролировал работодатель. Отказ ответчика в оформлении трудового договора нарушает права истцов на получение бесплатной медицинской помощи за счет страховых взносов, на учет стажа работы по специальности, а следовательно, права на получение пенсии, на социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на компенсацию морального вреда.

Решением суда исковые требования Ж.Н. и Ж.Е. удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда по данному делу отменено. Принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с частью четвертой ст. 11 ТК РФ, если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии в порядке, установленном данным кодексом, другими федеральными законами, были признаны трудовыми отношениями, к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Трудовые отношения – отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. Заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается (ст. 15 ТК РФ).

В силу ст. 56 ТК РФ трудовой договор – соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику

заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя.

В ст. 57 ТК РФ приведены требования к содержанию трудового договора, в котором, в частности, указываются: фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя – физического лица), заключивших трудовой договор, место и дата заключения трудового договора. Обязательными для включения в трудовой договор являются следующие условия: место работы; трудовая функция (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы); дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, – также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с данным кодексом или иным федеральным законом; условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты); режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя); гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте, условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы); условия труда на рабочем месте; условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с Кодексом и иными федеральными законами.

Трудовой договор вступает в силу со дня его подписания работником и работодателем, если иное не установлено названным кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации или трудовым договором, либо со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя (часть первая ст. 61 ТК РФ).

Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается сторонами (часть первая ст. 67 ТК РФ).

Трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. При фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, а если

отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии были признаны трудовыми отношениями, – не позднее трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми отношениями, если иное не установлено судом (часть вторая ст. 67 ТК РФ).

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.2 определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, в целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и фактов заключения гражданско-правовых договоров вопреки намерению работника заключить трудовой договор, а также достижения соответствия между фактически складывающимися отношениями и их юридическим оформлением федеральный законодатель предусмотрел в части четвертой ст. 11 ТК РФ возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Суды общей юрисдикции, разрешая подобного рода споры и признавая сложившиеся отношения между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 ТК РФ.

Из приведенных в этих статьях определений понятий «трудовые отношения» и «трудовой договор» не вытекает, что единственным критерием для квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых является осуществление лицом работы по должности в соответствии со штатным расписанием, утвержденным работодателем, – наличие именно трудовых отношений может быть подтверждено ссылками на тарифно-квалификационные характеристики работы, должностные инструкции и любым документальным или иным указанием на конкретную профессию, специальность, вид поручаемой работы. Таким образом, по смыслу ст. 11, 15 и 56 ТК РФ во взаимосвязи с положением части второй ст. 67 названного кодекса, согласно которому трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя, отсутствие в штатном расписании должности само по себе не исключает возможности признания в каждом конкретном случае отношений между работником, заключившим договор и исполняющим трудовые обязанности с ведома или по поручению работодателя или его представителя, трудовыми – при наличии в этих отношениях признаков трудового договора.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце третьем п. 8 и в абзаце втором п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу части четвертой ст. 11 ТК РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, однако работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным и работодатель или его уполномоченный представитель обязан не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения к работе оформить трудовой договор в письменной форме (часть вторая ст. 67 ТК РФ).

Приведенные нормы трудового законодательства, определяющие понятие трудовых отношений, их отличительные признаки и особенности, форму трудового договора и его содержание, механизмы осуществления прав работника при разрешении споров с работодателем по квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых, судом апелляционной инстанции применены неправильно, без учета правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.2 определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, и разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2.

Вследствие неправильного применения норм трудового законодательства суд апелляционной инстанции отдал приоритет юридическому оформлению отношений между истцами и ответчиком, не выясняя при этом, имелись ли в действительности между сторонами признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 ТК РФ, и не было ли со стороны ответчика злоупотребления при заключении договора подряда вопреки намерению работников как экономически более слабой стороны заключить трудовой договор.

При этом вывод о наличии между сторонами гражданско-правовых отношений по договору подряда сделан судом апелляционной инстанции без применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре подряда (гл. 37), без установления его содержания и признаков в сравнении с трудовым договором и трудовыми отношениями.

Так, в соответствии со ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Договор подряда заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику (п. 1 ст. 703 ГК РФ).

Заказчик обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором подряда, с участием подрядчика осмотреть и принять выполненную работу (ее результат), а при обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе немедленно заявить об этом подрядчику (п. 1 ст. 720 ГК РФ).

Из содержания данных норм ГК РФ следует, что договор подряда заключается для выполнения определенного вида работы, результат которой подрядчик обязан сдать, а заказчик принять и оплатить. Следовательно, целью договора подряда является не выполнение работы как таковой, а получение результата, который может быть передан заказчику. Получение подрядчиком определенного передаваемого (т.е. материализованного, отделяемого от самой работы) результата позволяет отличить договор подряда от других договоров.

От трудового договора договор подряда отличается предметом договора, а также тем, что подрядчик сохраняет положение самостоятельного хозяйствующего субъекта, в то время как по трудовому договору работник принимает на себя обязанность выполнять работу по определенной трудовой функции (специальности, квалификации, должности), включается в состав персонала работодателя, подчиняется установленному режиму труда и работает под контролем и руководством работодателя; подрядчик работает на свой риск, а лицо, работающее по трудовому договору, не несет риска, связанного с осуществлением своего труда.

В обоснование исковых требований Ж.Н. и Ж.Е. ссылались на то, что они работали как члены коллектива общества, в договорах и выданных им удостоверениях были определены место их работы и должности, порядок оплаты труда, они подчинялись установленному трудовому распорядку и их деятельность контролировал работодатель, с ними проведен инструктаж, они прошли стажировку, аттестацию по проверке знаний правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя. В подтверждение своих доводов истцы представили суду соответствующие доказательства.

Однако суд апелляционной инстанции, перечислив доводы сторон спора и доказательства, не отразил в судебном постановлении мотивы, по которым одни доказательства приняты им в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты, и основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о возникновении между истцами и ответчиком гражданско-правовых отношений и в связи с этим об отсутствии обязанности у общества по уплате страховых взносов на обязательное социальное страхование Ж.Н. и

Ж.Е. от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование и выдаче Ж.Н. акта о несчастном случае на производстве по форме Н-1 и об отказе в удовлетворении исковых требований признаны Судебной коллегией неправомерными.

Определение № 66-КГ17-10

16. Заключение срочного служебного контракта с сотрудником, достигшим предельного возраста пребывания на службе, исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе его руководителя по основанию достижения им предельного возраста пребывания на службе.

М., 1969 года рождения, обратился в суд с иском к федеральному государственному казенному учреждению «1 отряд федеральной противопожарной службы по Кемеровской области» (далее – ФПС) о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований М. указал, что был принят на службу в ФПС водителем 1 класса. По достижении им предельного возраста пребывания на службе (45 лет) с ним 1 марта 2014 г. был заключен срочный контракт о службе на срок до 19 марта 2020 г.

19 декабря 2015 г. М. было вручено уведомление об увольнении на основании ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе). Однако приказ о его увольнении издан не был, и он продолжил службу.

27 июля 2016 г. М. вновь было вручено уведомление об увольнении в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, которым он был поставлен в известность о предстоящем увольнении по указанному основанию 3 октября 2016 г.

Приказом ФПС от 24 октября 2016 г. М. уволен со службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе) с 24 октября 2016 г.

М. полагал увольнение по указанному основанию неправомерным, поскольку после достижения им предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе (45 лет) с ним был заключен срочный контракт о прохождении службы до 19 марта 2020 г.,

срок которого на момент его увольнения не истек, военно-врачебной комиссией он признан годным к прохождению государственной службы.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Отношения, связанные с поступлением на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения сотрудника противопожарной службы, урегулированы Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 141-ФЗ, Закон), вступившим в силу с 23 мая 2016 г., за исключением ч. 1 ст. 90 этого закона, которая вступает в силу с 1 января 2022 г.

Согласно ч. 1 ст. 20 Закона правоотношения на службе в федеральной противопожарной службе между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта о прохождении службы в федеральной противопожарной службе, который заключается в соответствии с этим федеральным законом и вступает в силу со дня, определенного приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности или уполномоченного руководителя о назначении гражданина на должность либо о переводе сотрудника федеральной противопожарной службы на иную должность в федеральной противопожарной службе.

Контракт может заключаться на неопределенный срок или на определенный срок (ч. 2 ст. 22 Закона).

Контракт, заключенный на неопределенный срок, действует до достижения сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, кроме случаев, установленных Федеральным законом № 141-ФЗ (ч. 3 ст. 22 Закона).

Статьей 90 Федерального закона № 141-ФЗ в зависимости от специального звания установлен различный предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

Так, согласно названной норме закона такой возраст для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-полковника внутренней службы, составляет 65 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внутренней службы или генерал-майора внутренней службы, – 60 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание полковника

внутренней службы, – 55 лет, для сотрудника, имеющего иное специальное звание, – 50 лет.

При этом ч. 6 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ определено, что со дня официального опубликования указанного федерального закона и до 1 января 2022 г. устанавливается следующий предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе: для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-полковника внутренней службы, – 60 лет (п. 1 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внутренней службы или генерал-майора внутренней службы, – 55 лет (п. 2 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание полковника внутренней службы, – 50 лет (п. 3 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего иное специальное звание, – 45 лет (п. 4 ч. 6 ст. 95 Закона).

Достижение сотрудником федеральной противопожарной службы предельного возраста пребывания на службе является основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ).

Вместе с тем закон предоставляет возможность продления такому сотруднику времени пребывания на службе путем заключения контракта на определенный срок.

Так, согласно ч. 3 ст. 90 Федерального закона № 141-ФЗ с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, имеющим положительную последнюю аттестацию и соответствующим требованиям к состоянию здоровья сотрудников в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии, с его согласия и по его рапорту может заключаться новый контракт, но не более чем на пять лет после достижения предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

В п. 10 ч. 5 ст. 22 Федерального закона № 141-ФЗ установлено, что контракт на определенный срок заключается с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, на период, определяемый в соответствии со ст. 90 этого закона.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ контракт прекращается и сотрудник федеральной противопожарной службы может быть уволен со службы после истечения срока действия контракта.

Аналогичные положения о порядке прохождения службы в федеральной противопожарной службе при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе были предусмотрены Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации

от 23 декабря 1992 г. № 4202-I (далее – Положение о службе в органах внутренних дел), которое распространялось на сотрудников федеральной противопожарной службы в силу ст. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 «О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности» и действовало до вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. Указанное положение действовало в том числе на момент принятия решения о продлении М. срока службы сверх достижения им предельного возраста пребывания на службе и заключения с ним 1 марта 2014 г. контракта о прохождении им службы до 19 марта 2020 г.

Так, согласно п. «б» ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по достижении предельного возраста, установленного ст. 59 Положения.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел, имеющие специальные звания рядового и младшего начальствующего состава, могут состоять на службе в органах внутренних дел до достижения ими 45-летнего возраста.

Статьей 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел, достигшие предельного возраста, установленного данной статьей для службы в органах внутренних дел, подлежат увольнению, за исключением случаев, предусмотренных законом и данным положением (ч. 3 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

В интересах службы при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний сотрудники органов внутренних дел в персональном порядке и с их согласия могут быть оставлены на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет начальниками, которым предоставлено право назначения на должности этих сотрудников (ч. 4 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

Решение о продлении срока оставления на службе не исключает возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел по основаниям, предусмотренным Положением (ч. 6 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

С целью определения порядка прохождения службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 3 ноября 2011 г. № 668 была утверждена Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в системе Министерства

Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В п. 160 названной инструкции было определено, что решения об оставлении сотрудника на службе сверх установленного для него предельного возраста принимаются руководителями, имеющими право назначения этих сотрудников на должность, путем утверждения персональных списков. Списки сотрудников, оставляемых на службе сверх установленного возраста, составляются кадровыми подразделениями ежегодно к первому марта. Они составляются отдельно для сотрудников, которым срок службы продлевается впервые и повторно, на основании их рапортов и ходатайств непосредственных начальников. В ходатайствах излагаются выводы последней аттестации, краткая характеристика деловых и нравственных качеств сотрудника, иные сведения и обстоятельства, которые могут иметь значение для принятия решения, а также указывается, до какой даты (месяц, год) предлагается оставить сотрудника на службе в МЧС России. Сотрудники до продления сроков службы проходят военно-врачебную комиссию по направлению кадрового подразделения в медицинском подразделении по месту их прикрепления. Военно-врачебной комиссией в установленном порядке дается оценка состояния здоровья сотрудника, свидетельствующая об отсутствии у него противопоказаний для службы. Принятые решения об оставлении сотрудников на службе сверх установленного для них предельного возраста или отказе (с указанием причин) в этом объявляются сотрудникам лично непосредственными руководителями. Утвержденные персональные списки направляются в кадровое подразделение по месту службы сотрудников и хранятся в прошитом и пронумерованном виде. На основании поступивших документов в личных делах сотрудников, оставленных на службе, в раздел 10 послужного списка вносится соответствующая запись. Материалы по продлению срока службы приобщаются к личным делам сотрудников.

Из приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи следует, что, по общему правилу, сотрудник федеральной противопожарной службы, достигший предельного возраста пребывания на службе, подлежит увольнению. Вместе с тем в интересах службы по решению уполномоченного руководителя органа федеральной противопожарной службы, которому предоставлено право назначения на соответствующие должности, срок службы сотрудника с его согласия при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний может быть продлен на срок до пяти лет. В случае продления сотруднику, достигшему предельного возраста, срока пребывания на службе он продолжает службу в федеральной противопожарной службе с учетом срока продления, что исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа федеральной

противопожарной службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе).

Между тем судебные инстанции вследствие ошибочного толкования норм материального права, регулирующих основания и порядок увольнения сотрудника федеральной противопожарной службы, достигшего предельного возраста пребывания на службе в случае заключения с ним срочного контракта после достижения таким сотрудником предельного возраста пребывания на службе, пришли к неправильному выводу о том, что руководитель органа федеральной противопожарной службы при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе имеет право расторгнуть с таким сотрудником контракт по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ независимо от того, что с данным сотрудником уже после достижения им предельного возраста пребывания на службе был заключен контракт на определенный срок о прохождении службы в федеральной противопожарной службе.

Кроме того, судами при разрешении спора не учтены положения ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ, которыми регламентирован порядок применения этого закона к правоотношениям, возникшим до дня вступления его в силу.

Так, согласно ч. 4 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ сотрудники федеральной противопожарной службы, проходившие службу на должностях в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу данного федерального закона без заключения контракта или на основании контракта, проходят с их согласия службу на замещаемых должностях с оформлением контракта в соответствии со ст. 21–23 этого закона. Сотрудники, проходившие службу в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу названного федерального закона на основании срочного контракта, проходят с их согласия службу до окончания его действия с оформлением срочного контракта в соответствии со статьями 21–23 Закона. Сотрудники, отказавшиеся оформлять контракт в соответствии с поименованной выше статьей, увольняются со службы в федеральной противопожарной службе по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 83 этого закона.

Из изложенной нормы закона следует, что, если сотрудник проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, то есть до 23 мая 2016 г., такой сотрудник с его согласия проходит службу до окончания действия срочного контракта, заключенного до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. При этом срочный контракт, заключенный до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, подлежит переоформлению в соответствии с требованиями ст. 21–23 названного закона. Сотрудники, отказавшиеся переоформлять срочный

контракт, подлежат увольнению по п. 3 ч. 2 ст. 82 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с изменением условий контракта и отказом сотрудника от продолжения службы в федеральной противопожарной службе).

Как установлено судом и следует из материалов дела, на момент вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. уже проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта, заключенного с ним 1 марта 2014 г. на срок до 19 марта 2020 г.

Данных о том, что в связи со вступлением в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. отказался переоформить срочный контракт, в деле не имеется.

Ссылка суда апелляционной инстанции в обоснование вывода о законности увольнения М. со службы в федеральной противопожарной службе на отсутствие положительного решения Центральной аттестационной комиссии о продлении М. срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе также признана незаконной.

Согласно п. 7 приложения № 2 к приказу МЧС России от 24 июля 2014 г. № 385 «Полномочия должностных лиц Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по назначению на должности, освобождению от должностей, присвоению специальных званий и прекращению службы в отношении сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы» (данный приказ действовал на момент принятия решения об увольнении М. со службы и до издания приказа МЧС России от 10 мая 2017 г. № 209 «Об утверждении полномочий должностных лиц в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по назначению на должности, переводу по службе и прекращению службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы») вопросы, связанные с присвоением специальных званий высшего начальствующего состава, очередных специальных званий досрочно или на ступень выше специального звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности, с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе, с поступлением на службу и (или) назначением на должности в центральном аппарате МЧС России, начальников (первых заместителей, заместителей начальников) региональных центров, начальников (первых заместителей начальников) главных управлений, начальников учреждений (организаций) МЧС России центрального подчинения, первых заместителей (заместителей) начальников образовательных организаций высшего образования МЧС России, заместителей начальников научных организаций МЧС России, рассматриваются на заседаниях Центральной аттестационной комиссии МЧС России.

Иные вопросы, связанные с прохождением службы сотрудниками, рассматриваются на заседаниях аттестационных комиссий структурного подразделения центрального аппарата МЧС России, осуществляющего руководство деятельностью специальных подразделений, региональных центров, главных управлений, подразделений ФПС ГПС, иных учреждений (организаций) МЧС России и их филиалов, где проходят службу сотрудники.

Приказом МЧС России от 23 мая 2012 г. № 280 утверждены Правила аттестации руководящего состава Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по вопросам гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

К полномочиям Центральной аттестационной комиссии МЧС России согласно п. 7 названных правил отнесены в числе других вопросы, связанные с рассмотрением материалов о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе должностным лицам специальных подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований.

В отношении иных сотрудников материалы о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе рассматриваются аттестационными комиссиями территориальных органов МЧС России и организаций МЧС России (п. 16 указанных выше правил).

Таким образом, к компетенции Центральной аттестационной комиссии МЧС России относятся в том числе вопросы, связанные с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе руководящего состава МЧС России.

Между тем М., занимавший должность водителя 1 класса пожарно-спасательной части и имеющий специальное звание «старший сержант внутренней службы», к руководящему составу МЧС России не относится.

Определение № 81-КГ17-19

Разрешение споров, связанных с пенсионным обеспечением

17. Право на выплату пенсии по случаю потери кормильца имеют дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, независимо от способа поступления таких лиц в иностранные образовательные организации (самостоятельно либо по направлению в соответствии с международным договором

Российской Федерации) до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

М. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца и об обязанности пенсионного органа назначить ей страховую пенсию по случаю потери кормильца.

В обоснование заявленных требований М. указала, что ранее пенсионным органом ей выплачивалась страховая пенсия по случаю потери кормильца, однако в связи с достижением ею возраста 18 лет выплата данной пенсии была прекращена с 1 сентября 2016 г.

М. обратилась в пенсионный орган с заявлением о назначении ей страховой пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения по очной форме обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, представив справку об обучении с 1 сентября 2016 г. в государственном медицинском колледже, расположенном на территории Республики Казахстан.

Решением пенсионного органа отказано в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца, так как она самостоятельно обучается в иностранном образовательном учреждении, то есть без направления на обучение в соответствии с международным договором Российской Федерации.

По мнению М., решение пенсионного органа об отказе в назначении ей страховой пенсии по случаю потери кормильца нарушает ее право как нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца на пенсионное обеспечение.

Решением суда исковые требования М. удовлетворены. Суд признал незаконным решение пенсионного органа об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца и возложил на пенсионный орган обязанность назначить М. страховую пенсию по случаю потери кормильца (возобновить выплату пенсии) до окончания обучения, но не дольше чем до достижения ею возраста 23 лет.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований М. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, указала следующее.

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи,

материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации).

Каждый имеет право на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации).

Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию (ч. 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации).

Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Пунктом 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, установлено, что участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашались, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам (документ вступил в силу для СССР с 3 января 1976 г.).

В Российской Федерации основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования закреплены в ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», к числу которых отнесено обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление

педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания (пп. 2 и 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Кроме того, Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации).

В ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», действовавшего до 1 января 2015 г., было предусмотрено, что право на трудовую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших умышленное уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

Нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца признавались в том числе дети умершего кормильца, не достигшие возраста 18 лет, а также дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, если направление на обучение произведено в соответствии с международными договорами Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет (подп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ).

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон «О страховых пенсиях»), согласно ч. 1 ст. 10 которого право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

В ч. 2 ст. 10 указанного федерального закона определен круг лиц, которые признаются нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, в их числе названы дети умершего кормильца, не достигшие возраста 18 лет, а также дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, если направление на обучение произведено в соответствии с международными договорами Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до

достижения ими возраста 23 лет (п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

В Законе Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (далее – Закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-I) также содержится норма, устанавливающая право на пенсию по случаю потери кормильца нетрудоспособных членов семьи умерших (погибших) военнослужащих и приравненных к ним лиц, в частности детей умершего (погибшего) кормильца, не достигших возраста 18 лет или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения 18 лет, а также проходящих обучение в образовательных организациях по очной форме (за исключением образовательных организаций, обучение в которых связано с поступлением на военную службу или службу в органах внутренних дел), – до окончания обучения, но не более чем до достижения ими 23-летнего возраста (п. «а» ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I).

Конституционным Судом Российской Федерации 27 ноября 2009 г. принято постановление № 18-П по делу о проверке конституционности п. «а» части третьей ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, п. 3 ст. 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Лаппы Н.С.

Пунктом 3 ст. 57 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании», действовавшего на момент рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации жалобы гражданки Лаппы Н.С., было предусмотрено, что обучение, подготовка и повышение квалификации иностранных граждан в образовательных учреждениях Российской Федерации, равно как и граждан Российской Федерации в иностранных образовательных учреждениях, осуществляются по прямым договорам, заключаемым образовательными учреждениями, ассоциациями, органами, осуществляющими управление в сфере образования, иными юридическими лицами, а также физическими лицами в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2009 г. № 18-П признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации оспариваемые положения п. «а» ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I и п. 3 ст. 57 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании», поскольку эти положения по своему конституционно-правовому смыслу не препятствуют предоставлению самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в

иностранные образовательные учреждения и обучающимся по очной форме обучения совершеннолетним детям умерших (погибших) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, права на получение пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения, но не дольше чем до достижения ими 23 лет, на равных условиях с гражданами, относящимися к той же категории, но обучающимися в иностранных образовательных учреждениях по направлению на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации.

В п. 3.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2009 г. № 18-П указано, что лишение достигших 18 лет и обучающихся в иностранных образовательных учреждениях тех детей умерших (погибших) военнослужащих, кто самостоятельно (без направления на учебу) поступил в иностранное образовательное учреждение и получает в нем образование по очной форме, в отличие от лиц, направленных на учебу в иностранные образовательные учреждения в соответствии с международным договором Российской Федерации, права на получение пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения, но не дольше чем до достижения возраста 23 лет, означало бы установление необоснованных различий в условиях приобретения права на получение пенсии по случаю потери кормильца лицами, относящимися к одной и той же категории (обучающиеся в иностранных образовательных учреждениях совершеннолетние дети умерших (погибших) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту), исключительно в зависимости от способа поступления в иностранное образовательное учреждение.

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, касающаяся толкования положений п. «а» ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, применима и к правоотношениям, возникающим при назначении и выплате страховой пенсии по случаю потери кормильца детям умершего кормильца на основании ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», поскольку названные нормы федерального законодательства регулируют схожие правоотношения.

В дальнейшем такое толкование ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» было подтверждено Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 5 декабря 2017 г. № 36-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области.

Названным постановлением признан не соответствующим ст. 19 (чч. 1 и 2) и 39 (ч. 1) Конституции Российской Федерации п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой он служит основанием для отказа в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям, самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации)

поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, на период до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

По смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации право на выплату пенсии по случаю потери кормильца имеют дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, независимо от способа поступления таких лиц в иностранные образовательные организации (самостоятельно либо по направлению в соответствии с международным договором Российской Федерации) до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

Определение № 16-КГ18-1

Процессуальные вопросы

18. Требование о присуждении судебной неустойки может содержаться в отдельном заявлении и подлежит разрешению судом, который принял решение по существу спора, в том же гражданском деле.

При подаче заявления о присуждении судебной неустойки государственная пошлина не уплачивается.

Л. обратился в суд с заявлением о присуждении судебной неустойки ввиду неисполнения К. определения суда от 17 июня 2016 г. об утверждении мирового соглашения, в соответствии с которым К. обязан уплатить Л. денежные средства и совершить действия, необходимые для государственной регистрации недвижимого имущества.

Определением суда от 20 апреля 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 18 мая 2017 г., заявление возвращено Л. на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ ввиду непредставления квитанции об оплате государственной пошлины в соответствующем размере в установленный судом срок.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 308³ ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено названным кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа

обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1).

Как указано в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», на основании п. 1 ст. 308³ ГК РФ в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, в том числе предполагающего воздержание должника от совершения определенных действий, а также к исполнению судебного акта, предусматривающего устранение нарушения права собственности, не связанного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя (далее – судебная неустойка).

Уплата судебной неустойки не влечет прекращения основного обязательства, не освобождает должника от исполнения его в натуре, а также от применения мер ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (п. 2 ст. 308³ ГК РФ).

В силу п. 31 указанного постановления Пленума суд не вправе отказать в присуждении судебной неустойки в случае удовлетворения иска о понуждении к исполнению обязательства в натуре.

Судебная неустойка может быть присуждена только по заявлению истца (взыскателя) как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в дальнейшем при его исполнении в рамках исполнительного производства (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 324 АПК РФ).

Таким образом, требование о присуждении судебной неустойки может содержаться в отдельном заявлении и подлежит разрешению судом, который принял решение по существу спора, в том же гражданском деле.

Определением суда от 17 июня 2016 г. утверждено мировое соглашение, по условиям которого К. обязался передать часть офисно-коммерческого нежилого здания в собственность Л.

Впоследствии Л. обратился в суд не с исковым заявлением, а с заявлением о присуждении судебной неустойки с ответчика за неисполнение определения суда от 17 июня 2016 г., вынесенного в рамках ранее рассмотренного гражданского дела.

Ссылка суда апелляционной инстанции на необходимость уплаты государственной пошлины при подаче заявления о присуждении судебной неустойки на основании ст. 308³ ГПК РФ является неправомерной, поскольку обязанность уплаты государственной пошлины лежит на истце

при подаче искового заявления (ст. 132 ГПК РФ), каковым заявление о присуждении судебной неустойки не является.

На основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Учитывая изложенное, заявление Л. о присуждении судебной неустойки подлежало рассмотрению применительно к правилам, установленным ч. 1 ст. 203 ГПК РФ, не предполагающей уплаты государственной пошлины.

Определение № 70-КГ17-20

19. Суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, представленные непосредственно в судебном заседании, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

М.С., М.Е., М.А. обратились в суд с иском к муниципальному предприятию о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, взыскании неустойки, судебных расходов по оценке ущерба и стоимости проезда.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что муниципальное предприятие (ответчик) с декабря 2015 года осуществляет управление многоквартирным жилым домом, в котором находится квартира истцов, а затопление квартиры атмосферными осадками через кровлю дома произошло 23 марта 2016 г., сославшись на положения ст. 15 и 1064 ГК РФ, ст. 13 и 14 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», ст. 161 ЖК РФ, на Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, пришел к выводу, что обязанность по возмещению ущерба, причиненного имуществу истцов, должна быть возложена на ответчика, поскольку ответственность перед жильцами за причинение ущерба вследствие ненадлежащего содержания дома и оказания ненадлежащих услуг по договору управления многоквартирным домом должна нести именно управляющая организация.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия совокупности указанных в ст. 1064 ГК РФ условий для возложения гражданско-правовой ответственности за причиненный истцам вред на муниципальное предприятие, поскольку, фактически

приняв дом на обслуживание 19 декабря 2015 г., ответчик по состоянию на 23 марта 2016 г. не мог предотвратить затопление квартиры истцов. При этом суд апелляционной инстанции в судебном заседании 1 марта 2017 г. принял дополнительные (новые) доказательства, представленные ответчиком, мотивируя это тем, что в суде первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания. Сославшись на акт экспертного исследования конструкции кровли жилого дома от 15 ноября 2016 г., суд второй инстанции указал, что работы по ремонту кровли жилого дома, конструктивные элементы которого имеют 70% износа, относятся к капитальному ремонту здания, а собственники указанного жилого дома такое решение не принимали.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, указав в том числе следующее.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для возложения на муниципальное предприятие гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный истцам в результате затопления квартиры, основан на представленных ответчиком в суд апелляционной инстанции дополнительных (новых) доказательствах (в том числе акте экспертного исследования конструкции кровли многоквартирного дома, произведенного 15 ноября 2016 г.).

Согласно абзацу второму ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. О принятии новых доказательств суд апелляционной инстанции выносит определение.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» разъяснено, что, если в апелляционных жалобе, представлении имеется ссылка на дополнительные (новые) доказательства, судья-докладчик, исходя из требований абзаца второго ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ, излагает их содержание и ставит на обсуждение вопрос о принятии дополнительных (новых) доказательств с учетом мнения лиц, участвующих в деле. В соответствии с абзацем вторым ч. 2 ст. 327 указанного кодекса суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

В случае, когда непосредственно в судебном заседании суда апелляционной инстанции лицо заявило ходатайство о принятии и исследовании дополнительных (новых) доказательств, независимо от того, что в апелляционной жалобе, представлении оно на них не ссылалось, суд апелляционной инстанции рассматривает данное ходатайство с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, и дает оценку характеру причин (уважительный или неуважительный) невозможности представления дополнительных (новых) доказательств в суд первой инстанции.

При этом с учетом предусмотренного ст. 12 ГПК РФ принципа состязательности сторон и положений ч. 1 ст. 56 указанного кодекса обязанность доказать наличие обстоятельств, препятствовавших лицу, ссылающемуся на дополнительные (новые) доказательства, представить их в суд первой инстанции, возлагается на это лицо.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции 1 марта 2017 г. ответчик заявил ходатайство о принятии нового доказательства в виде акта экспертного исследования конструкции кровли многоквартирного дома от 15 ноября 2016 г., который в суд первой инстанции не представлялся и судом первой инстанции не исследовался, поскольку на момент рассмотрения дела в суде первой инстанции его не существовало.

В связи с тем, что в апелляционной жалобе ответчик не ссылался на новые доказательства, истцы не были готовы к рассмотрению новых доказательств, с актом экспертного исследования ознакомлены не были, не выразили своего мнения о возможности принятия его в качестве нового доказательства, так как не присутствовали в судебном заседании.

Таким образом, в нарушение приведенных выше положений закона, а также разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд апелляционной инстанции принял от ответчика новое доказательство без выяснения вопроса о возможности представления ответчиком этого доказательства в суде первой инстанции. Ответчик не обосновал невозможность представления данного доказательства в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него.

Определение № 31-КГ17-9

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

20. Факт возбуждения дела о банкротстве подрядчика не может служить основанием для обязанности заказчика выплатить подрядчику удерживаемый в соответствии с условиями договора процент от цены

выполненных работ в обеспечение гарантийных обязательств подрядчика («гарантийное удержание»).

Заказчиком и подрядчиком заключен договор подряда, предусматривающий частичную отсрочку оплаты выполненных работ: пять процентов от стоимости работ удерживаются заказчиком для обеспечения гарантийных обязательств подрядчика (гарантийное удержание) и подлежат возврату по истечении гарантийного срока (два года с момента ввода в эксплуатацию всего созданного объекта).

Заказчик перечислил подрядчику предварительную оплату по договору.

Ввиду просрочки выполнения работ заказчик отказался от исполнения договора и потребовал возврата неотработанного аванса.

Решением арбитражного суда первой инстанции по другому делу подрядчик признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура конкурсного производства.

В рамках дела о банкротстве подрядчика вступившим в законную силу определением суда денежное обязательство по возврату заказчику аванса признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь.

Полагая, что со дня введения в отношении подрядчика процедуры банкротства на стороне заказчика возникло обязательство по выплате должнику суммы, составляющей гарантийное удержание по принятым заказчиком работам, конкурсный управляющий подрядчика обратился в арбитражный суд с иском об ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды пришли к выводу о том, что срок возврата обеспечительного платежа наступил в силу закона (вследствие введения в отношении подрядчика процедуры конкурсного производства). Кроме того, суды сочли, что обязательства подрядчика, обеспечиваемые гарантийным удержанием, прекращены со дня одностороннего отказа заказчика от исполнения договора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

Из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) следует, что стороны вправе определить порядок оплаты выполненных работ по своему усмотрению, в частности отступить от общего правила ст. 711 ГК РФ об оплате работ после окончательной сдачи их результата, установив, что частичная оплата выполненных работ приостанавливается до истечения гарантийного срока («гарантийное удержание»).

Подобное удержание применено сторонами для покрытия возможных расходов заказчика, вызванных ненадлежащим выполнением

подрядчиком обязательств в отношении качества строительных работ. В соответствии со ст. 740 ГК РФ денежное обязательство заказчика по оплате является встречным по отношению к обязательству подрядчика по выполнению в натуре работ надлежащего качества (ст. 328 ГК РФ). Следовательно, неисправный подрядчик не вправе требовать выплаты полной договорной цены работ, если в гарантийный период выявлены неустраненные за его счет скрытые недостатки переданного объекта. Поэтому уменьшение договорной цены на стоимость устранения недостатков не является зачетом в том смысле, который придается данному понятию в ст. 410 ГК РФ.

Исходя из п. 2 ст. 453, п. 3 ст. 450 ГК РФ, по общему правилу, односторонний отказ от договора влечет прекращение обязательств на будущее время (прекращается обязанность подрядчика выполнять работы в будущем). Однако при этом сохраняется его ответственность за качество уже выполненных работ (п. 2 ст. 755 ГК РФ, абзац второй п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»).

Таким образом, сам по себе отказ заказчика от исполнения договора подряда из-за действий (бездействия) подрядчика не является основанием для досрочной выплаты гарантийного удержания.

Не может служить основанием для досрочной оплаты всего объема выполненных работ факт возбуждения дела о банкротстве подрядчика. Абзацем вторым п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусмотрено, что со дня открытия конкурсного производства считается наступившим срок исполнения возникших до этого денежных обязательств должника. Такие последствия на обязательства контрагентов должника – подрядчика не распространяются. Это означает, что при наличии у должника контрагентов – заказчиков, срок исполнения обязательств которых не наступил, несостоятельный подрядчик имеет возможность реализовать дебиторскую задолженность, получив до ликвидации денежный эквивалент за свой актив.

В рассматриваемом случае отказ от исполнения договоров подряда заявлен обществом на основании п. 2 ст. 715 ГК РФ, согласно которому заказчик вправе отказаться от исполнения договора, если подрядчик выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным. В этом случае подрядчик обязан возместить заказчику убытки. В то же время прекращение договора подряда не должно приводить к освобождению заказчика от обязанности по оплате выполненных до прекращения договора работ, принятых заказчиком и представляющих для него потребительскую ценность. Таким образом, прекращение договора подряда порождает необходимость соотнесения взаимных предоставлений сторон по этому договору и

определения завершающей обязанности одной стороны в отношении другой (с учетом согласованных сторонами сроков оплаты).

При банкротстве подрядчика действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений по прекращенному договору подряда, не являются сделкой, противоречащей правилам ст. 61³ Закона о банкротстве, так как в этом случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком предпочтения.

С момента прекращения спорного договора подряда сохраняющее силу условие этого договора о выплате гарантийного удержания через два года после ввода всего объекта в эксплуатацию начало полностью зависеть от воли одной из сторон (заказчика) – лица, ставшего ответственным за завершение строительства, в том числе посредством привлечения иной подрядной организации. Если заказчик недобросовестно воспрепятствовал вводу объекта в эксплуатацию, то есть воспрепятствовал наступлению обстоятельства, с которым стороны связали начало течения срока исполнения обязательства по выплате гарантийного удержания, то по требованию другой стороны это обстоятельство могло быть признано наступившим (п. 1 ст. 6, ст. 157 ГК РФ, абзац третий п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

Применительно к спорным отношениям в деле о банкротстве установлено, что по прекращенному договору сальдо сложилось в пользу заказчика. К этому моменту двухлетний гарантийный срок, который начал исчисляться после истечения разумных сроков, необходимых заказчику для подыскания нового подрядчика, завершения последним всего предусмотренного прекращенным договором комплекса работ, приемки этих работ и ввода нового объекта в эксплуатацию, не истек, а значит, срок выплаты гарантийного удержания не наступил.

В случае если заказчик в деле о банкротстве при определении завершающего сальдо вообще не включил в расчет подлежащей возврату ему суммы гарантийное удержание, досрочно полученное подрядчиком в составе авансовых платежей, заявленный по настоящему делу иск не мог быть удовлетворен ни при каких обстоятельствах, так как обязательство по оплате фактически выполненных работ было исполнено заказчиком в полном объеме раньше согласованного в договоре подряда срока. Если же в состав требования заказчика, установленного в деле о банкротстве подрядчика, вошли и суммы гарантийного удержания, полученного подрядчиком раньше срока в составе авансовых платежей, права подрядчика после наступления срока выплаты гарантийного удержания подлежали защите путем исключения суммы гарантийного удержания из реестра применительно к правилам п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве. Таким образом, оснований для удовлетворения настоящего иска в любом случае не имелось.

21. Заявления кредиторов о введении в отношении должника процедуры банкротства должны рассматриваться совместно при наличии обстоятельств, свидетельствующих о неплатежеспособности должника и выражающихся в том, что требования кредиторов на протяжении длительного времени частично погашаются так, чтобы сумма оставшейся задолженности по каждому из них не могла превысить порогового значения для введения в отношении должника процедуры банкротства.

С сентября 2009 года по 2017 год в арбитражный суд поступали заявления различных лиц с требованием о признании компании банкротом, которые оставались судом без рассмотрения в связи с погашением компанией и третьими лицами задолженности ко дню рассмотрения судом заявления соответствующего кредитора.

Затем задолженность перед кредиторами стала погашаться частично до порогового значения, не позволявшего возбудить дело о банкротстве. На этом основании оставлены без рассмотрения заявления нескольких обществ и физических лиц.

Часть заявлений кредиторов оставлена без рассмотрения в связи с увеличением порогового значения задолженности до трехсот тысяч рублей (п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ). После внесения изменений в Закон о банкротстве задолженность кредиторов, вступавших в дело о банкротстве, погашалась до нового порогового значения.

К. в порядке п. 8 ст. 42 Закона о банкротстве обратилась в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о вступлении в дело о банкротстве, сославшись на задолженность компании в размере 9 357 261,75 руб., подтвержденную решением суда общей юрисдикции.

В процессе рассмотрения обоснованности заявления К. суд первой инстанции установил, что третьими лицами погашены требования К. на сумму 9 065 600 руб., после чего размер ее требований к компании стал составлять 291 661,75 руб.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, К. отказано во введении в отношении компании процедуры наблюдения, а ее заявление оставлено без рассмотрения. Суды исходили из отсутствия на дату заседания по проверке обоснованности заявления К. условий, предусмотренных п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве, то есть на указанную дату размер ее требования был менее 300 000 руб. Суды отметили, что законом не запрещено погашение требований кредитора третьим лицом, а действия компании и третьих лиц не могут быть квалифицированы как злоупотреблением правом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила заявление К. о признании компании банкротом на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 2 ст. 4 и п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства и в целях голосования на собрании кредиторов учитываются только требования по основному долгу. Минимальный размер учитываемых требований к юридическому лицу при решении вопроса о введении в отношении него процедуры банкротства в совокупности должен составлять не менее 300 000 руб. (п. 2 ст. 6 и п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве).

Предоставляемая кредиторам возможность инициирования процедуры несостоятельности является одной из форм защиты права на получение от должника причитающегося надлежащего исполнения.

В то же время правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования (300 000 руб.) необходимо рассматривать как разумное ограничение пределов реализации указанного способа защиты. Вместе с тем такое ограничение, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств (абзац тридцать седьмой ст. 2 Закона о банкротстве), а также на недобросовестность лиц, вовлеченных в спорные правоотношения.

В рамках настоящего дела для суда первой инстанции не могло не быть очевидным, что наличие нескольких требований, которые последовательно на протяжении длительного времени частично погашались должником и третьими лицами так, чтобы сумма оставшейся задолженности не могла превысить порогового значения, явно свидетельствовало о затруднениях с ликвидностью активов должника, о его неплатежеспособности. Суд не мог не учесть, что упомянутые выше требования, будучи немногим менее 300 000 руб. каждое, в совокупности очевидно превышали данное пороговое значение. В связи с этим суду следовало назначить судебное заседание по совместному рассмотрению указанных требований, однако этого сделано не было.

Определение № 307-ЭС17-18665

22. Займодавцу должно быть отказано во включении его требования в реестр требований кредиторов поручителя, если аффилированные займодавец, заемщик и поручитель не раскроют разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки.

С. (займодавец) и К. (заемщик) заключили договор займа, надлежащее исполнение обязательств заемщика по которому было обеспечено поручительством общества.

Впоследствии С. (цедент) и Р. (цессионарий) заключили договоры уступки прав требования по договору займа и договору поручительства.

В связи с тем, что заемщик и поручитель обязательств по возврату суммы займа не исполнили и в отношении поручителя было возбуждено дело о банкротстве, займодавец обратился с заявлением о включении задолженности в реестр требований кредиторов поручителя.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено. При этом судами отклонены доводы иных кредиторов поручителя о наличии в действиях сторон при заключении договора поручительства признаков злоупотребления правом. Суды указали, что на момент выдачи поручительства поручитель не отвечал признакам неплатежеспособности или недостаточности имущества, в рассматриваемом случае договор поручительства являлся лишь дополнительной гарантией перед займодавцем. Поскольку в дальнейшем стороны намеривались переоформить заемные отношения в отношения, вытекающие из договора долевого участия в строительстве, суды признали экономическую целесообразность в заключении договора поручительства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно сложившейся судебной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок. Получение поручительства от лица, входящего в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является стандартной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности (определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475). Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц в конечном счете выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть фактически о злоупотреблении данным займодавцем своими

правами во вред иным участникам оборота, в частности остальным кредиторам должника (п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Применение упомянутого подхода для разрешения подобного рода споров зависит от статуса кредитора по отношению к заемщику и поручителю.

В ситуации, когда кредитор является независимым от группы заемщика лицом, предоставленные в виде займа денежные средства, как правило, выбывают из-под контроля кредитора, поэтому предполагается, что главная цель поручительства заключается в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств. Следовательно, доказывание недобросовестности кредитора осуществляется лицом, ссылающимся на данный факт (ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

Если же заем является внутригрупповым, денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях аффилированности займодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В обратном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц.

При рассмотрении настоящего обособленного спора, конкурсный кредитор указывал, что заемщиком по обязательству являлся генеральный директор должника-поручителя, а займодавцем – дочь участника должника (впоследствии уступившая свои требования заявителю), то есть как заем, так и поручительство имели внутригрупповой характер.

Желание в будущем новировать обязательства из займа в обязательство по участию в долевом строительстве не объясняет целесообразность выдачи поручительства именно на момент предоставления займа. Более того, цель выдачи займа в договоре не обозначена, расходование полученных денежных средств на указанные цели, о чем заявлено только при рассмотрении настоящего спора, документально не подтверждено. Каких-либо иных мотивов подобного поведения заинтересованными лицами не приведено.

Если «дружественный» кредитор не подтверждает целесообразность заключения обеспечительной сделки, его действия по подаче заявления о включении требований в реестр могут быть квалифицированы как совершенные исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом

наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Определение № 301-ЭС17-22652

23. Конкурсный кредитор вправе оспорить решение конкурсного управляющего о включении в реестр требований кредиторов должника требования другого конкурсного кредитора. Срок на оспаривание данного решения исчисляется с момента, когда этот конкурсный кредитор узнал или должен был узнать, что требование включено в реестр требований неправомерно.

Предприятие, являясь конкурсным кредитором банка, обратилось в суд с заявлением об исключении из третьей очереди реестра требований кредиторов требования треста – другого конкурсного кредитора.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды, ссылаясь на ст. 189⁵ Закона о банкротстве, указали на отсутствие у предприятия права подавать возражения на включение в реестр требований иных кредиторов, в том числе с пропуском 15-дневного срока со дня получения кредитором уведомления о результатах рассмотрения требования кредитора и невозможностью его восстановления.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ст. 189⁸⁵, п. 3 ст. 189⁹⁷ Закона о банкротстве требования кредиторов кредитной организации считаются установленными, в частности, если они включены конкурсным управляющим в реестр требований кредиторов в размере остатка денежных средств на счете, причитающихся кредитору, по письменному заявлению кредитора на основании сведений, имеющихся в кредитной организации.

Решение конкурсного управляющего, принятое по результатам рассмотрения требования указанного кредитора (кредитора-заявителя), может быть оспорено. В условиях недостаточности имущества банкрота для удовлетворения всех требований кредиторов и основанной на этом конкуренции последних указанное решение затрагивает имущественные права и интересы всех кредиторов должника. Следовательно, оспаривать решение вправе как кредитор-заявитель, так и прочие кредиторы. Иной подход исключал бы судебный контроль над действиями конкурсного

управляющего и противоречил бы конституционной гарантии на судебную защиту прав и свобод каждого (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

Возможность реализации права на судебную защиту, как правило, законом связывается с моментом осведомленности лица о нарушенном праве и личности нарушителя. Так, в частности, п. 5 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве установлен 15-дневный срок для заявления возражений по результатам рассмотрения конкурсным управляющим требования кредитора. При этом срок начинает течь со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего о результатах рассмотрения этого требования.

Поскольку конкурсный управляющий уведомляет о своем решении только кредитора-заявителя (п. 4 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве), оснований для применения к прочим кредиторам п. 5 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве не имеется. Прочие кредиторы вправе подать возражения с момента их реальной или потенциальной осведомленности о нарушенном праве.

Определение № 305-ЭС17-6779

24. При продаже в конкурсном производстве заложенного имущества посредством публичного предложения залоговый кредитор, не воспользовавшийся правом на оставление имущества за собой после несостоявшихся повторных торгов, сохраняет залоговый приоритет перед иными кредиторами.

В ходе конкурсного производства в отношении общества в третью очередь реестра кредиторов должника включены требования банка как обеспеченные залогом имущества должника – части нежилого здания.

Первичные и повторные торги в 2013 году по реализации залогового имущества (аукционы) признаны несостоявшимися в связи с тем, что к участию в торгах не допущен ни один участник.

В марте 2016 года конкурсный управляющий организовал повторное проведение торгов.

В июне 2016 года конкурсный управляющий отказал банку в удовлетворении заявления последнего об оставлении имущества за собой.

В июле 2016 года обществом в лице конкурсного управляющего и фирмой как победителем торгов заключен договор купли-продажи недвижимого имущества, которое было передано покупателю.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными итогов торгов и заключенного по результатам их проведения договора купли-продажи имущества.

Определением суда первой инстанции заявление банка удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 449 ГК РФ торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня проведения торгов. Признание торгов недействительными влечет, помимо прочего, недействительность договора, заключенного с победителем торгов.

Правила проведения торгов по реализации имущества, заложенного в обеспечение обязательств должника при банкротстве последнего, установлены в Законе о банкротстве (пп. 4, 5, 8-19 ст. 110, п. 3 ст. 111, ст. 138). Из указанных норм следует, что, как правило, продажа имущества осуществляется через проведение торгов в форме аукциона путем повышения начальной цены продажи на шаг аукциона. В случае признания торгов несостоявшимися и незаключения договора купли-продажи проводятся повторные торги с уменьшением начальной цены продажи, установленной на первоначальных торгах.

Согласно п. 4.1 ст. 138, п. 4 ст. 139 Закона о банкротстве при признании повторных торгов несостоявшимися залоговый кредитор вправе оставить предмет залога за собой с оценкой его в сумме на десять процентов ниже начальной продажной цены на повторных торгах, перечислив на специальный банковский счет в установленный срок денежные средства в размере, определяемом в соответствии с пп. 1 и 2 указанной статьи.

При реализации заложенного имущества вне процедур банкротства (п. 6 ст. 350, подп. 4 п. 1 ст. 352 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент заключения договора залога) в случае отказа залогового кредитора после повторных торгов от права оставить за собой предмет залога залоговое обязательство прекращалось. Как следствие, дальнейшая реализация имущества не осуществлялась, а залоговый кредитор терял преимущества, вытекавшие из залоговых правоотношений. При последующей реализации имущества, освобожденного от залога, бывшему залоговому кредитору каких-либо преимуществ не предоставлялось.

Реализация залогового имущества в рамках Закона о банкротстве имеет свои особенности, отличные от общего правила. Так, если залоговый кредитор не воспользовался правом оставления имущества за собой в течение тридцати дней со дня признания повторных торгов несостоявшимися, то реализация предмета залога продолжается – предмет

залога подлежит продаже посредством публичного предложения (абзац третий п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве). При этом выручка от продажи заложенного имущества направляется на погашение требований залогового кредитора в порядке, предусмотренном пп. 1-2.1 ст. 138 Закона о банкротстве (п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя»). Таким образом, при продаже в конкурсном производстве заложенного имущества посредством публичного предложения залоговый кредитор, не воспользовавшийся правом на оставление имущества за собой после несостоявшихся повторных торгов, сохраняет приоритет перед иными кредиторами и залоговые правоотношения не прекращаются (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 1678/13 по делу № А48-702/2009). Последующая реализация заложенного имущества в ходе торгов посредством публичного предложения представляет собой пошаговое снижение цены имущества до появления спроса. Тем самым определяется рыночная цена. Сохранение за залоговым кредитором права участия в механизме определения рыночной цены путем оставления имущества за собой на этапе, когда нет предложений от участников торгов, не нарушает прав и законных интересов иных кредиторов и претендующих на имущество лиц, а также отвечает цели конкурсного производства: удовлетворение требований кредиторов должника с максимальным экономическим эффектом, достигаемое обеспечением баланса между затратами на проведение процедуры конкурсного производства и ожидаемыми последствиями в виде размера удовлетворенных требований.

Поскольку банк предпринял все необходимые действия для оставления предмета залога за собой, организатор торгов был осведомлен об этих действиях и на этом этапе снижения цены имущества не было заявок от лиц, согласных приобрести имущество по цене, установленной для этого этапа, отказ организатора торгов в реализации права залогового кредитора незаконен. Следовательно, суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о нарушении организатором торгов установленных законом правил проведения торгов и недействительности договора купли-продажи, заключенного по результатам этих торгов.

Определение № 305-ЭС15-10675

25. Торги могут быть признаны недействительными, если возможность участия в них была ограничена в результате недобросовестных действий одного из участников в виде подачи множества заявок с повышением предложенной им самой цены в отсутствие последовательных заявок других участников с большей ценой.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества объявлены торги в форме электронного аукциона по реализации имущества должника. К участию в торгах допущены фирма, Р., Г., Ш., компания и предприятие.

В 11:02:13 поступило предложение от Ш. в размере 6 408 000 руб., в 11:02:37 от Г. – в размере 7 048 000 руб., в 11:02:57 – от фирмы в размере 7 689 600 руб., 11:03:12 от Р. – в размере 8 330 000 руб. Далее Р. сделал 88 заявок с повышением размера предложения, последнее из которых в 11:06:23 составило 62 157 600 руб.

Победителем торгов признан Р., который от приобретения имущества отказался. Договор купли-продажи имущества должника заключен с фирмой по цене 7 689 600 руб.

Компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными торгов и договора купли-продажи.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 13 ст. 110 Закона о банкротстве при проведении торгов в форме электронного аукциона цена формируется на конкурентной основе в режиме реального времени путем пошагового повышения начальной продажной цены. На организатора таких торгов возлагается обязанность обеспечить равный доступ всех лиц к участию в них, в том числе свободное, бесплатное и бесперебойное функционирование электронных и информационных систем, с использованием которых подается конкретная ценовая заявка (п. 14 ст. 110 Закона о банкротстве). В противном случае при определении победителя утрачивается признак конкуренции среди участников, в результате чего проведенная процедура выявления покупателя может быть признана противоречащей ее сущности.

К спорным торгам формально было допущено семеро участников. Однако не все из них получили реальную возможность предложить обоснованную, по их мнению, цену за спорное имущество. В ходе торгов, которые длились около четырех минут, Р., подавая заявку с ценовым предложением в условиях отсутствия заявок иных участников с большей ценой, в течение трех минут повышал предложенную им же цену, в то время как другие участники торгов фактически были лишены возможности направить экономически обоснованные предложения.

Недобросовестность в поведении участника торгов может выражаться не только в наличии доказанного сговора с их организатором

или оператором торговой площадки либо в использовании специальных технических средств, но также и иным образом.

Ссылаясь на отсутствие доказательств технического сбоя в ходе торгов, суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа не проанализировали, могли ли такие действия Р. исказить саму суть процедуры аукциона. Действуя внешне экономически нецелесообразно (повышая в отсутствие конкуренции предложенную им же цену с незначительным интервалом времени), независимо от причин такого поведения, Р. воспрепятствовал иным участникам торгов подать собственные заявки в том ценовом диапазоне, который являлся бы приемлемым для любого разумного участника рынка, и тем самым лишил их возможности сформировать объективную рыночную цену продаваемого имущества.

Учитывая, что действия по подаче заявок выражают волю субъекта оборота и направлены на возникновение у него гражданских прав, к ним могут быть применены правила в том числе о недействительности сделок (п. 1 ст. 6, § 2 гл. 9 ГК РФ).

Количество поданных в условиях отсутствия конкуренции предложений без реального намерения впоследствии заключить договор купли-продажи, в связи с чем была искусственно завышена цена выставленного на торги имущества, свидетельствует о наличии признака притворности (п. 2 ст. 170 ГК РФ) таких заявок, на самом деле прикрывавших действия по ограничению доступа к торговой площадке другим лицам, что не соответствует стандарту добросовестного поведения. Иные мотивы такого поведения не раскрыты.

Недобросовестность конкретного участника в условиях недоказанности сговора с организатором или другим участником торгов сама по себе не является основанием для признания их недействительными. Вместе с тем, когда в результате таких действий для независимых участников отсутствует возможность провести состязание относительно цены имущества, нивелируется смысл торгов, которые теряют свою суть (определение победителя на конкурентной основе), что свидетельствует об их недействительности (п. 1 ст. 449 ГК РФ).

Определение № 308-ЭС17-19467

26. Последствием признания исполнения по сделке недействительным по основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности (банкротстве), является в том числе восстановление обязательств, обеспечивающих исполнение по этой сделке.

Банком (кредитор) и компанией (заемщик) заключен кредитный договор, исполнение по которому обеспечивалось ипотекой имущества заемщика и поручительствами третьих лиц.

С открытого в банке счета компании в пользу банка произведено списание денежных средств в счет исполнения обязательств по кредиту.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительной банковской операции по списанию денежных средств, применении последствий ее недействительности в виде восстановления задолженности компании перед банком по кредитному договору, восстановления задолженности банка перед компанией по договору банковского счета и восстановления обязательств, обеспечивавших исполнение компанией кредитных обязательств.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено частично: банковская операция признана недействительной, восстановлены задолженности компании перед банком и банка перед компанией, в удовлетворении заявления в части восстановления обеспечительных обязательств отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в восстановлении обеспечительных прав и в отмененной части направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Смысл обеспечительных сделок заключается в ограждении кредитора от риска непредоставления должником исполнения по основному обязательству, в повышении вероятности погашения долга за счет обеспечения, в защите кредитора от неоплатности должника, в том числе на случай банкротства последнего. Добросовестный и разумный кредитор, выдавая кредит, обоснованно рассчитывает на его возврат заемщиком и получение платы. Фактор же наличия обеспечения, повышающего вероятность возврата денег, объективно влияет на условия кредитования, в частности на получение одобрения кредитного комитета, срок, процентную ставку и т.д.

Банк, выдавая кредит, рассчитывает, что сможет воспользоваться соответствующими обеспечительными механизмами. При этом поручители и залогодатели, выдавая обеспечение, не могут не осознавать, что банк будет иметь право реализовать свои права как кредитор по отношению к ним в случае неоплатности заемщика.

Таким образом, поскольку в случае признания сделки по исполнению недействительной право требования кредитора по обязательству к должнику считается существовавшим независимо от совершения данной сделки (абзац первый п. 4 ст. 61⁶ Закона о банкротстве), следует признать принципиальную допустимость восстановления и обеспечительных требований.

При ином подходе возникала бы ситуация, в рамках которой в условиях непогашенного долга лицо, выдавшее обеспечение,

освобождалось бы от принятых на себя обязательств в отсутствие оснований для их прекращения.

В части порядка реализации права кредитора по отношению к выдавшим обеспечение лицам в подобной ситуации следует исходить из того, что право выбора конкретного способа защиты принадлежит самому кредитору. В частности, он вправе совместно с требованием о признании сделки по исполнению недействительной и применении реституции заявить требование, направленное на констатацию существования обеспечительных правоотношений между ним и лицами, выдавшими обеспечение (далее – иск о признании). Поскольку названное требование тесно связано с реституцией в виде восстановления основного кредитного долга, они могут быть рассмотрены совместно в рамках дела о банкротстве. В таком случае суд привлекает лиц, выдавших обеспечение, в качестве ответчиков и проверяет существование юридических связей между ними и истцом на момент разрешения спора, то есть проверяет основания возникновения обеспечительных обязательств (в том числе при наличии соответствующих возражений – на предмет их действительности), а также устанавливает, имелись ли условия для их прекращения с учетом того, что осуществленное ранее и признанное недействительным исполнение не может считаться надлежащим. Решение по названному спору имеет обязательное значение (ст. 16 и 69 АПК РФ) впоследствии при рассмотрении дела о взыскании долга с поручителя или обращении взыскания на залоговое имущество в общеисковом порядке (далее – иск о присуждении).

Кроме того, если возникновение, изменение или прекращение обеспечительных прав подлежит государственной регистрации (например, ипотека), такое решение по иску о признании является основанием для внесения соответствующей записи в государственный реестр (в частности, когда запись ранее была погашена на основании совместных волеизъявлений кредитора и должника по обеспечительному обязательству).

Также кредитор, не заявляя предварительно иск о признании, вправе обратиться с иском о присуждении, при рассмотрении которого суд устанавливает наличие или отсутствие обеспечительных правоотношений между сторонами, и проверяет наличие оснований для обязания ответчика к осуществлению предоставления в пользу истца по обеспечению (например, к выплате долга по поручительству).

Определение № 305-ЭС17-2344 (13)

27. Проценты, предусмотренные ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации, исчисляются арбитражным управляющим и погашаются им одновременно с погашением основных требований работников до расчетов с кредиторами, требования которых включены в третью очередь удовлетворения.

В рамках дела о банкротстве должника представители работников должника обратились в арбитражный суд с жалобой на бездействие конкурсного управляющего, выразившееся в неначислении процентов на сумму своевременно невыплаченной работникам должника заработной платы, в которой также просили суд обязать арбитражного управляющего начислить и выплатить проценты.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении жалобы отказано. Суды сочли, что требование о выплате процентов является по своей сути требованием о возмещении убытков, поэтому оно подлежало включению в реестр требований кредиторов должника в порядке, установленном Законом о банкротстве. Однако бывшие работники не обращались в арбитражный суд с заявлением об установлении суммы процентов, начисленных на невыплаченную им заработную плату, и о включении данной суммы в реестр требований кредиторов. Кроме того, суды констатировали отсутствие в материалах дела доказательств обращения работников до подачи жалобы по настоящему спору к конкурсному управляющему должником с заявлениями о выплате процентов, сославшись на направление работниками в досудебном порядке иного заявления – об индексации заработной платы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала незаконным бездействие конкурсного управляющего, выразившееся в неначислении и невыплате бывшим работникам процентов, предусмотренных ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации, по следующим основаниям.

Статьей 11 Конвенции Международной организации труда относительно защиты заработной платы (Конвенция № 95), принятой в городе Женеве 1 июля 1949 г., и ст. 5 Конвенции Международной организации труда о защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя (Конвенция № 173), принятой в городе Женеве 23 июня 1992 г., предусмотрена защита требований трудящихся, вытекающих из трудовых отношений, на случай неплатежеспособности предприятия посредством установления привилегий. Соответствующие привилегии закреплены в законодательстве Российской Федерации, в частности в пп. 2 и 4 ст. 134 Закона о банкротстве, которыми требования об оплате труда и выплате выходных пособий отнесены ко второй очереди удовлетворения.

При этом согласно Закону о банкротстве на реестровые требования работников по основному долгу не распространяются положения о компенсации потерь, вызванных просрочкой исполнения, через механизм начисления мораторных процентов (п. 4 ст. 63, п. 2 ст. 81, абзац четвертый п. 2 ст. 95 и п. 2.1 ст. 126 Закона о банкротстве). Вместо этого в силу

привилегированного положения работников законодатель в п. 1 ст. 136 Закона о банкротстве установил особые правила о компенсациях, причитающихся им в связи с нарушением установленных трудовым законодательством сроков выплат: на требования работников по основному долгу начисляются проценты в соответствии с трудовым законодательством, которые удовлетворяются в составе требований кредиторов второй очереди. Размер указанных процентов определен ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации.

По смыслу ст. 136 Закона о банкротстве и ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации для получения процентов (денежной компенсации) не требуется ни предварительного письменного обращения работников к конкурсному управляющему как к представителю работодателя, ни предъявления ими соответствующих требований в порядке ст. 71 или 100 Закона о банкротстве. Судебный акт о начислении суммы процентов не выносится, в реестр требований кредиторов они не включаются. Эти суммы исчисляются самим арбитражным управляющим при расчетах с кредиторами и погашаются им одновременно с погашением основных требований работников до расчетов с реестровыми кредиторами третьей очереди удовлетворения. В таком же порядке исчисляются и погашаются в составе текущих требований кредиторов второй очереди удовлетворения проценты, предусмотренные ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации, за задержку выплаты текущей заработной платы и других

текущих платежей, причитающихся работникам (п. 2 ст. 134, п. 1 ст. 136 Закона о банкротстве, п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Определение № 306-ЭС16-14132 (3)

28. Если один участник строительства правомерно отказался от исполнения договора долевого участия в строительстве, после чего был заключен новый договор в отношении этой же квартиры с другим лицом, по общему правилу, передача квартиры второму участнику строительства влечет за собой возникновение на стороне фактического владельца права собственности, не обремененного ипотекой в пользу первого участника строительства.

Общество (застройщик) и Р. (участница долевого строительства) заключили договор участия в долевом строительстве, во исполнение условий которого Р. уплатила обществу согласованную цену.

Впоследствии Р. отказалась в одностороннем порядке от исполнения условий договора в связи с неисполнением застройщиком обязательств по передаче квартиры в оговоренный срок, потребовала возврата уплаченной сумм и выплаты процентов, начисленных на эту сумму.

Затем в отношении этой же квартиры заключен с другим лицом новый договор участия в долевом строительстве, зарегистрированный в установленном порядке.

Определением арбитражного суда в отношении общества введена процедура банкротства – наблюдение, утвержден временный управляющий, к обществу применены правила параграфа 7 гл. IX Закона о банкротстве.

Р. предъявила должнику денежные требования и просила включить их в реестр требований кредиторов как обеспеченные залогом квартиры.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, признаны обоснованными и подлежащими включению в реестр требований кредиторов с удовлетворением в третью очередь часть денежных требований Р. как обеспеченные залогом квартиры.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части признания обеспеченными залогом требований Р. и в этой части обособленный спор направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 13 Закона об участии в долевом строительстве в обеспечение исполнения обязательств застройщика (залогодателя) с момента государственной регистрации договора у участников долевого строительства (залогодержателей) считаются находящимися в залоге предоставленный для строительства многоквартирного дома земельный участок, принадлежащий застройщику на праве собственности, или право аренды (субаренды) указанного участка и строящийся на этом земельном участке многоквартирный дом. В то же время ч. 2 названной статьи предусмотрено, что при государственной регистрации права собственности застройщика на объект незавершенного строительства такой объект считается находящимся в залоге у участников долевого строительства с момента государственной регистрации права собственности застройщика на названный объект. В силу же ч. 5 ст. 13 упомянутого Закона застройщик обязан зарегистрировать право собственности на объект незавершенного строительства при возникновении оснований для обращения взыскания на предмет залога; при уклонении застройщика от государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства государственная регистрация права собственности на этот объект осуществляется на основании решения суда, принятого по иску участника долевого строительства об обращении взыскания на предмет залога.

Из системного толкования ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (далее – Закон № 214-ФЗ) (с учетом использованного законодателем

выражения «считается находящимся в залоге» и возложения им на застройщика обязанности по регистрации права собственности на незавершенный строительством объект), общей направленности Закона об участии в долевом строительстве на предоставление дополнительных гарантий участникам строительства следует, что с момента регистрации договора долевого участия в строительстве считается зафиксированным в Едином государственном реестре недвижимости притязание участника строительства на залоговое обременение в отношении будущей недвижимости (незавершенного строительством объекта), имеющее значение, в том числе для разрешения возможных споров о старшинстве залогов при отчуждении застройщиком незавершенного строительством многоквартирного дома третьему лицу, которое, приобретая недостроенный дом, не может не знать о наличии неисполненных договоров долевого участия в строительстве. Полноценное же залоговое право появляется у участника строительства в момент регистрации права собственности на объект недвижимости (дом), не завершённый строительством, за застройщиком или третьим лицом. Изложенное согласуется с общими положениями законодательства о залоге недвижимости: ипотека возникает в отношении заложенного недвижимого имущества, указанного в п. 1 ст. 130 ГК РФ, права на которое зарегистрированы в установленном порядке (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 5 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»). В настоящее время этот подход, вытекающий из толкования ранее действовавшего законодательства, нашел прямое законодательное закрепление в п. 2 ст. 8¹, п. 2 ст. 336 и п. 2 ст. 341 ГК РФ.

Приведенные положения о возникновении залогового обеспечения в отношении незавершенного строительством многоквартирного дома, о правах залогодержателя на него в соответствии со ст. 12¹ Закона № 214-ФЗ в равной мере распространяются и на требования отказавшихся от исполнения договоров участников строительства (залогодержателей) к застройщикам о возврате внесенных денежных средств.

Части 3 и 8 ст. 13 Закона № 214-ФЗ регулируют права участников долевого строительства в период после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию. В период с момента получения застройщиком разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и до момента передачи участнику строительства объекта долевого строительства (в частности, квартиры — п. 2 ст. 2 Закона № 214-ФЗ) такой объект считается находящимся в залоге у этого участника. При этом помещения, входящие в состав многоквартирного дома и не являющиеся объектами долевого строительства, не считаются находящимися в залоге со дня получения застройщиком указанного разрешения. С момента передачи объекта долевого строительства участнику строительства право залога, возникшее на основании названного Закона, не распространяется на переданный объект.

При нормальном хозяйственном обороте осуществляется передача квартиры участнику долевого строительства и за ним регистрируется первичное право собственности на эту квартиру. В таком случае полноценное залоговое обременение в отношении квартиры не возникает в принципе, поскольку до момента регистрации прав на квартиру она как объект гражданских прав не существовала (не была введена в гражданский оборот), а после регистрации ее собственником становится участник строительства, а не застройщик (ст. 16 Закона № 214-ФЗ, ст. 48 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

Если же в отношении квартиры заключен один договор долевого участия в строительстве, но право собственности на эту квартиру при наличии действующего договора зарегистрировано за застройщиком, у участника строительства возникает право залога на квартиру с момента регистрации на нее права собственности застройщика.

Если участник строительства правомерно отказался от исполнения договора долевого участия в строительстве, новый договор в отношении данной квартиры не заключался, а право собственности на квартиру, являвшуюся объектом прекращенного договора, зарегистрировано за застройщиком, требование бывшего участника строительства о возврате внесенных по договору сумм обеспечивается ипотекой квартиры с момента регистрации за застройщиком права собственности на квартиру (ч. 8 ст. 13, ст. 12.1 Закона № 214-ФЗ).

Если один участник строительства правомерно отказался от исполнения договора долевого участия в строительстве, после чего был заключен новый договор в отношении этой же квартиры с другим лицом, по общему правилу ч. 8 ст. 13 Закона № 214-ФЗ после завершения строительства квартира передается новому участнику свободной от прав первого участника строительства: передача квартиры второму участнику строительства влечет за собой возникновение на стороне фактического владельца права собственности, не обремененного ипотекой в пользу первого участника строительства.

Однако в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Поэтому в ситуации злоупотребления правом на заключение второго договора долевого участия в строительстве обеими его сторонами, то есть когда основной целью последующей сделки стало не привлечение средств для завершения строительства, а лишение первого участника обеспечения в интересах застройщика, в момент регистрации права собственности за недобросовестным субъектом возникнет залоговое обременение, так как в этом случае получение правового титула собственника вторым участником направлено на обход положений Закона № 214-ФЗ об основаниях и моменте возникновения залога (ст. 10 ГК РФ).

При банкротстве застройщика обращение взыскания на незавершенный строительством объект на основании ст. 13 Закона № 214-ФЗ не осуществляется, не происходит передача квартир в порядке ст. 8 указанного Закона. Удовлетворение требований названных участников строительства, в том числе бывших, производится в соответствии со специальными положениями ст. 201¹⁰, 201¹¹, 201¹⁴ и др. Закона о банкротстве, для применения которых по общему правилу не требуется обращение в суд с самостоятельным заявлением об установлении статуса залогового кредитора.

Для этого достаточно, чтобы участник строительства (действующий либо бывший), заключивший договор по правилам Закона об участии в долевом строительстве, предъявил застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование (ст. 201⁴ Закона о банкротстве) и соответствующее требование было признано судом обоснованным.

Определение № 305-ЭС16-10864

29. Сами по себе кратковременные и устранимые, в том числе своевременными эффективными действиями руководителя, финансовые затруднения должника не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника З. к субсидиарной ответственности на основании п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве. Кредитор сослался на неисполнение З. обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве, несмотря на наличие обстоятельств, перечисленных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве и разъяснений, данных в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве», при исследовании совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности,

предусмотренной названной нормой, следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Если руководитель должника докажет, что, несмотря на временные финансовые затруднения (в частности, возникновение признаков неплатежеспособности), добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

В связи с этим в процессе рассмотрения такого рода заявлений, помимо прочего, необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами.

Устанавливая момент, с которым Закон о банкротстве связывает обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь оценкой представленных в материалы дела бухгалтерской отчетности за 2013 год и письма З. на имя единственного участника должника о сложном материальном положении.

Однако сами по себе кратковременные и устранимые, в том числе своевременными эффективными действиями руководителя, затруднения не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве.

В своих возражениях З. в том числе ссылался на осуществление должником совместно с другим обществом экономически обоснованного плана – производственной программы по изготовлению и реализации буровых установок в рамках заключенного последним контракта на сумму свыше 6 млрд. руб., реализация которой позволяла погасить кредиторскую задолженность. Как пояснили в судебном заседании представители З., осуществление упомянутой программы, а также расчеты с кредиторами продолжались и в 2014 году. Указанные доводы оставлены судами первой и апелляционной инстанций без должной оценки, а обстоятельства,

связанные с принятием 3. мер, направленных на финансовую стабилизацию завода - без исследования. В частности, суды не выяснили, являлся ли его план экономически обоснованным, до какого момента выполнение этого плана являлось разумным, какие причины привели к возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства (критический момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов).

Определение № 306-ЭС17-13670 (3)

30. В ситуации, когда кредитор объективно не имел возможности инициировать дело о банкротстве по обстоятельствам, зависящим от самого контролирующего лица, последнее не вправе ссылаться на прекращение контроля над должником за пределами двухлетнего срока как на основание для освобождения от привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника.

В рамках дела о банкротстве общества уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам общества его бывших руководителей – А., К., Ч. и М.

Определением суда первой инстанции бывшие руководители привлечены к субсидиарной ответственности солидарно.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено в части привлечения к субсидиарной ответственности М., в этой части в удовлетворении заявления отказано и изменено в части привлечения к субсидиарной ответственности А., К. и Ч., указанные лица привлечены к ответственности в долях.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено в части привлечения к субсидиарной ответственности К., в удовлетворении заявления в этой части отказано. Суд исходил из того, что полномочия К. как руководителя общества прекратились за два года и два с половиной месяца до возбуждения производства по делу о банкротстве, то есть он не отнесен законом к контролирующим должника лицам (абзац тридцать четвертый ст. 2 Закона о банкротстве).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В период исполнения К. полномочий руководителя общества в абзаце втором п. 3 ст. 56 ГК РФ и п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве содержалась норма о субсидиарной ответственности контролирующей организацию – должника лиц, в ситуации когда их действия стали необходимой причиной банкротства (в настоящее время аналогичное правило закреплено в п. 1 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве).

Согласно прежнему регулированию (абзац тридцать четвертый ст. 2 Закона о банкротстве) проверкой, в ходе которой выявлялся круг контролирующих организацию-должника лиц, которые могли быть привлечены к ответственности, охватывались только два года деятельности, непосредственно предшествовавшие дню возбуждения производства по делу о банкротстве подконтрольной организации. Названный двухлетний срок направлен на исключение чрезмерной неопределенности в вопросе о правовом положении контролирующего лица в условиях, когда момент инициирования кредитором дела о банкротстве организации-должника, зависящий, как правило, от воли самого кредитора, значительно отдален по времени от момента, в который привлекаемое к ответственности лицо перестало осуществлять контроль.

Вместе с тем контролирующее лицо в рамках законодательно установленных процедур имеет возможность отсрочить возбуждение судом производства по делу о несостоятельности подконтрольного общества, создав для кредитора временные препятствия в реализации права на получение удовлетворения через процедуры банкротства. Такое поведение контролирующего лица не должно приводить к получению им преимуществ за счет кредитора. Иной подход вступает в противоречие с конституционным запретом осуществления прав и свобод человека и гражданина вопреки правам и свободам других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации).

Арбитражный суд округа не принял во внимание, что контролирующее лицо, своими активными действиями воспрепятствовавшее своевременному возбуждению производства по делу о несостоятельности и тем самым изменившее начало течения подозрительного периода в свою пользу, не может рассматриваться в качестве субъекта, имеющего правомерные ожидания оградиться от применения мер субсидиарной ответственности по мотиву позднего возбуждения производства по указанному делу. Поэтому в ситуации, когда кредитор объективно не имел возможности инициировать возбуждение дела о банкротстве по обстоятельствам, зависящим от самого контролирующего лица, последнее не вправе ссылаться на прекращение контроля над организацией-банкротом за пределами названного двухлетнего срока как на основание освобождения от ответственности (ст. 10 ГК РФ).

В рассматриваемом случае основанием для возбуждения производства по делу о банкротстве общества явилась выявленная в ходе выездной налоговой проверки недоимка по обязательным платежам, установленная решением налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Общество – в период осуществления К. полномочий руководителя – оспорило это решение налоговой инспекции в судебном порядке. Одновременно с заявлением о признании решения недействительным общество также

подало ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия названного решения налогового органа. Обеспечительные меры приняты судом первой инстанции и действовали вплоть до 7 февраля 2014 г. С заявлением о признании общества банкротом уполномоченный орган обратился 27 марта 2014 г., производство по настоящему делу о банкротстве общества возбуждено определением суда первой инстанции от 27 мая 2014 г. Из содержания судебных актов по другому делу следует, что активными действиями К. создана ситуация, при которой уполномоченный орган длительное время объективно был лишен возможности принять решение о взыскании задолженности за счет имущества общества, без которого налоговая инспекция не могла по независящим от нее обстоятельствам инициировать возбуждение процедуры банкротства должника. При таких обстоятельствах, заявление К. об утрате статуса контролирующего лица более чем за два года до возбуждения дела о банкротстве общества является злоупотреблением правом, в связи с чем судебная коллегия отказывает в применении возражения о двухлетнем сроке прекращения полномочий (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Определение № 308-ЭС17-21222

Применение земельного, градостроительного законодательства и законодательства об охране окружающей среды и объектов культурного наследия

31. При отсутствии препятствий для раздела исходного участка собственник отдельно стоящего здания, являющийся соарендатором земельного участка, на котором расположены также иные здания, не находящиеся в его собственности, вправе приобрести в собственность часть земельного участка, занятую принадлежащим ему зданием и необходимую для его эксплуатации.

На основании инвестиционного контракта общество возвело два многоквартирных дома и здание магазина на земельном участке, на который в 2007 г. зарегистрировано ранее возникшее право федеральной собственности и который передан обществу в аренду.

Во исполнение условий инвестиционного контракта здание магазина передано в собственность фирмы. Право собственности фирмы на это здание зарегистрировано в установленном порядке в 2009 г.

В дальнейшем фирма по договору купли-продажи передала указанное здание управляющей компании, право собственности которой зарегистрировано в 2013 г.

Здание магазина расположено на земельном участке, имеющем свой кадастровый номер и образованном в результате раздела земельного участка, изначально предоставленного в аренду обществу.

Управляющая компания обратилась в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка, на котором расположено здание магазина.

Уполномоченный орган отказал в предоставлении в собственность управляющей компании испрашиваемого земельного участка, указав на то, что сведения о нем в государственном кадастре недвижимости носят временный характер и могут быть использованы только в целях, связанных с осуществлением соответствующей регистрации прав на недвижимое имущество; испрашиваемый земельный участок находится в границах земельного участка с другим кадастровым номером, предоставленного обществу по договору аренды.

Управляющая компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным указанного решения уполномоченного органа и об обязанности подготовить и направить заявителю проект договора купли-продажи указанного земельного участка.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Нормами земельного законодательства, действовавшими на момент приобретения заявителем в собственность здания, и нормами действующего законодательства предусмотрен принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

Собственники зданий, строений и сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, могут приобрести такие земельные участки в собственность или в аренду. Порядок и особенности приобретения прав на земельные участки, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и на которых расположены здания, строения и сооружения, до 1 марта 2015 г. регулировались ст. 36 ЗК РФ, в настоящее время – ст. 39²⁰ ЗК РФ. Данными нормами закреплено исключительное право собственников указанных объектов недвижимости на приобретение публичного земельного участка, занятого объектом недвижимости, в собственность либо аренду в соответствии с процедурой, установленной этим же Кодексом.

В соответствии с подп. 3 п. 5 ст. 39¹⁷ ЗК РФ уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении без торгов земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной

собственности, при наличии хотя бы одного из оснований, предусмотренных ст. 39¹⁶ данного Кодекса. Согласно п. 2 ст. 39¹⁶ ЗК РФ уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов в случае, если указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок предоставлен на праве постоянного (бессрочного) пользования, безвозмездного пользования, пожизненного наследуемого владения или аренды, за исключением случаев, если с заявлением о предоставлении земельного участка обратился обладатель данных прав.

В силу п. 1 ст. 35 ЗК РФ и п. 3 ст. 552 ГК РФ при продаже недвижимости (переходе права собственности), находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, покупатель приобретает право на использование части земельного участка, которая занята этой недвижимостью и необходима для ее использования, на тех же условиях, что и продавец.

В п. 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (в редакции постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 13) разъяснено следующее: при продаже недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, к покупателю этой недвижимости с момента государственной регистрации перехода права собственности на нее переходит то право на земельный участок, которое принадлежало продавцу недвижимости, а также связанные с этим правом обязанности при наличии таковых (перемена лица в договоре аренды). В случае если имевшееся у застройщика право аренды земельного участка перешло к лицу в связи с приобретением им в собственность вновь построенного нежилого здания, с момента государственной регистрации права собственности на здание на стороне арендатора возникает множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка, а указанный договор аренды продолжает действовать.

Здание магазина построено на земельном участке, предоставленном в аренду обществу для реализации функций заказчика-застройщика по инвестиционному контракту на строительство жилого комплекса, в том числе отдельно стоящего указанного нежилого здания магазина. С момента ввода в эксплуатацию данного здания и государственной регистрации на него права собственности инвестора на стороне арендатора земельного участка возникла множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником участка. После государственной регистрации перехода к управляющей компании права

собственности на нежилое здание, расположенное на указанном земельном участке, покупатель стал стороной в договоре с множественностью лиц на стороне арендатора.

При таком положении неверен вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о том, что заявителю не может быть предоставлен в собственность испрашиваемый земельный участок по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 39¹⁶ ЗК РФ.

В силу ст. 39²⁰ ЗК РФ управляющая компания, как собственник отдельно стоящего здания и арендатор исходного земельного участка, вправе приобрести в собственность часть этого земельного участка, занятого зданием и необходимого для его эксплуатации, при отсутствии препятствий для раздела исходного участка.

По заявлению управляющей компании в результате раздела исходного земельного участка был сформирован и поставлен на кадастровый учет земельный участок, занятый зданием магазина. Заключение судебной землеустроительной экспертизы, проведение которой было назначено судом первой инстанции, подтверждено, что земельный участок сформирован для эксплуатации здания магазина с соблюдением градостроительных правил и с учетом зоны застройки. Уполномоченный орган не оспаривает ни правомерность формирования земельного участка, ни площадь, необходимую для эксплуатации здания магазина.

В силу пп. 2 и 4 ст. 11⁴ ЗК РФ при разделе земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, могут быть образованы один или несколько земельных участков; при этом земельный участок, раздел которого осуществлен, сохраняется в измененных границах; у собственника разделенного участка возникает право собственности на все образуемые в результате раздела земельные участки. Таким образом, спорный земельный участок является федеральной собственностью, ему присвоен кадастровый номер, он не снят с кадастрового учета и в силу п. 1 ст. 37 ЗК РФ данный участок может являться объектом купли-продажи.

Определение № 305-КГ17-18472

32. При наличии противоречивых выводов судебной строительно-технической экспертизы о том, создает ли самовольно возведенный объект угрозу для жизни и здоровья граждан, суд должен устранить это противоречие при помощи механизмов, предоставленных процессуальным законодательством (вызов эксперта для дачи пояснений, назначение дополнительной и повторной экспертиз). Одновременные отказы в иске о сносе самовольной постройки и в иске о признании права собственности на самовольную постройку за застройщиком противоречат принципу правовой определенности.

Уполномоченный орган муниципального образования (арендодатель; далее – администрация) и общество (арендатор) заключили договор аренды земельного участка для строительства выставочно-торгового комплекса на срок до 31 декабря 2013 г.

Стороны 20 января 2014 г. заключили новый договор аренды указанного земельного участка сроком с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г.

По результатам проверок, проведенных в рамках муниципального земельного контроля, составлены акты, в которых указано, что общество с 1 сентября 2012 г. осуществляет строительно-монтажные работы по устройству фундамента и возведению каркаса здания в отсутствие разрешительной документации. В акте осмотра от 9 октября 2014 г. указано, что на участке без разрешительных документов возведен фундамент и смонтирован железобетонный каркас 7–8 этажей объекта неизвестного назначения. Аналогичные акты составлены в январе и ноябре 2015 года.

Только 29 июля 2016 г. общество обратилось в администрацию с заявлением о выдаче разрешения на строительство.

Администрация отказала обществу в выдаче разрешения на строительство в связи с наличием указанных нарушений. Этот отказ признан законным решением суда по другому делу.

Администрация, ссылаясь на то, что общество возвело на публичном земельном участке спорный объект в отсутствие соответствующих разрешений и согласований, обратилась в арбитражный суд с иском о сносе объекта самовольного строительства.

Общество, предъявляя встречные требования о признании права собственности на данный объект незавершенного строительства, указало следующее: общество принимало меры, направленные на получение разрешения на строительство спорного объекта, который не создает угрозы жизни и здоровью граждан и не нарушает права и законные интересы иных лиц.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении первоначальных и встречных исковых требований отказано.

Суды, отказывая в иске администрации, исходили из следующего: согласно заключению судебной строительно-технической экспертизы расположенный на спорном земельном участке объект незавершенного строительства в целом соответствует проектной и исполнительной документации, техническим санитарно-эпидемиологическим и экологическим требованиям, требованиям государственной охраны объектов культурного наследия, пожарной, промышленной и иной безопасности и не нарушает прав и законных интересов других лиц;

однако наличие дефектов в отдельно взятых конструктивах здания не позволяет сделать вывод о безусловном соответствии здания действующим строительным нормативам; объект не соответствует градостроительным требованиям; при условии выполнения мероприятий по улучшению несущих конструкций объект незавершенного строительства не будет создавать угрозу жизни и здоровью граждан; администрация, обратившись с иском о сносе объекта самовольного строительства 27 сентября 2016 г., пропустила срок исковой давности, который следует исчислять с даты первоначального осмотра земельного участка – 19 апреля 2012 г., по результатам которого выявлены признаки самовольного строительства; поскольку администрация не представила надлежащих доказательств того, что спорный объект создает угрозу жизни и здоровью граждан, по заявлению общества подлежит применению исковая давность.

При этом отказывая в удовлетворении встречных требований общества о признании права собственности на данный объект незавершенного строительства, суды исходили из того, что общество не представило бесспорных доказательств, подтверждающих безопасность данного объекта, его соответствие требованиям градостроительных и строительных норм, а также отсутствие угрозы для жизни и здоровья граждан в случае сохранения данного объекта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», при разрешении вопроса о сносе самовольной постройки или ее сохранении необходимо установить, допущены ли при ее возведении существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил, создает ли такая постройка угрозу жизни и здоровью граждан; на требование о сносе самовольной постройки, создающей угрозу жизни и здоровью граждан, исковая давность не распространяется. С этой целью суд при отсутствии необходимых заключений компетентных органов или при наличии сомнения в их достоверности вправе назначить экспертизу по правилам процессуального законодательства. Отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку; в то же время суду необходимо установить, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, в частности к получению разрешения на строительство и/или акта ввода объекта в эксплуатацию, а также правомерно ли отказал

уполномоченный орган в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию.

В Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 марта 2014 г., разъяснено, что одним из юридически значимых обстоятельств по делу о признании права собственности на самовольную постройку является установление того обстоятельства, что сохранение спорной постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, в частности права смежных землепользователей, правила застройки, установленные в муниципальном образовании, и т.д. Наличие допущенных при возведении самовольной постройки нарушений градостроительных и строительных норм и правил является основанием для отказа в удовлетворении иска о признании права собственности на самовольную постройку либо основанием для удовлетворения требования о ее сносе при установлении существенности и неустранимости указанных нарушений, к которым относят такие неустранимые нарушения, которые могут повлечь уничтожение постройки, причинение вреда жизни, здоровью человека, повреждение или уничтожение имущества других лиц.

Заключение судебной строительно-технической экспертизы по настоящему делу не содержит однозначного ответа на вопрос о том, создает ли спорный объект незавершенного строительства угрозу жизни и здоровью граждан. Между тем установление данного обстоятельства имеет существенное значение для правильного разрешения спора.

В силу ч. 3 ст. 86 АПК РФ заключение эксперта является одним из доказательств по делу, не имеет заранее установленной силы, не носит обязательного характера и подлежит исследованию и оценке судом наравне с другими представленными доказательствами. В соответствии с абзацами вторым и третьим ч. 3 ст. 86 АПК РФ по ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе арбитражного суда эксперт может быть вызван в судебное заседание. Эксперт после оглашения его заключения вправе дать по нему необходимые пояснения, а также обязан ответить на дополнительные вопросы лиц, участвующих в деле, и суда. Согласно ч. 1 ст. 87 АПК РФ в случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту. В случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или комиссии экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, проведение которой поручается другому эксперту или другой комиссии экспертов (ч. 2 ст. 87 АПК РФ).

Несмотря на отсутствие в заключении строительно-технической экспертизы однозначных выводов о том, создает ли спорный объект незавершенного строительства угрозу жизни и здоровью граждан, суд

первой инстанции при рассмотрении настоящего дела не воспользовался ни одним из названных процессуальных прав в целях устранения неполноты представленного доказательства для получения возможности дальнейшей его оценки.

Суды, установив факт самовольного возведения обществом спорного объекта и отказав одновременно как в иске о его сносе, так и в иске о признании права собственности застройщика на этот объект, возведенный на публичном земельном участке, не разрешили вопрос о правовой судьбе данного объекта незавершенного строительства, что не соответствует принципу правовой определенности, предполагающему стабильность и гарантирующему справедливое правовое регулирование.

Поскольку срок действия заключенного сторонами договора аренды истек, Обществу отказано в иске о признании за ним права собственности на самовольно возведенное строение, неопределенность в статусе спорного объекта приведет к тому, что общество не сможет оформить права на земельный участок, занятый им, достроить этот объект, который в недостроенном виде останется на публичном участке ввиду отказа администрации в иске о его сносе.

Суд первой инстанции, отказывая в иске администрации, неправильно исходил из того, что администрация не обосновала наличие публичного интереса в сносе самовольно возведенной обществом постройки на предоставленном ему в аренду участке. В силу ст. 11 ЗК РФ, ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2013 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского округа в числе прочих относятся вопросы, касающиеся использования земель на территории городского поселения, выдача разрешений на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на территории городского округа, осуществление муниципального земельного контроля в границах поселения, осуществление в случаях, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, осмотров зданий, сооружений и выдача рекомендаций об устранении выявленных в ходе таких осмотров нарушений. По смыслу названных норм в целях защиты интересов муниципального образования, населения городского округа администрация при выявлении самовольно возведенной постройки, создающей потенциальную угрозу жизни и здоровью граждан, вправе обратиться в суд с иском о сносе такой постройки.

Определение № 304-ЭС18-2938

33. Наличие охранной зоны энергообъекта не исключает возможность установления сервитута для получения полномочий по пользованию чужим земельным участком для целей эксплуатации объекта недвижимости (линейного объекта), не препятствующих

использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, и в пределах той части земельного участка, которая занята опорами высоковольтных линий.

Общество осуществило строительство энергообъекта – высоковольтных линий (далее – ВЛ), в том числе на земельных участках, принадлежащих главе крестьянского-фермерского хозяйства Д. Строительство велось с разрешения Д. и на основании заключенных сторонами договоров аренды земельных участков. Иных способов обеспечения строительства ВЛ кроме как через земельные участки сельскохозяйственного назначения, принадлежащие на праве собственности Д., не имелось.

Общество получило разрешение на ввод объекта в эксплуатацию и зарегистрировало на него право собственности.

Железобетонные опоры, расположенные на земельных участках Д., являются неотъемлемой частью линейного объекта электроэнергетики.

Общество направило Д. межевые планы на раздел принадлежащих ему земельных участков с целью заключения долгосрочных договоров аренды земельных участков под каждой опорой. Д. отказался согласовать межевые планы, указав на необходимость рассмотрения вариантов аренды или выкупа земельных участков, не только занятых опорами, но и включающих охранную зону линии электропередач энергообъекта.

Поскольку ответчик отказал в согласовании межевых планов, общество с целью оформления прав на земельные участки под опорами направило Д. проект соглашения об установлении на 49 лет права ограниченного пользования (сервитута) частями указанных земельных участков.

Д. не оспаривая законность размещения в границах его участков бетонных опор, не подписал соглашение о сервитуте, не согласившись с размером площади частей земельных участков, которые общество просит обременить сервитутом, и предложенной им платой за сервитут.

Общество, указывая на необходимость оформления права пользования частью земельных участков под опорами принадлежащего ему линейного объекта в целях его эксплуатации, ссылаясь на ст. 23 ЗК РФ, ст. 274 ГК РФ и Правила определения размеров земельных участков для размещения воздушных линий электропередачи и опор линий связи, обслуживающих электрические сети, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 486 (далее – Правила № 486), обратилось в арбитражный суд с иском об установлении сервитута (права ограниченного пользования) на части земельных участков Д.

Д., возражая против удовлетворения требований общества, указал на то, что Правилами № 486 установлен минимальный, но не предельный размер обособленных земельных участков для размещения опор

высоковольтной линии (далее – ВЛ) в том числе на основании сервитута; плата за сервитут в размере 0,43 руб. в год в течение 49 лет является необоснованной, заниженной, определенной без учета того, что ответчик не сможет пользоваться частью принадлежащих ему земель; для определения реальной рыночной стоимости землепользования должна быть проведена независимая оценочная экспертиза и предусмотрен механизм периодического пересмотра платы за сервитут с учетом экономической ситуации и факторов, влияющих на изменение стоимости.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из следующего: не имеется необходимости устанавливать сервитут, так как спор фактически сводится к размеру платы за использование земли под опорами, что не тождественно сервитуту и его целям; истец не обосновал площадь части земельных участков, испрашиваемых под сервитут, поскольку указанные им границы и площадь обремененных частей земельного участка охватывают только проекцию опор энергообъекта, что не позволит осуществлять функции технического обслуживания линии электропередачи; законом не предусмотрено установление сервитута для целей размещения на обремененном земельном участке какого-либо имущества; в отношении прав на землю могут быть установлены ограничения в виде особых условий использования земельных участков и режима хозяйственной деятельности в охранных, санитарно-защитных зонах, которые не являются сервитутом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 23 ЗК РФ сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством. Пунктами 1 и 3 ст. 274 ГК РФ предусмотрено, что собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях – и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута); сервитут может устанавливаться, в частности, для обеспечения строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута; сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество; в случае

недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2012 г. № 11248/11 указано, что требование, предусмотренное п. 3 ст. 274 ГК РФ, имеет целью создание на будущее необходимых правовых гарантий для нормальной эксплуатации истцом своего имущества посредством предоставления ему по решению суда права ограниченного пользования чужим земельным участком.

В пункте 4 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г. (далее – Обзор), разъяснено, что в отсутствие нормативного правового акта об установлении публичного сервитута собственник линейного объекта вправе обратиться к собственнику земельного участка, на котором расположен указанный объект, за установлением сервитута в целях эксплуатации и ремонта линейного объекта.

В данном случае общество обратилось в арбитражный суд с иском об установлении сервитута к собственнику земельных участков в порядке ст. 274 ГК РФ, которой предусмотрено установление сервитута для эксплуатации линейных объектов.

Эксплуатация ВЛ включает использование по назначению (передачу электроэнергии), техническое обслуживание и ремонт данного энергообъекта. При этом по смыслу ст. 89 ЗК РФ и Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 160 (далее – Правила № 160), охранный зона линейного энергообъекта (к которым относятся ВЛ) устанавливается не для целей использования земельного участка собственником ВЛ, а для обеспечения безопасных условий эксплуатации данного объекта и исключения возможности его повреждения, определение охранный зоны не зависит от волеизъявления собственника земельного участка или сетевой организации, эксплуатирующей ВЛ. Земельные участки в границах охранных зон ВЛ у собственников участков, землевладельцев, землепользователей или арендаторов не изымаются, устанавливается лишь запрет на осуществление действий, которые могут нарушить безопасную работу объектов электросетевого хозяйства. Данные ограничения не исключают возможность его использования в целях выращивания сельскохозяйственных культур.

Наличие охранный зоны энергообъекта не исключает возможность установления сервитута для получения полномочий по пользованию чужим земельным участком для целей эксплуатации объекта недвижимости (линейного объекта), не препятствующих использованию

земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, и в пределах той части земельного участка, которая занята опорами ВЛ.

С учетом приведенных норм права является неверным вывод судов об отсутствии необходимости установления сервитута в отношении части земельных участков, на которых расположены опоры ВЛ, в целях эксплуатации данного линейного объекта.

В тех случаях, когда имеются основания для предоставления права ограниченного пользования чужим имуществом, суд, рассматривая исковые требования об установлении сервитута, должен определить все условия, на которых он устанавливается, а именно: сведения о земельных участках, для обеспечения использования которого установлен сервитут и который обременен сервитутом, содержание сервитута, вид сервитута, сферу действия, срок, условия о плате. При этом условия сервитута должны соответствовать интересам истца, но быть наименее обременительными для собственника участка, обременяемого сервитутом (п. 5 ст. 23 ЗК РФ). Суд может самостоятельно определить оптимальные условия сервитута, а при необходимости разрешения вопросов, касающихся отдельных условий сервитута, возможных вариантов его установления, а также размера платы, которые требуют специальных знаний (например, в области оценочной деятельности), суд в соответствии с положениями ст. 82 АПК РФ вправе назначить экспертизу.

Пунктом 5 ст. 274 ГК РФ и п. 6 ст. 23 ЗК РФ установлено, что собственник участка, обремененного сервитутом, имеет право требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 12 Обзора, плата за сервитут определяется судом исходя из принципов разумности и соразмерности с учетом характера деятельности сторон, площади и срока установления сервитута и может иметь как форму единовременного платежа, так и периодических платежей. Размер платы за сервитут должен быть соразмерен той материальной выгоде, которую приобретает собственник земельного участка в результате установления сервитута, компенсируя те ограничения, которые претерпевает собственник земельного участка, обремененного сервитутом. В размер платы включаются разумные затраты, возникающие у собственника объекта недвижимости в связи с ограничением его права собственности или созданием условий для реализации собственником объекта недвижимости, для обеспечения использования которого сервитут установлен, права ограниченного пользования. При этом необходимо в том числе учитывать долю земельного участка, ограниченную сервитутом, в общей площади земельного участка; срок установления сервитута; объем ограничения пользования земельным участком и интенсивность его предполагаемого использования; характер неудобств, испытываемых собственником недвижимого имущества, обремененного сервитутом; степень влияния

сервитута на возможность распоряжения земельным участком. Принимая решение об определении характера платы за сервитут (единовременной выплате в полном объеме или периодических платежах в течение всего срока действия сервитута), в целях наибольшего соблюдения баланса интересов истца и ответчика необходимо учитывать не только содержание заявленных истцом требований, но и конкретные условия, и объем сервитута.

Однако приведенные требования закона, предъявляемые к рассмотрению данной категории дел, суды не выполнили, спор по существу не разрешили, не установили условия сервитута, в том числе об оплате ограниченного пользования земельными участками ответчика, несмотря на то, что последний заявлял в суде первой инстанции о необходимости проведения оценочной экспертизы.

Определение № 306-ЭС17-20590

34. В ситуации, когда имеется судебный спор о полномочиях выступающих от имени Российской Федерации государственных органов по распоряжению земельными участками, лица, обращающиеся с заявлением о выкупе в орган государственной власти, которому были переданы соответствующие полномочия, не лишены права на приобретение земельного участка по цене, действовавшей на момент подачи первоначального заявления в другой орган государственной власти.

Общество является собственником объектов недвижимости – судоремонтных причалов. Указанные объекты располагаются на земельном участке, который используется обществом по договору аренды с множественностью лиц на стороне арендатора, заключенному с уполномоченным органом муниципального образования. Земельный участок расположен в границах морского порта и находится в собственности Российской Федерации.

Общество обратилось в территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее – ТУ Росимущества) с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность.

ТУ Росимущества возвратило заявление общества, указав на то, что в соответствии с Положением о Федеральном агентстве морского и речного транспорта, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 371 (далее – постановление № 371), полномочиями по принятию решений об образовании земельного участка и о государственной регистрации права собственности на него Российской Федерации наделен Росморречфлот.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании этого решения ТУ Росимущества незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, решение ТУ Роимущества признано незаконным, на ТУ Росимущества возложена обязанность принять решение о предоставлении в собственность за плату земельного участка заявителю, подготовить и направить заявителю проект договора купли-продажи.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции изменены, в резолютивной части на ТУ Росимущества возложена обязанность рассмотреть заявление общества и совершить одно из действий, предусмотренных п. 5 ст. 39¹⁷ ЗК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 125 ГК РФ от имени Российской Федерации органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов, могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде.

В силу ч. 2 ст. 30 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах» (далее – Закон № 261) управление федеральным имуществом в морском порту осуществляется уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти в соответствии с данным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В силу подп. 2 п. 4 ст. 90 ЗК РФ, в целях обеспечения деятельности организаций и эксплуатации объектов морского, внутреннего водного транспорта, могут предоставляться земельные участки для размещения объектов инфраструктуры морских портов, объектов речных портов, причалов, пристаней, гидротехнических сооружений, других объектов, необходимых для эксплуатации, содержания, строительства, реконструкции, ремонта наземных и подземных зданий, сооружений, устройств и других объектов морского, внутреннего водного транспорта.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 1535-р спорный земельный участок включен в границы морского порта и отнесен к федеральному уровню собственности.

В письменных пояснениях Росморречфлот указывал, что, в соответствии с п. 1 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432 (далее – постановление № 432), Росимущество является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в области приватизации и полномочия собственника, в том числе права

акционера и участника общества с ограниченной ответственностью, в сфере управления имуществом Российской Федерации (за исключением случаев, когда указанные полномочия, в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти). При этом Росморречфлот отмечал, что он, согласно п. 1 постановления № 371, является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере морского (включая морские порты, за исключением морских терминалов, предназначенных для комплексного обслуживания судов рыбопромыслового флота) и речного транспорта, а также функции по оказанию государственных услуг в области обеспечения транспортной безопасности в этой сфере. Ссылаясь на ч. 2 ст. 30 Закона № 261, Росморречфлот приводил доводы о том, что он осуществляет полномочия собственника в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территории морских портов, в связи с чем является лицом, уполномоченным по распоряжению земельными участками, в том числе по их предоставлению и заключению договоров купли-продажи. Кроме того, Росморречфлот указывал, что в соответствии с п. 5.3.11 постановления № 371, он организует в установленном порядке работу по изъятию, в том числе путем выкупа, и предоставлению земельных участков, резервированию земель и образованию земельных участков для государственных нужд в целях размещения объектов инфраструктуры морских портов, речных портов и инфраструктуры внутренних водных путей, включая заключение договоров с собственниками, правообладателями земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества, принятие решений о предварительном согласовании места размещения объектов, а также работу по регистрации соответствующих прав на указанные земельные участки и объекты.

Вместе с тем при разрешении спора судами данным доводам Росморречфлота в совокупности с доводами ТУ Росимущества, указывавшего на утрату Росимуществом и его территориальными органами полномочий по распоряжению и управлению земельными участками, расположенными в границах морского порта, в том числе по предоставлению их в собственность, с момента вступления в силу постановления Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2013 г. № 388 «О внесении изменений в Положение о федеральном агентстве морского и речного транспорта» (далее – постановление № 388), оценка дана не была.

Постановлением № 388 Росморречфлот, в целях размещения объектов инфраструктуры морских портов, речных портов и инфраструктуры внутренних водных путей Российской Федерации, был наделен новыми полномочиями, в частности: по принятию решений об

изъятии, в том числе путем выкупа, для федеральных нужд земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества (подп. 5.4(1).1); решений о резервировании земель (подп. 5.4(1).2); решений о подготовке документации по планировке территории, обеспечению подготовки и утверждению такой документации в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации (подп. 5.4(1).3); заключению договоров о выкупе земельных участков и (или) объектов недвижимого имущества, находящихся на выкупаемых земельных участках, в федеральную собственность, а также заключению с правообладателями земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества договоров, предусматривающих возмещение убытков в связи с изъятием указанного недвижимого имущества (подп. 5.4(1).4); предоставлению земельных участков, которые находятся в федеральной собственности (подп. 5.4(1).5); принятию решений о предварительном согласовании места размещения объектов инфраструктуры морских портов, речных портов и инфраструктуры внутренних водных путей Российской Федерации (подп. 5.4(1).6); решений об образовании земельных участков из земельных участков, которые находятся в федеральной собственности (подп. 5.4(1).7); обращению от имени Российской Федерации с заявлениями о государственной регистрации права собственности Российской Федерации на земельные участки, необходимые для размещения объектов инфраструктуры морских портов, речных портов и инфраструктуры внутренних водных путей Российской Федерации, а также права собственности Российской Федерации на такие объекты, которое признается (возникает) в соответствии с федеральными законами (подп. 5.4(2)).

Вместе с тем, признавая ТУ Росимущества уполномоченным лицом по предоставлению расположенных в границах морского порта земельных участков, суды не учитывали внесенные постановлением № 388 в постановление № 371 изменения и не проверяли полномочия Росморречфлота с учетом этих положений.

Перераспределение Российской Федерацией между своими органами государственных функций и полномочий по распоряжению находящимися в ее собственности земельными участками не прекращает и не изменяет возникших с ее участием гражданских правоотношений. В этом случае меняется только орган государственной власти, участвующий в соответствующем правоотношении. Таким образом, в ситуации, когда имеется судебный спор о полномочиях выступающих от имени Российской Федерации государственных органов по распоряжению земельными участками, лица, обращающиеся в орган государственной власти, которому были переданы соответствующие полномочия, с заявлением о выкупе, не лишены права на приобретение земельного участка по цене, действовавшей на момент подачи первоначального заявления, при условии, что такие лица имели действительное намерение на приобретение

земельного участка в собственность и действовали добросовестно при реализации этого права.

При новом рассмотрении дела судам следует проверить доводы ТУ Росимущества с учетом указанных выше положений о необходимости исследования полномочий органов государственной власти, действующих от имени Российской Федерации, по предоставлению расположенных на территории морского порта земельных участков. При необходимости для разрешения указанного вопроса привлечь Правительство Российской Федерации, распределяющее, в силу компетенции, предоставленной ему ст. 12 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», функции между федеральными органами исполнительной власти и утверждающее положения о федеральных министерствах и об иных федеральных органах исполнительной власти.

Определение № 307-КГ17-23029

35. Возложение на ответчика обязанности возместить вред, причиненный окружающей среде, в виде взыскания убытков без учета выполнения ответчиком фактических мероприятий по устранению нарушений лесного законодательства во исполнение судебного акта, возложившего на него такие обязанности, не соответствует положениям п. 1 ст. 1064 ГК РФ, п. 1 ст. 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Уполномоченным органом (арендодатель) и фирмой (арендатор) заключен договор аренды лесного участка, согласно которому арендодатель обязуется предоставить, а арендатор – принять во временное пользование сроком на 38 лет находящийся в государственной собственности лесной участок, расположенный в квартале участкового лесничества государственного бюджетного казенного учреждения (далее – учреждение), предназначенный для заготовки древесины.

Дополнительным соглашением к указанному договору аренды фирма уступила обществу свои права и обязанности арендатора в отношении части лесного участка, в том числе квартала учреждения.

Учреждение уведомило общество о проведении осмотра лесных участков, пройденных рубкой, по результатам которого установлено нарушение требований лесного законодательства, выраженное в невыполнении работы по очистке лесосеки от порубочных остатков (неочистке), и составлены акт осмотра мест рубок (мест заготовки древесины), сообщение о нарушениях требований лесного законодательства при проведении рубок и других видов использования лесов.

Претензией Министерство лесного хозяйства субъекта Российской Федерации (далее – министерство) предложило ответчику возместить

289 108, 33 руб. ущерба, причиненного государственному лесному фонду, рассчитанного в соответствии с порядком, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (далее – постановление № 273).

Ссылаясь на то, что обществом ущерб в добровольном порядке не возмещен, министерство обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании данной суммы.

В возражениях на иск общество указывало, что не может быть привлечено к двойной ответственности за одно и то же нарушение. Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции на общество уже возложена обязанность устранить нарушения лесного законодательства и произвести очистку мест рубок в течение одного месяца.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Способы возмещения вреда, причиненного окружающей природной среде, установлены ст. 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) и соответствуют гражданско-правовым способам, указанным в ст. 1082 ГК РФ, которая предусматривает, что, удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд в силу обстоятельств дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т. п.) или возместить причиненные убытки.

Согласно ст. 99 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 218-ФЗ).

Прежняя редакция названной статьи предусматривала, что привлечение к ответственности за нарушение лесного законодательства не освобождает виновных лиц от обязанности устранить выявленное нарушение и возместить причиненный этими лицами вред (ч. 2).

Между тем принятым постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой

общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» (далее – постановление № 12-П) признаны положения ч. 2 ст. 99 ЛК РФ (в прежней редакции) и постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 9 (ч. 1) во взаимосвязи со ст. 19 (чч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1), 42 и 55 (ч. 3), в той мере, в какой – в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей их неоднозначное истолкование и, следовательно, произвольное применение, – при установлении на их основании размера возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, в частности при разрешении вопроса о возможности учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов, данные положения не обеспечивают надлежащий баланс между законными интересами лица, добросовестно реализующего соответствующие меры, и публичным интересом, состоящим в максимальной компенсации вреда, причиненного лесам.

В постановлении № 12-П указано, что из положений ст. 99 ЛК РФ (прежней редакции), рассматриваемых во взаимосвязи с иными положениями данного Кодекса, а также нормами Закона об охране окружающей среды, не следует определенным ответ на вопрос, возникает ли обязанность по устранению выявленного нарушения лишь в тех случаях, когда оно подпадает под признаки правонарушения, за которое предусмотрена уголовная либо административная ответственность, или же в данной статье речь идет о нарушении лесного законодательства как таковом (а значит, если оно сопряжено с причинением вреда лесам, фактически о гражданско-правовом деликте). Предусмотренная ч. 2 ст. 99 ЛК РФ обязанность виновных в нарушении лесного законодательства лиц возместить причиненный ими вред носит имущественный характер, ее основная цель – компенсация ущерба, причиненного правонарушением. С учетом того, что правовое регулирование отношений, возникающих из причинения вреда, осуществляется на основе гражданско-правового института деликтных обязательств, данная обязанность имеет сходство с мерами гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с постановлением № 12-П в ст. 99 ЛК РФ Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 218-ФЗ внесены изменения, повлиявшие на правоприменительную практику.

В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» указано, что возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей

среды (ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона об охране окружающей среды). При этом выбор способа возмещения причиненного вреда при обращении в суд осуществляет истец. Вместе с тем, принимая во внимание необходимость эффективных мер, направленных на восстановление состояния окружающей среды, в котором она находилась до причинения вреда, наличие публичного интереса в благоприятном состоянии окружающей среды, суд, с учетом позиции лиц, участвующих в деле, и конкретных обстоятельств дела, вправе применить такой способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства. В случае если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме (п. 17).

Целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является достижение компенсации, восстановления ее нарушенного состояния, в связи с чем истец вправе выбрать способы, предусмотренные ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона об охране окружающей среды при обращении за судебной защитой, а суд, с учетом конкретных обстоятельств по делу, оценивая в каждом случае эффективность этих способов, применить тот, который наиболее соответствует этим целям.

Определение способа возмещения вреда – в натуре или в денежном выражении – зависит прежде всего от возможности его возмещения в натуре, необходимости оперативно принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В отсутствие таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков).

При рассмотрении дела общество указывало, что министерство реализовало право на обращение в суд с требованием о возмещении причиненного вреда лесному фонду посредством выполнения мероприятий по очистке мест рубок от порубочных остатков. Судебный акт о возложении на него такой обязанности исполнен. Между тем суды, удовлетворяя иск по настоящему делу, не учли указанные обстоятельства, приводимые ответчиком в подтверждение возмещения причиненного вреда, взыскав убытки, рассчитанные в соответствии с постановлением № 273 и составляющие 5-кратный размер затрат, необходимых для очистки территории, приведения ее в состояние, пригодное для дальнейшего использования. Данным нормативным актом утверждены таксы в качестве условных единиц исчисления причиненного вреда, применение которых позволяет получить приблизительную оценку причиненного лесу ущерба, денежный эквивалент которого подлежит взысканию в целях возмещения вреда.

Взыскивая заявленную по настоящему делу при названных обстоятельствах сумму, суды наличие оснований для возложения обязанности уплатить компенсацию сверх возмещения вреда в соответствии с абзацем третьим п. 1 ст. 1064 ГК РФ не указали.

Определение № 302-ЭС18-1483

36. Обязанность по выполнению охранного обязательства объекта культурного наследия федерального значения возлагается на собственника такого объекта, даже если указанный объект находится во владении или пользовании третьего лица (третьих лиц) на основании гражданско-правового договора.

Арендатор, использующий на основании договора аренды, часть помещения здания, которое является объектом культурного наследия федерального значения, получил охранное обязательство собственника или иного законного владельца на указанный объект, а также приказ административного органа, в котором арендатору предписывалось в определенный срок обеспечивать представление в административный орган уведомлений о выполнении требований, установленных охранным обязательством.

Полагая свои права нарушенными, арендатор обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными действий административного органа и обязанности устранить допущенные нарушения.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление арендатора по следующим основаниям.

В соответствии с п. 7 ст. 47⁶ Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ) охранное обязательство утверждается актом федерального органа охраны объектов культурного наследия или актом регионального органа охраны объектов культурного наследия в зависимости от категории объекта (федерального, регионального или местного значения).

Копия акта с копией утвержденного охранного обязательства вручается под роспись или направляется заказным письмом с уведомлением о вручении собственнику объекта культурного наследия, собственнику или иному владельцу земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия, другим лицам, к обязанностям которых относится его исполнение, а также в орган кадастрового учета для регистрации в едином государственном реестре

прав на недвижимое имущество и сделок с ним в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, не позднее трех рабочих дней со дня утверждения охранного обязательства (п. 12 ст. 47⁶ Закона № 73-ФЗ).

Пунктом 11 ст. 47⁶ Закона № 73-ФЗ установлено, что охранное обязательство подлежит выполнению физическим или юридическим лицом, которому объект культурного наследия принадлежит на праве собственности, в том числе в случае, если указанный объект находится во владении или в пользовании третьего лица (третьих лиц) на основании гражданско-правового договора.

В случае если объект культурного наследия, включенный в реестр, находится соответственно в федеральной собственности, государственной собственности субъекта Российской Федерации, муниципальной собственности и не передан на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления унитарному предприятию или учреждению, либо не передан в безвозмездное пользование от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, охранное обязательство подлежит выполнению федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, уполномоченными на осуществление полномочий собственника соответствующего имущества.

Таким образом, действующая редакция Закона № 73-ФЗ лицом, на которое в первоочередном порядке возложена обязанность по выполнению охранного обязательства, указывает собственника такого объекта, в том числе и в случае, если указанный объект находится во владении или пользовании третьего лица (третьих лиц) на основании гражданско-правового договора.

Исходя из изложенного, административный орган необоснованно возложил на арендатора обязанность по выполнению охранного обязательства.

Определение № 305-КГ17-23190

Споры, возникающие из обязательственных отношений

37. Заключение договора об оказании услуг связи с отдельным абонентом, являющимся собственником помещения в многоквартирном доме, не может выступать самостоятельным правовым основанием для пользования лицом, оказывающим такие услуги, общим имуществом многоквартирного дома и освобождать его от внесения платы за такое пользование.

Управляющая компания является управляющей организацией в отношении ряда многоквартирных жилых домов (далее – МКД). Общими собраниями собственников помещений МКД приняты решения об

установлении для организаций, использующих часть общего имущества МКД в подъездах, на техническом этаже, техническом подполье в целях размещения оборудования связи, а также телекоммуникационных антивандальных шкафов широкополосного доступа, предназначенного для оказания услуг связи (телефония, телематические услуги, Интернет и др.), в частности для общества, платы за пользование общим имуществом. При этом собственники помещений наделили управляющую компанию правом на представление их интересов во всех судебных органах, заключение соответствующих договоров и сбор денежных средств.

Обществом (оператор связи) и собственниками, пользователями помещений МКД заключено более 20 000 договоров о предоставлении услуг в сети кабельного телевидения, договоров на оказание телематических услуг связи и услуг связи по передаче данных. Для оказания услуг обществом с использованием общего имущества МКД (ограждающих конструкций (фасада), подъездов, технических этажей, технических подпольев, иных помещений общего имущества) размещено соответствующее техническое оборудование.

В целях урегулирования отношений, связанных с использованием общего имущества МКД, управляющая компания направила обществу для подписания проект договора на пользование участком ограждающей конструкции МКД, по условиям которого управляющая компания обязалась предоставить пользователю возможность на возмездной основе разместить волоконно-оптический кабель и коммутационное оборудование на участках ограждающих конструкций кровли и технических этажей МКД. Общество от подписания указанного договора отказалось, сославшись на отсутствие оснований для его заключения.

Управляющая компания, указывая на то, что общество неправомерно пользуется общим имуществом МКД посредством размещения на нем принадлежащего ему оборудования для оказания услуг, не производя при этом оплату за пользование общим имуществом, обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с общества неосновательного обогащения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ отношения, связанные с использованием общим имуществом собственников помещений многоквартирных домов, регулируются жилищным законодательством.

Согласно ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, перечисленное

в данной норме, то есть имущество, предназначенное исключительно для обслуживания более одного помещения в данном доме. В частности, пп. 1 и 3 ч. 1 указанной статьи предусмотрено, что собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы), а также крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома. Аналогичная норма содержится в п. 1 ст. 290 ГК РФ.

В силу подп. «а» п. 1 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, состав общего имущества определяется собственниками помещений в многоквартирном доме.

В соответствии с ч. 2 ст. 36 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных этим Кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме.

В силу ч. 4 ст. 36 и п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц.

Исходя из положений п. 1 ст. 1102 ГК РФ, неосновательное обогащение имеет место в случае приобретения или сбережения имущества в отсутствие на то правовых оснований.

Заключение договора об оказании услуг связи с отдельным абонентом, являющимся собственником помещения в МКД, не может выступать самостоятельным правовым основанием для пользования ответчиком общим имуществом МКД и освобождать его от внесения платы за такое пользование. Указанные договоры заключены в интересах конкретного собственника помещения МКД, тогда как при выполнении обязательств по этим договорам и предоставлении соответствующих услуг общество использует общее имущество, принадлежащее всем собственникам помещений в доме.

В этой связи условия договоров о том, что абонент предоставляет оператору на безвозмездной основе право на размещение оборудования на конструкциях и элементах здания и в помещениях, являющихся общим имуществом, не могут являться основанием для пользования ответчиком таким имуществом, так как, в силу ст. 307 и 308 ГК РФ, договор

регулирует отношения исключительно этого абонента и оператора связи, при этом абонент, являющийся собственником помещения, не может единолично в отсутствие решения общего собрания решать вопросы, связанные с предоставлением другим лицам права пользования общим имуществом МКД.

Исходя из изложенных выше норм, размещение технического оборудования с использованием общего имущества МКД (то есть использование такого общего имущества) может осуществляться на основании решения общего собрания собственников помещений и, если общим собранием не установлено иное, с предоставлением пользователем соразмерной компенсации за такое использование.

Определение № 304-ЭС17-10944

38. Поскольку трехсторонним соглашением между заказчиком, генеральным подрядчиком и субподрядчиком было установлено право субподрядчика требовать оплаты выполненных работ от заказчика, однако не исключено аналогичное право в отношении генерального подрядчика, заказчик и генеральный подрядчик отвечают перед субподрядчиком за оплату выполненных работ солидарно.

Заказчиком и генеральным подрядчиком заключен договор подряда (далее – договор генерального подряда), в соответствии с условиями которого оплата выполненных работ могла быть произведена по поручению генерального подрядчика заказчиком не напрямую своему контрагенту по договору, а третьим лицам (субподрядчикам, поставщикам).

Впоследствии в один день были заключены договор субподряда генеральным подрядчиком и субподрядчиком (далее – договор субподряда), а также трехстороннее соглашение между заказчиком, генеральным подрядчиком и субподрядчиком (далее – трехстороннее соглашение).

Договор субподряда содержал условие, согласно которому исполнение обязательства генерального подрядчика по оплате работ субподрядчику может быть исполнено третьим лицом.

Трехстороннее соглашение содержало условия, согласно которым оплата работ осуществляется заказчиком напрямую в адрес субподрядчика, заказчик обязан уплатить субподрядчику неустойку в случае просрочки исполнения обязательства. Кроме того, трехстороннее соглашение предусматривало приоритет согласованных в нем условий по сравнению с условиями, содержащимися в договоре субподряда.

Ссылаясь на положения трехстороннего соглашения, субподрядчик обратился в арбитражный суд с иском к заказчику и генеральному подрядчику о солидарном взыскании оплаты выполненных работ.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично в отношении заказчика, в иске к генеральному подрядчику отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено, иск удовлетворен частично в отношении генерального подрядчика, в удовлетворении иска к заказчику отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 2 ст. 391 и п. 1 ст. 310 ГК РФ следует, что воля кредитора, направленная на отказ от требования и замену должника должна быть выражена прямо и недвусмысленно. Между тем в материалах дела отсутствуют доказательства того, что субподрядчик выражал согласие на отказ от требования об оплате работ к генподрядчику. Указанное свидетельствует о том, что генподрядчик остается обязанным лицом по отношению к субподрядчику.

Как видно, положения ст. 313 ГК РФ (за исключением п. 6 по неденежному обязательству) не предусматривают наличие требования кредитора к третьему лицу. Права и обязанности сохраняются между кредитором и должником, но не третьим лицом.

В настоящем деле условия трехстороннего соглашения предусматривают ответственность заказчика перед субподрядчиком за просрочку в исполнении обязательства по оплате работ. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что заказчик обязан оплатить работы субподрядчику, а у субподрядчика имеется соответствующее право требования.

Опровергая данный вывод суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции и суд округа сослались на положения договоров генподряда и подряда, указав на то, что в них есть условия о переадресации исполнения и об исполнении обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ).

Между тем, по общему правилу, предусмотренному п. 3 ст. 308 ГК РФ, обязательство не создает прав и обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

Следовательно, в силу указанной нормы права субподрядчику в качестве возражения не может быть противопоставлена ссылка на договор, в котором он не участвовал (договор генподряда). Равным образом, заказчик не может ссылаться на положения договора, стороной которого он не является (договор субподряда).

Положения трехстороннего соглашения прямо устанавливают приоритет его условий над условиями названных договоров.

В данном случае субподрядчик обладает правом требования оплаты выполненных работ, как с заказчика, так и с генподрядчика.

В силу п. 1 ст. 322 ГК РФ солидарность обязательств может быть установлена по воле сторон (договором). При этом положения названной нормы не требуют прямого указания в договоре на то, что обязательства являются солидарными, солидарность обязательств двух лиц может вытекать и из иных обстоятельств дела.

Пункт 2 ст. 322 ГК РФ содержит презумпцию толкования соответствующих соглашений между предпринимателями, в соответствии с которым, если условиями обязательства не предусмотрено иное, обязанности нескольких должников по обязательству, связанному с предпринимательской деятельностью, равно как и требования нескольких кредиторов в таком обязательстве, являются солидарными.

Пунктом 1 ст. 323 ГК РФ предусмотрено, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга.

Таким образом, применительно к рассматриваемой фабуле спора, с учетом приведенных выше норм права, условий договоров и трехстороннего соглашения, при отсутствии прямого указания на освобождение генподрядчика от оплаты работ субподрядчика, а также наличия в соглашении положения об ответственности заказчика за просрочку в оплате работ, субподрядчик вправе требовать солидарного взыскания задолженности за выполненные по договору подряда работы с заказчика и генподрядчика.

Определение № 307-ЭС17-19861

39. Если результат выполненных подрядчиком работ находится у заказчика, у него отсутствуют какие-либо замечания по объему и качеству работ и их результат может им использоваться, нарушение подрядчиком установленного контрактом срока выполнения работ не может являться основанием для освобождения заказчика от оплаты работ.

Учреждение (заказчик) и общество (исполнитель) заключили государственный контракт на выполнение проектных работ для установки светофорных объектов. Контрактом предусмотрено, что работы выполняются в соответствии с календарным планом, представленным в техническом задании, в течение 100 календарных дней с момента подписания контракта. Контракт вступает в силу со дня его подписания сторонами и действует до 31 декабря 2014 г. Согласно контракту обязательства сторон, не исполненные до даты истечения срока действия контракта прекращаются (за исключением предусмотренных контрактом гарантийных обязательств и обязательств заказчика по оплате товаров (работ, услуг), поставленных (выполненных, оказанных) в течение срока действия контракта).

Общество, ссылаясь на то, что выполнило работы по контракту и передало их результат учреждению, которое оплату работ не произвело, обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании оплаты.

Учреждение обратилось со встречным иском о взыскании неустойки за просрочку выполнения работ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении первоначального иска отказано, встречный иск удовлетворен частично. Суды исходили из следующего: в соответствии с контрактом истечение срока действия контракта влечет за собой прекращение обязательств сторон по нему; общество передало учреждению акт сдачи-приемки работ только 10 сентября 2015 г., то есть после истечения срока действия контракта; поскольку доказательств выполнения работ и передачи их результата учреждению до истечения срока действия контракта обществом не представлено, выполненные им работы оплате не подлежат.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в части первоначального иска по следующим основаниям.

Пункт 1 ст. 702 ГК РФ предусматривает, что по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчик) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

В силу п. 1 ст. 763 ГК РФ подрядные строительные работы (ст. 740), проектные и изыскательские работы (ст. 758), предназначенные для удовлетворения государственных или муниципальных нужд, осуществляются на основе государственного или муниципального контракта на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд. По государственному или муниципальному контракту на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд подрядчик обязуется выполнить строительные, проектные и другие связанные со строительством и ремонтом объектов производственного и непроизводственного характера работы и передать их государственному или муниципальному заказчику, а государственный или муниципальный заказчик обязуется принять выполненные работы и оплатить их или обеспечить их оплату (п. 2 ст. 763 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 708 ГК РФ в договоре подряда указываются начальный и конечный сроки выполнения работы. Если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не предусмотрено договором, подрядчик несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работы.

Согласно п. 3 ст. 425 ГК РФ законом или договором может быть предусмотрено, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по договору.

Учреждение после истечения срока действия контракта не уведомило общество об отсутствии оснований для выполнения работ. Напротив, после окончания срока действия контракта заказчик направил исполнителю претензию, в которой уведомил последнего о невыполнении работ по контракту в установленный срок, предупредив, что в случае непредставления результата работ в кратчайший срок с момента получения претензии будет вынужден в одностороннем порядке расторгнуть контракт, а также потребовал уплатить неустойку. Из встречного иска и пояснений представителей учреждения, данных в судебном заседании, следует, что указанная неустойка начислена за период с 26 декабря 2014 г. по 2 июля 2015 г. Вместе с тем в случае, если контракт прекратил свое действие 31 декабря 2014 г., у учреждения не имелось оснований для начисления неустойки после указанной даты (п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»).

Такие действия заказчика не могут свидетельствовать о том, что он считал исполнение обязательств по контракту прекращенным. Указанные обстоятельства не исследованы и не оценены судами первой и апелляционной инстанций.

Общество приводило доводы о том, что результат выполненных работ учреждением не возвращен. Эти обстоятельства оставлены судами без внимания и оценки.

Также судам следовало учесть положения п. 4 ст. 753 ГК РФ и разъяснения, содержащиеся в п. 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», согласно которым односторонний акт сдачи или приемки результата работ может быть признан судом недействительным лишь в случае, если мотивы отказа от подписания акта признаны им обоснованными. Заказчик вправе отказаться от приемки результата работ в случае обнаружения недостатков, которые исключают возможность его использования для указанной в договоре цели и не могут быть устранены подрядчиком или заказчиком. Судами не исследовался и не оценивался односторонний акт сдачи-приемки выполненных работ, не выяснялся вопрос о наличии у заказчика каких-либо замечаний по качеству и объему работ, указанных в акте, а также о том, использует ли заказчик результат работ и имеет ли он потребительскую ценность.

В то же время, в случае если результат выполненных обществом работ находится у учреждения, у него отсутствуют какие-либо замечания по объему и качеству работ и их результат может им использоваться, нарушение обществом установленного контрактом срока выполнения

работ не может являться основанием для освобождения заказчика от оплаты работ.

Определение № 305-ЭС18-1392

40. Лицо, выдавшее сертификат соответствия товара в нарушение требований действующих нормативных правовых актов, обязано возместить убытки лицу, приобретшему данный товар, но не обладающему в отсутствии надлежащего сертификата возможностью использовать товар по назначению.

Предприниматель является собственником транспортного средства, приобретенного в результате уплаты выкупной стоимости по договору лизинга у лизинговой компании.

Впоследствии уполномоченный орган сообщил предпринимателю о прекращении регистрации транспортного средства по причине прекращения действия сертификата соответствия на это транспортное средство. Сертификат соответствия был выдан обществом.

Ссылаясь на данные обстоятельства, предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании убытков.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что общество не являлось стороной договора лизинга, не приобретало предмет лизинга для лизинговой компании и не заключало договор об осуществлении действий по сертификации в интересах предпринимателя. Суды пришли к выводу об отсутствии оснований для привлечения общества к ответственности за убытки предпринимателя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Положения законодательства о лизинге (ст. 22 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)») возлагают на лизингополучателя, выбравшего предмет лизинга и продавца, риск невыполнения продавцом обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга. Как следствие, лизингополучатель с соответствующими требованиями, вытекающими из ненадлежащего исполнения продавцом обязательств по договору купли-продажи предмета лизинга, обращается к продавцу – в данном случае компании, ликвидированной к моменту получения предпринимателем уведомления о прекращении действия сертификата. Таким образом, право предъявления иска продавцу, вытекающее из договора поставки товара, который не соответствует

заявленным продавцом характеристикам, предпринимателем утрачено в силу объективных причин.

Объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о лизинге механизмов восстановления нарушенного права покупателя не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за компенсацией имущественных потерь последнего в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права покупателя и возникновению у него убытков.

Из положений Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон о техническом регулировании) в редакции, действовавшей на момент проведения ответчиком сертификации, следует, что целями подтверждения соответствия являются, в частности, удостоверение соответствия продукции, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, работ, услуг или иных объектов техническим регламентам, стандартам, сводам правил, условиям договоров; содействие приобретателям, в том числе потребителям, в компетентном выборе продукции, работ, услуг (ст. 18). Сертификат соответствия имеет равную юридическую силу и действует на всей территории Российской Федерации в отношении каждой единицы продукции, выпускаемой в обращение на территории Российской Федерации во время действия сертификата соответствия, в течение срока годности или срока службы продукции, установленного согласно законодательству Российской Федерации (п. 3 ст. 23). К организациям по сертификации предъявляются требования, касающиеся порядка их аккредитации, осуществления деятельности и достоверности принимаемых решений; аккредитованная испытательная лаборатория (центр) обязана обеспечить достоверность результатов исследований (испытаний) и измерений (ст. 26, 31). Законом предусматривается ответственность органа по сертификации и его должностного лица, нарушивших правила выполнения работ по сертификации, если такое нарушение повлекло за собой выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям технических регламентов (ст. 41).

С учетом приведенных норм приобретатели товаров, работ, услуг вправе рассчитывать на компетентность органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров), выполняющих работы по подтверждению соответствия, признавать результаты их деятельности и доверять выданным ими документам без дополнительной проверки. Предприниматель приобрел транспортное средство, безопасность конструкции и экологический класс которого подтверждены сертификатом, выданным ответчиком именно на это транспортное

средство. При этом товар передан предпринимателю лицом, непосредственно обращавшимся за получением сертификата. В свою очередь, для общества было очевидно, что транспортное средство ввозится на территорию Российской Федерации с целью реализации; следствием ненадлежащей сертификации в силу специфических свойств товара и требований к допуску в обращение (регистрации в государственных органах) станет невозможность его использования владельцем по назначению. По сути, товар, формально находящийся в собственности приобретателя, утратил для него те потребительские свойства, на которые он рассчитывал при приобретении товара, и не может быть использован при осуществлении предпринимательской деятельности.

Проверкой, проведенной уполномоченным органом в отношении общества, выявлены нарушения существующих требований законодательства о техническом регулировании, которые заключались в проведении работ по сертификации с использованием документов, содержащих сведения, не позволяющие сделать обоснованный вывод о соответствии продукции существующим на момент проверки требованиям законодательства. Также установлено, что общество не в полной мере осуществляло контроль за анализом документов, используемых при идентификации продукции, что выразилось в указании в сертификатах соответствия сведений, отличающихся от данных, содержащихся в документах, представленных заявителем (ошибки в номерах документов завода-изготовителя, в том числе ошибки в обозначениях номеров двигателей, моделей и т.д.). Орган по сертификации проводил соответствующие работы по схемам сертификации, не предусмотренным техническим регламентом, который действовал на момент проведения проверки. Общество выдало сертификат с нарушением требований законодательства, которые не могут быть устранены.

Надлежащее исполнение обществом обязанностей, вытекающих из Закона о техническом регулировании, явилось бы препятствием для ввоза и последующей реализации на территории Российской Федерации транспортных средств, не отвечающих требованиям законодательства Российской Федерации к их качеству и безопасности, а следовательно, исключило бы возможность нарушения прав потенциальных покупателей, в данном случае предпринимателя. В результате небрежность ответчика при исполнении регламентированных законом обязанностей находится в причинной связи с возникшими у истца убытками.

Определение № 306-ЭС17-18368

Практика применения законодательства о защите конкуренции

41. Некоммерческая организация, занимающая доминирующее положение, может быть признана нарушающей ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите

конкуренции», если ее действия приводят к негативным последствиям для конкуренции в целом и (или) причинению ущерба потребителям, извлечению выгоды из использования доминирующего положения в отношениях с ними.

Согласно решению антимонопольного органа некоммерческая организация, на основании ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), признана злоупотребившей доминирующим положением на рынке при формировании справочников средней стоимости запасных частей, материалов и нормо-часа работ, используемых для целей определения страхового возмещения по обязательному страхованию гражданской ответственности транспортных средств.

Антимонопольный орган пришел к выводу, что некоммерческая организация имела возможность оказывать влияние на определение размера расходов на восстановительный ремонт транспортных средств, устанавливая в справочниках значения средней стоимости запасных частей, материалов и нормо-часа работ ниже фактически действующей на розничном рынке услуг по ремонту транспортных средств, что свидетельствует об антиконкурентном поведении организации и нарушении в связи с этим прав неопределенного круга потребителей. Некоммерческой организации выдано предписание о необходимости формирования справочников средней стоимости запасных частей, материалов и нормо-часа работ в строгом соответствии с Положением о единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденным Банком России 19 сентября 2014 г. № 432-П (далее – Единая методика).

Некоммерческая организация обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными указанных решения и предписания антимонопольного органа.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа решение суда первой инстанции отменено, заявленное требование удовлетворено. Суды отметили, что доминирующее положение на соответствующем рынке не может возникнуть вне связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Однако заявитель является некоммерческой организацией – профессиональным объединением страховщиков, наделенным полномочиями по формированию справочников на безвозмездной основе. Поскольку формирование справочников не выполняется организацией в рамках оказания платных услуг и не направлено на извлечение прибыли и иной экономической выгоды, некоммерческая организация не оказывает

страховые услуги, страхователи и выгодоприобретатели не являются потребителями его услуг, следовательно, в рассматриваемом случае отсутствуют товар и товарный рынок в понимании, предусмотренном Законом о защите конкуренции. Суды заключили, что допущенное, по мнению антимонопольного органа, нарушение порядка формирования указанных справочников не может привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 25 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» некоммерческая организация в качестве профессионального объединения страховщиков, основанного на принципе обязательного членства, выполняет функцию представления и защиты интересов, связанных с осуществлением членами некоммерческой организации обязательного страхования.

Следовательно, в той мере, в которой некоммерческая организация выступает коллективным представителем (объединением) продавцов финансовых услуг на рынке ОСАГО – страховщиков, связана с ними экономически, в том числе посредством формирования имущества некоммерческой организации за счет членских взносов, и имеет возможность влиять на размер страхового возмещения, выплачиваемого потребителям, организация может рассматриваться в качестве хозяйствующего субъекта, вовлеченного в функционирование рынка страхования по ОСАГО и обладающего интересом в извлечении дохода из своего участия на указанном рынке.

Принимая во внимание, что некоммерческая организация является единым общероссийским профессиональным объединением страховщиков, и наличие у данной организации нормативно закрепленной возможности единолично определять условия выплаты страхового возмещения потребителям в связи с реализацией полномочий по формированию справочников, следует также прийти к выводу о доминирующем положении организации на рынке услуг ОСАГО в качестве коллективного представителя интересов страховщиков.

Само по себе то обстоятельство, что Банк России официально наделил некоммерческую организацию полномочиями по формированию справочников, не исключает применение ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции к организации, имеющей возможность в силу этих полномочий и своего статуса воздействовать на общие условия оказания услуг потребителям на рынке ОСАГО.

Судом первой инстанции установлено, что ценовая информация, необходимая для определения размера расходов на восстановительный ремонт, была скорректирована в сторону уменьшения за счет применения к стоимости материалов возможных скидок, предоставляемых сервисным ремонтным предприятиям (оптовым покупателям). Однако п. 7.2.3 Единой методики предусмотрено применение скидок к розничным ценам, по которым услуги по ремонту оказываются потребителям и оплачиваются гражданами.

Суд первой инстанции счел доказанным и то обстоятельство, что цены отдельных запасных частей и нормо-часа, указанные в справочниках, оказались существенно ниже цен, сложившихся на рынке. Это обстоятельство в совокупности с изложенным выше ведет к экономически необоснованному занижению страховых выплат потребителям (страхователям).

Вопреки ч. 2 ст. 10 Закона о защите конкуренции, со стороны некоммерческой организации данные обстоятельства не опровергнуты и не представлены доказательства, которые бы свидетельствовали о том, что действия некоммерческой организации при формировании справочников носили экономически обоснованный характер.

Принимая во внимание изложенное, следует признать правильным вывод суда первой инстанции, что некоммерческая организация оказала влияние на достоверность определения размера расходов на восстановительный ремонт транспортных средств, действуя к выгоде страховщиков, чьим коллективным представителем (объединением) некоммерческая организация является в силу закона и своих учредительных документов, и в ущерб потребителям финансовой услуги – владельцам транспортных средств (страхователям).

Таким образом, действия некоммерческой организации правомерно квалифицированы антимонопольным органом в качестве антиконкурентного и недобросовестного поведения, затрагивающего права и законные интересы неопределенного круга потребителей.

Определение № 306-КГ17-17947

***Практика применения законодательства о налогах и сборах
и обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды***

42. Повторная выездная налоговая проверка не может быть инициирована налоговым органом без учета оценки разумности срока, прошедшего с момента подачи уточненной налоговой декларации.

Налоговым органом принято решение 29 июня 2015 г. о назначении выездной налоговой проверки общества за период с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2010 г. Основанием для вынесения указанного решения

послужил факт представления обществом в 2013 г. уточненных налоговых деклараций по налогу на прибыль за 2010 г.

Полагая свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что основанием для назначения повторной выездной налоговой проверки послужило представление обществом уточненной налоговой декларации, что соответствует положениям абзаца четвертого п. 10 ст. 89 НК РФ, предусматривающим право налогового органа в случае представления налогоплательщиком уточненной налоговой декларации проводить повторную выездную проверку налогового периода, за который представлена уточненная налоговая декларация.

Суды указали, что проверяемый в ходе повторной выездной налоговой проверки период может превышать три календарных года, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении соответствующей налоговой проверки. При этом НК РФ не ограничено право налогоплательщиков на представление уточненных налоговых деклараций за период, выходящий за пределы трехлетнего срока. Следовательно, возможность проведения налоговой проверки за пределами указанного срока, согласно абзацу шестому п. 10 ст. 89 НК РФ, соответствует принципам и целям налогового регулирования и не нарушает баланс частных и публичных интересов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Налогоплательщик не ограничен каким-либо сроком в праве подачи уточненной налоговой декларации, и, согласно абзацу третьему п. 4 ст. 89 НК РФ, в случае ее представления в рамках соответствующей выездной налоговой проверки проверяется период, за который представлена уточненная налоговая декларация (в части внесенных уточнений). Данное правило исключает применение трехлетнего ограничения на глубину проведения выездной проверки, установленного в силу абзаца второго п. 4 ст. 89 НК РФ.

Между тем это не означает, что в случае подачи налогоплательщиком уточненной налоговой декларации повторная выездная проверка может быть инициирована налоговым органом в любое время – без учета разумности срока, прошедшего с момента подачи уточненной налоговой декларации.

При оценке разумности срока назначения повторной выездной проверки должны учитываться все обстоятельства, имеющие отношение к обеспечению баланса частных и публичных интересов, в том числе: существование у налогового органа при должной организации контрольной работы возможности по своевременному выявлению обстоятельств хозяйственной деятельности налогоплательщика, указывающих на необоснованность изменений в исчислении налога, заявленных в уточненной декларации; способность налогоплательщика в случае проведения повторной выездной проверки обеспечить защиту своих прав по прошествии установленного п. 1 ст. 23 НК РФ четырехлетнего срока хранения документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов; наличие или отсутствие в действиях налогоплательщика признаков противодействия налоговому контролю (представление налоговому органу недостоверных и (или) неполных документов и т.п.).

Бремя доказывания обстоятельств, позволяющих сделать вывод о разумности срока назначения повторной выездной проверки, при этом, в силу ч. 1 ст. 65, ч. 5 ст. 200 АПК РФ, лежит на налоговом органе.

Повторная выездная налоговая проверка назначена спустя 1 год 10 месяцев после представления в налоговый орган налоговой декларации, что само по себе является значительным сроком. При этом доводы налогового органа, обосновывающие обстоятельства, связанные с назначением повторной выездной налоговой проверки, суды оставили без соответствующей правовой оценки.

Следовательно, в отсутствие оценки разумности срока назначения повторной выездной проверки, в данной ситуации вывод судов о том, что решение инспекции о назначении проверки не нарушает права и законные интересы общества, не может быть признан правомерным.

Определение № 305-КГ17-19973

43. Плата за жилищно-коммунальные услуги, взимаемая товариществом собственников жилья с собственников помещений, не является налогооблагаемым доходом ТСЖ при условии оказания жилищно-коммунальных услуг сторонними организациями.

В отношении товарищества собственников жилья (далее – ТСЖ) проведена проверка налоговой декларации по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), за отчетный период. По результатам проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении ТСЖ к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым доначислен минимальный налог по УСН, а также соответствующие пени и санкции. Основанием для доначисления явилось невключение в налоговую базу денежных средств, поступивших от собственников помещений в оплату за жилищно-коммунальные услуги и на содержание многоквартирного жилого дома.

Полагая свои права нарушенными, ТСЖ обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды пришли к выводу, что платежи за жилищно-коммунальные услуги, содержание, обслуживание и ремонт жилого фонда, поступившие в ТСЖ от собственников помещений в многоквартирных домах, должны учитываться в целях налогообложения дохода. Исходя из норм жилищного законодательства, ТСЖ в данном случае выступает в качестве самостоятельного субъекта правоотношений с собственниками помещений в многоквартирных домах, организациями, оказывающими жилищно-эксплуатационные услуги, и подрядчиками; его правовое положение в части предоставления коммунальных услуг собственникам помещений соответствует правовому положению исполнителя таких услуг.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 5 ст. 155 ЖК РФ члены ТСЖ либо жилищного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива вносят обязательные платежи и (или) взносы, связанные с оплатой расходов на содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, а также с оплатой коммунальных услуг, в порядке, установленном органами управления товарищества собственников жилья либо органами управления жилищного кооператива или органами управления иного специализированного потребительского кооператива, в том числе уплачивают взносы на капитальный ремонт в соответствии со ст. 171 указанного кодекса.

В п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 октября 2007 г. № 57 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами дел, касающихся взимания налога на добавленную стоимость по операциям, связанным с предоставлением жилых помещений в пользование, а также с их обеспечением коммунальными услугами и с содержанием, эксплуатацией и ремонтом общего имущества многоквартирных домов» разъяснен особый статус ТСЖ: ТСЖ не является хозяйствующим субъектом с самостоятельными экономическими интересами, отличными от интересов членов ТСЖ. Таким образом, ТСЖ, заключая договоры на оказание коммунальных услуг, эксплуатацию, содержание и ремонт жилых помещений и общего имущества в многоквартирных домах, а также

трудовые договоры со специалистами, выступает в имущественном обороте не в своих интересах, а в интересах членов ТСЖ.

В силу п. 1 ст. 41 НК РФ доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с гл. «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» настоящего кодекса.

Как следует из материалов дела, все платежи за жилищно-коммунальные услуги, содержание, обслуживание и ремонт жилого фонда, поступившие от собственников помещений, ровно в той же сумме были перечислены поставщикам коммунальных ресурсов.

При таких условиях, если фактическая деятельность ТСЖ соответствует его предназначению, установленному жилищным законодательством и, в частности, ТСЖ не получает какую-либо выгоду в связи с передачей от собственников помещений оплаты за вышеперечисленные коммунальные работы (услуги) их поставщикам, то, в отсутствие иных на то указаний в налоговом законодательстве, не имеется оснований полагать, что денежные средства, поступившие от собственников жилых помещений на оплату данных работ (услуг), являются доходом в смысле, придаваемом этому понятию п. 1 ст. 41 НК РФ.

Соответственно, поступления от собственников помещений, квалифицированные налоговым органом при проверке как доходы, подлежащие обложению УСН в соответствии с п. 1 ст. 346¹⁴ НК РФ, в действительности доходами не являлись. Таким образом, суд первой инстанции обоснованно квалифицировал дополнительные доначисления как незаконные.

Определение № 305-КГ17-22109

44. Изменения законодательства, увеличивающие срок представления сведений о застрахованных лицах в пенсионный фонд, имеют обратную силу как улучшающие положение страхователя, поэтому решение о привлечении страхователя к ответственности за несвоевременное представление таких сведений, вынесенное до вступления в силу соответствующих изменений, не подлежит исполнению.

Выявив несвоевременное представление обществом сведений о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за сентябрь 2016 г., предусмотренных п. 2.2 ст. 11 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (далее – Закон № 27-ФЗ), пенсионный фонд вынес решение о привлечении общества

к ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 17 названного Закона, в виде штрафа.

Общество оспорило указанное решение пенсионного фонда в арбитражном суде, указывая на несоразмерность примененного к обществу штрафа. В дальнейшем, в дополнение к заявлению, ссылаясь на изменения законодательства, согласно которым представление обществом в пенсионный фонд спорной отчетности 12 октября 2016 г. исключает с 1 января 2017 г. ответственность страхователя, общество просило отменить оспариваемое решение пенсионного фонда.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, решение пенсионного фонда признано незаконным в части примененных к обществу штрафных санкций, в удовлетворении остальной части требований обществу отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации решение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа изменила путем дополнения резолютивной части решения суда первой инстанции положением, что решение пенсионного фонда должно быть признано не подлежащим исполнению по следующим основаниям.

В соответствии с общим принципом, закрепленным ст. 54 Конституции Российской Федерации, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

Таким образом, закон, смягчающий или отменяющий ответственность либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило правонарушение до вступления такого закона в силу.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 34 «О некоторых вопросах, связанных с вступлением в силу Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам установления тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» разъяснено, что устранение ответственности за публично-правовое правонарушение имеет место и в случае отмены обязанности, за невыполнение которой такая ответственность была установлена, в связи с чем судам необходимо исходить из того, что после 31 декабря 2011 г. решение о привлечении к ответственности за непредставление в Пенсионный фонд Российской Федерации упомянутыми лицами соответствующих сведений (документов)

за предыдущие годы не может быть вынесено, равно как и взыскание ранее наложенных штрафов не может быть произведено в неисполненной части.

Внесенные в п. 2.2 ст. 11 Закона № 27-ФЗ изменения, увеличивающие срок представления спорной отчетности с 10-го до 15-го числа месяца, следующего за отчетным, улучшают положение страхователя, поскольку в рассматриваемом случае представление обществом в пенсионный фонд спорной отчетности 12 октября 2016 г., то есть до 15-го числа месяца, следующего за отчетным, исключает с 1 января 2017 г. ответственность страхователя за представление указанной отчетности в пенсионный фонд позднее 10-го числа месяца, следующего за отчетным.

Таким образом, изменение правового регулирования установленных сроков исполнения страхователями обязанности по представлению спорных сведений в пенсионный фонд имеет обратную силу, как улучшающее положение лица, привлекаемого к ответственности.

Согласно п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 37 «О некоторых вопросах, возникающих при устранении ответственности за совершение публично-правового правонарушения» в случае непринятия привлекающим к ответственности органом необходимых мер вопрос о неприменении ответственности может быть решен в арбитражном суде по заявлению лица, в отношении которого вынесено решение (постановление) о привлечении к ответственности. Судам необходимо исходить из того, что, если в названных целях данным лицом предъявлено требование о признании решения (постановления) о привлечении к ответственности недействительным, факт устранения такой ответственности после принятия оспариваемого решения (постановления) является основанием не для признания его недействительным, а для указания в резолютивной части судебного акта на то, что оспариваемое решение не подлежит исполнению.

Учитывая изложенное, а также то, что оспариваемое решение пенсионного фонда не исполнено и указанное обстоятельство не оспаривалось пенсионным фондом ни в ходе рассмотрения дела в судах трех инстанций, ни в отзыве на поданную в Верховный Суд Российской Федерации кассационную жалобу общества, оспариваемое решение пенсионного фонда должно быть признано не подлежащим исполнению.

Определение № 306-КГ17-22270

Практика применения таможенного законодательства

45. Обращение в суд с имущественным требованием о возврате излишне взысканных таможенных платежей не предполагает соблюдение процедуры, установленной ст. 147 Федерального закона

от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

Общество заявило к таможенному оформлению товар, определив таможенную стоимость по стоимости сделки с ввозимыми товарами.

По результатам таможенного контроля таможенным органом приняты решения о корректировке таможенной стоимости, в результате которой увеличилась сумма начисленных таможенных платежей.

Полагая свои права нарушенными в результате необоснованной корректировки таможенной стоимости, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о взыскании с таможенного органа излишне внесенных таможенных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу об отсутствии оснований для возврата таможенных платежей, поскольку обществом не была соблюдена административная процедура возврата, а именно, не были совершены действия по изменению соответствующих сведений в декларации на товары после их выпуска. В подтверждение необходимости совершения указанных действий в качестве условия возврата таможенных платежей суды сослались на разъяснения, содержащиеся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее – постановление Пленума № 18).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Международной конвенцией об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершена в Киото 18 мая 1973 г., в редакции Протокола от 26 июня 1999 г., далее – Киотская конвенция), участником которой с 4 июля 2011 г. является Российская Федерация, установлено, что возврат пошлин и налогов производится в случае их излишнего взыскания в результате ошибки, допущенной при начислении пошлин и налогов. При этом в тех случаях, когда излишнее взыскание произошло вследствие ошибки, допущенной таможенной службой, возврат производится в приоритетном порядке. Указанные правила формируют международный стандарт, то есть являются положениями, выполнение которых признается необходимым для достижения гармонизации и упрощения таможенных процедур и практики (п. 1(а) Киотской конвенции и пп. 4.18, 4.22 Генерального приложения к Киотской конвенции).

Согласно ст. 89 Таможенного кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) (в настоящее время – ст. 66 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза) таможенные платежи признаются

уплаченными (взысканными) излишне, если их размер превышает суммы, подлежащие уплате в соответствии с ТК РФ и (или) законодательством государств – членов Таможенного союза.

Анализ названных положений позволяет сделать вывод, что при излишнем взыскании таможенных платежей их поступление в бюджет связано с ошибочными действиями (решениями) таможенного органа и является изначально неосновательным. Следовательно, плательщик вправе защищать в судебном порядке свое право на имущество, в том числе посредством истребования излишне взысканных таможенных платежей.

Вопреки выводам судов, в случае незаконного взыскания таможенных платежей на плательщика не возлагается обязанность по предварительному обращению в таможенный орган с заявлением об их возврате в порядке, установленном ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», поскольку урегулирование вопроса о возврате излишне взысканного налога в административном порядке в этом случае является правом, а не обязанностью плательщика.

Необходимость обращения в таможенный орган перед обращением в суд возникает в тех случаях, когда после выпуска товаров заинтересованное лицо получает возможность доказать иной размер заявленной до выпуска (скорректированной по результатам таможенного контроля) таможенной стоимости в связи со вновь полученными документами, влияющими на достоверность определения таможенной стоимости (п. 13 постановления Пленума № 18). В этих случаях перечисление таможенных платежей в бюджет в излишнем размере является результатом ошибки декларанта, а соответствующие платежи рассматриваются в качестве излишне уплаченных, а не взысканных. Права декларанта (плательщика) в такой ситуации считаются нарушенными не самим фактом внесения таможенных платежей в бюджет в излишнем размере, а лишь при необоснованном отказе таможенного органа в возврате излишне уплаченных сумм по заявлению плательщика.

Однако по настоящему делу общество основывает свои требования не на новых доказательствах, подтверждающих достоверность первоначального определения им таможенной стоимости товаров, а на отсутствии у таможенного органа законных причин для корректировки таможенной стоимости. Следовательно, правовая позиция, выраженная в п. 29 постановления Пленума № 18, к данному спору применению не подлежала.

Определение № 303-КГ17-20407

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

46. Реализация продукции без сопроводительной документации, подлежащая обязательному подтверждению соответствия требованиям технических регламентов, влечет применение административной ответственности, предусмотренной ст. 14.45 КоАП РФ.

В ходе проверки деятельности индивидуального предпринимателя по вопросу исполнения законодательства в сфере производства и оборота товаров легкой промышленности прокурором выявлен факт реализации предпринимателем продукции легкой промышленности (женская одежда), подлежащей обязательному подтверждению соответствия, без товаросопроводительной документации и документов, подтверждающих соответствие товаров.

Прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной ст. 14.45 КоАП РФ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, производство по делу прекращено. Суд первой инстанции пришел к выводу, что в отсутствие товаросопроводительных документов невозможно установить факт наличия либо отсутствия в них сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии, в связи с чем совершенное предпринимателем нарушение не может быть квалифицировано по ст. 14.45 КоАП РФ.

Поскольку предприниматель осуществлял реализацию спорной продукции без сопроводительных документов, суд первой инстанции квалифицировал указанное деяние как нарушение установленных правил продажи отдельных видов товаров, ответственность за которое установлена ст. 14.15 КоАП РФ.

Учитывая, что, в силу положений ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 14.15 КоАП РФ, не подлежит рассмотрению в арбитражном суде на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, суд первой инстанции прекратил производство по настоящему делу и возвратил прокурору постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и прилагаемые к нему документы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Ответственность за реализацию продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, без указания в сопроводительной документации сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии предусмотрена ст. 14.45 КоАП РФ.

Реализация продукции, которая подлежит обязательному подтверждению соответствия требованиям технических регламентов, без сопроводительной документации также подлежит квалификации по ст. 14.45 КоАП РФ, поскольку отсутствие у предпринимателя сопроводительной документации свидетельствует и об отсутствии сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии. Противоположный подход предоставлял бы необоснованные преимущества лицам, не имеющим вообще сопроводительной документации, по сравнению с лицами, которые такую документацию представили, но без указания в ней сведений о сертификате соответствия или декларации соответствия, что нарушает принципы равенства всех перед законом и неотвратимости наказания.

Указанная правовая позиция соответствует п. 21 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 декабря 2017 г.

Таким образом, у судов отсутствовали основания для квалификации совершенного предпринимателем деяния по ст. 14.15 КоАП РФ и, как следствие, для прекращения производства по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Определение № 304-АД17-21955

47. Административное наказание в виде административного штрафа, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, не подлежит замене на предупреждение.

В административный орган поступила жалоба от ТСЖ на действия мусоровывозящей организации по вопросу обоснованности увеличения тарифа на вывоз твердых коммунальных отходов на 15%. Административный орган направил запросы информации мусоровывозящим компаниям, в том числе был направлен соответствующий запрос в адрес общества. Общество направило в административный орган ответ, содержащий заведомо недостоверные сведения.

Постановлением административного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, с назначением наказания в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, оспариваемое постановление изменено: наказание в виде штрафа заменено на предупреждение. При этом суды руководствовались положениями

Закона о защите конкуренции, КоАП РФ, учитывая п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» и п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, поскольку установила, что суды неправильно применили ч. 2 ст. 14.1.1 КоАП РФ, в соответствии с которой административное наказание в виде административного штрафа не подлежит замене на предупреждение в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.31-14.33, 19.3, 19.5, 19.5.1, 19.6, 19.8-19.8.2, 19.23, чч. 2 и 3 ст. 19.27, ст. 19.28, 19.29, 19.30, 19.33 данного кодекса, в том числе ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ. Следовательно, у судов отсутствовали основания для замены наказания в виде штрафа на предупреждение.

Определение № 308-АД17-20315

48. Период просрочки представления подтверждающих документов (форм учета, отчетности, информации) по валютным операциям, за нарушение которого установлена административная ответственность по ч. 6.3 ст. 15.25 КоАП РФ, исчисляется в рабочих днях.

Постановлением административного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 6.3 ст. 15.25 КоАП РФ, с назначением наказания в виде штрафа в связи с тем, что общество, в нарушение пп. 9.2 и 9.2.2 Инструкции Банка России от 4 июня 2012 г. № 138-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением» (далее – Инструкция № 138-И), при установленном сроке 25 мая 2016 г. представления в уполномоченный банк подтверждающих документов и справки о подтверждающих документах фактически исполнило данную обязанность 27 июня 2016 г., то есть, по мнению административного органа, с просрочкой в 33 календарных дня.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением арбитражного суда, принятым в порядке упрощенного производства в виде резолютивной части, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, обществу в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и частично удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В настоящее время, с 1 марта 2018 г., Инструкция № 138-И утратила силу в связи с принятием Инструкции Банка России от 16 августа 2017 г. № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (далее – Инструкция № 181-И).

Согласно ч. 6.2 ст. 15.25 КоАП РФ нарушение установленных сроков представления форм учета и отчетности по валютным операциям, подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций или сроков представления отчетов о движении средств по счетам (вкладам) в банках за пределами территории Российской Федерации и (или) подтверждающих банковских документов более чем на десять, но не более чем на тридцать дней влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трех тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей.

В соответствии с ч. 6.3 ст. 15.25 КоАП РФ нарушение установленных сроков представления форм учета и отчетности по валютным операциям, подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций или сроков представления отчетов о движении средств по счетам (вкладам) в банках за пределами территории Российской Федерации и (или) подтверждающих банковских документов более чем на тридцать дней влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч пятисот рублей до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Исчисляя период просрочки в календарных днях, суд апелляционной инстанции руководствовался ст. 4.8 КоАП РФ.

Как следует из чч. 1, 3 ст. 4.8 КоАП РФ, сроки, предусмотренные КоАП РФ, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами, годами. Течение срока, определенного периодом, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока. Срок, исчисляемый днями, истекает в последний день установленного срока. Если окончание срока, исчисляемого днями, приходится на нерабочий день, последним днем срока считается

первый следующий за ним рабочий день. Положения данной статьи не применяются, если другими статьями КоАП РФ установлен иной порядок исчисления сроков, а также при исчислении сроков административных наказаний.

Соответственно, если иное не установлено КоАП РФ, сроки, предусмотренные данным кодексом и исчисляемые днями, включают как рабочие, так и нерабочие дни, то есть исчисляются в календарных днях.

Однако, поскольку размер штрафа, урегулированного чч. 6.1-6.3 ст. 15.25 КоАП РФ, возрастает в зависимости от времени просрочки, исчисляемого в днях, такой период просрочки должен включать дни, в которые обязанность по представлению подтверждающих документов (форм учета, отчетности, информации) по валютным операциям является исполнимой, то есть рабочие дни (как и в приведенных положениях Инструкции № 138-И и Инструкции № 181-И). При ином подходе размер штрафа будет зависеть от обстоятельств (в том числе от календарного расположения и количества выходных и нерабочих праздничных дней), которые лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может контролировать.

Таким образом, поскольку при установленном сроке 25 мая 2016 г. представления в уполномоченный банк подтверждающих документов и справки о подтверждающих документах общество фактически исполнило данную обязанность 27 июня 2016 г., то просрочка составила 22 рабочих дня. Соответственно, в деянии общества имело место правонарушение, ответственность за которое предусмотрена не ч. 6.3 ст. 15.25 КоАП РФ, а ч. 6.2 ст. 15.25 КоАП РФ.

Как следует из ч. 2 ст. 211, п. 3 ч. 4 АПК РФ, одним из полномочий арбитражного суда по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности является признание незаконным и отмена оспариваемого решения полностью или в части либо изменение решения.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что если при рассмотрении дела об административном правонарушении будет установлено, что протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, то судья вправе переквалифицировать действия (бездействие) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, предусматривающую состав правонарушения, имеющий единый родовой объект посягательства, в том числе и в случае, если рассмотрение данного дела отнесено к компетенции должностных лиц или несудебных органов, при условии, что назначаемое наказание не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по

делу. В таком же порядке может быть решен вопрос о переквалификации действий (бездействия) лица при пересмотре постановления или решения по делу об административном правонарушении.

Таким образом, поскольку в оспариваемом постановлении административным органом применен минимальный штраф, установленный ч. 6.3 ст. 15.25 КоАП РФ, оно подлежит признанию незаконным в части штрафа, превышающего минимально установленный ч. 6.2 ст. 15.25 КоАП РФ.

Определение № 305-АД17-18495

Процессуальные вопросы

49. Действующими нормами АПК РФ не предусмотрена возможность суда апелляционной инстанции отказать в удовлетворении апелляционной жалобы по тому основанию, что заявитель не воспользовался правом на подачу заявления о составлении мотивированного решения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к пенсионному фонду о признании недействительным решения о привлечении общества к ответственности за совершение правонарушения в сфере законодательства Российской Федерации об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования.

Суд первой инстанции, рассмотрев в порядке упрощенного производства заявление общества, принял решение путем подписания его резолютивной части об удовлетворении заявления.

Правом на подачу заявления о составлении мотивированного решения по делу в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 229 АПК РФ, пенсионный фонд не воспользовался.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Основанием для оставления решения суда первой инстанции без изменения послужили выводы суда, что пенсионный фонд не воспользовался правом на подачу заявления о составлении мотивированного решения и несет риск наступления неблагоприятных последствий, связанных с несовершением определенных действий.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с положениями чч. 1 и 2 ст. 229 АПК РФ решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела путем подписания судьей резолютивной части

решения и приобщается к делу. По заявлению лица, участвующего в деле, по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, арбитражный суд составляет мотивированное решение.

Согласно ч. 4 ст. 229 АПК РФ решение арбитражного суда первой инстанции по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня его принятия, а в случае составления мотивированного решения арбитражного суда – со дня принятия решения в полном объеме.

В соответствии с ч. 1 ст. 268 и положениями ст. 272¹ АПК РФ при рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд апелляционной инстанции по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам повторно рассматривает дело.

Таким образом, процессуальный закон обязывает суд апелляционной инстанции оценить представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, и отразить в судебном акте мотивы, по которым он пришел к своим выводам, принял или отклонил доводы лиц, участвующих в деле, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, исходя из принципов равноправия сторон и состязательности процесса (ст. 8, 9, 71, 168, 169, 185 АПК РФ).

В нарушение названных положений АПК РФ, признав соответствующей материалам дела резолютивную часть решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции не рассмотрел апелляционную жалобу пенсионного фонда по существу спора с учетом приведенных в апелляционной жалобе доводов и представленных в деле доказательств и не отразил в судебном акте мотивы, по которым он пришел к выводам о недействительности оспариваемого решения пенсионного фонда со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения исключительно на том основании, что пенсионный фонд не воспользовался правом на подачу заявления о составлении мотивированного решения и потому несет риск наступления неблагоприятных последствий, связанных с несовершением определенных действий.

Однако право на апелляционное обжалование судебного акта, вынесенного путем подписания его резолютивной части в соответствии с ч. 1 ст. 229 АПК РФ, и рассмотрение судом апелляционной жалобы не поставлены процессуальным законодательством в зависимость от наличия мотивированного решения суда первой инстанции.

Следовательно, судом апелляционной инстанции допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения

которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Определение № 306-КГ17-18043

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

50. Действия лица, задержанного непосредственно при сборе наркосодержащих растений или их частей, не содержат признаков незаконного хранения и подлежат квалификации как незаконное приобретение наркотических средств.

Установлено, что З. незаконно собрал части произрастающей конопли в целях личного употребления. Полимерный пакет с данным веществом он положил в рюкзак. Увидев сотрудников полиции, З. бросил рюкзак на землю. Впоследствии было установлено, что в рюкзаке находилось 232,40 г наркотического средства.

Действия З. квалифицированы судом первой инстанции по ч. 2 ст. 228 УК РФ как незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере и ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы.

Суд кассационной инстанции, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменил приговор и исключил из его осуждения незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере, поскольку из описания преступного деяния усматривается, что З., увидев сотрудников полиции, сразу же выбросил наркотическое средство.

Назначенное З. по ч. 2 ст. 228 УК РФ наказание в виде 3 лет лишения свободы на основании ч.1 ст. 73 УК РФ постановлено считать условным с испытательным сроком 2 года.

Определение № 92-УД17-11

Назначение наказания

51. Если установленное в санкции статьи дополнительное наказание в виде ограничения свободы является обязательным, то его неприменение судом допускается при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ, либо в силу ч. 6 ст. 53 УК РФ.

Суд первой инстанции при назначении наказания в виде лишения свободы не назначил осужденной по ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению, изменила приговор в части назначенного С. наказания по следующим основаниям.

Назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 2 ст. 105 УК РФ является обязательным, за исключением случаев применения судом положений ч. 6 ст. 53 или ст. 64 УК РФ.

К лицам, перечисленным в ч. 6 ст. 53 УК РФ, осужденная не относится, она является гражданкой Российской Федерации, постоянно проживающей по адресу в Белгородской области, по которому зарегистрирована 24 июня 2013 г.

Исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, суд первой инстанции у С. не установил. Не усмотрела таких обстоятельств и Судебная коллегия.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия изменила приговор в отношении С. и назначила ей по ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок 1 год с установлением ограничений.

Определение № 57-АПУ18-9

52. Совершение разбоя с использованием оружия является квалифицирующим признаком состава преступления и в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться при назначении наказания.

По приговору суда Б. осужден помимо прочего по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно Б. назначено 15 лет лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, изменила приговор ввиду неправильного применения судом уголовного закона.

Согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

По приговору суда Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, то есть в совершении разбоя, в том числе и с применением оружия, и суд

одновременно признал в качестве отягчающего наказание обстоятельства совершение им этого же преступления с использованием оружия.

При таких данных Судебная коллегия исключила указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства за преступление, предусмотренное п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, совершение его с использованием оружия и, применив ч. 1 ст. 62 УК РФ, смягчила Б. по указанной статье наказание до 8 лет 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно ему назначила 14 лет 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Определение № 30-АПУ18-2

Процессуальные вопросы

53. Несоблюдение при постановлении приговора требования ч. 3 ст. 348 УПК РФ, предписывающего квалифицировать содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом и установленными судом обстоятельствами, повлекло изменение приговора в части квалификации действий осужденных.

В соответствии с вердиктом присяжных заседателей С., В. и А. признаны виновными в том, что они объединились в группу для реализации без разрешения посредством интернет-магазина наркотических средств и психотропных веществ. Реализуя задуманное, 11 декабря 2016 г. С. и В., получив вещество в виде 10 таблеток, содержащих наркотическое средство – МДМА, массой 2,28 г, разместили его в квартире, арендованной С. для хранения, расфасовки и прессования наркотических средств и психотропных веществ. В этот же день В. поместил наркотическое средство – МДМА, массой 2,28 г в тайник-закладку, расположенную в лесопарковой зоне, и сообщил географические координаты местонахождения закладки с наркотическим средством С. и А., которые данную информацию получили.

Аналогичным образом осужденные совершили незаконные действия в отношении наркотического средства – МДМА, массой 2,33 г.

Указанные действия С., В. и А. квалифицированы судом по п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (за совершение двух преступлений).

В апелляционном представлении прокурор оспаривал приговор в части квалификации действий осужденных по п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (за совершение двух преступлений) ввиду неправильного применения уголовного закона. Автор представления полагал, что суд первой инстанции, решая вопрос о квалификации действий осужденных как оконченное преступление, не учел, что присяжные заседатели исключили

из числа доказанных факт размещения информации о заложенных наркотических средствах в интернет-магазине.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, С., А. и В. присяжными заседателями были признаны виновными в реализации наркотического средства МДМА массой 2,28 г и 2,33 г, изъятого из тайников-закладок в лесопарковой зоне.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей установлено, что после помещения наркотического средства в тайники-закладки В. сообщил географические координаты их расположения С. и А.

Однако присяжные заседатели исключили из числа доказанных факты размещения полученной информации в интернет – магазине.

Таким образом, до потенциальных покупателей не была доведена информация о заложенных наркотических средствах и не достигнута договоренность об их продаже.

Из содержания приговора следует, что, давая юридическую оценку содеянному, суд первой инстанции, исходя из установленных присяжными заседателями фактических обстоятельств, пришел к выводу о том, что действия осужденных в данной части подлежат квалификации по п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Между тем по смыслу действующего законодательства незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем.

С учетом положений ч. 3 ст. 348 УПК РФ, согласно которым председательствующий квалифицирует содеянное в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими исключительно юридической оценки, ввиду того, что в данном случае соучастники не выполнили все необходимые действия по передаче приобретателю наркотического средства МДМА в размере 2,28 г и 2,33 г, содеянное ими должно быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере организованной группой.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия осужденных по факту реализации наркотического средства МДМА массой 2,28 г с п. «а» ч. 4 ст. 228¹ на ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ и по факту реализации наркотического средства МДМА массой 2,33 г с п. «а» ч. 4 ст. 228¹ на ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Определение № 5-АП/18-16СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

54. Гражданин, подлежавший призыву на военную службу, не может быть признан лицом, не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в случае, если военным комиссариатом такому гражданину не направлялись повестки о явке на мероприятия, связанные с призывом на военную службу.

К. состоял на воинском учете в военном комиссариате.

Соответствующим решением призывной комиссии на основании подп. «б» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» ему предоставлена отсрочка от призыва на военную службу на время обучения в аспирантуре.

Впоследствии решением призывной комиссии К. зачислен в запас по достижении возраста 27 лет как не прошедший военную службу по призыву, не имея на то законных оснований.

Не согласившись с указанным решением, К. оспорил его в суде, ссылаясь на то, что от прохождения военной службы по призыву он не уклонялся.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено. При этом суд исходил из того, что административному истцу решением призывной комиссии была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, тогда как после прекращения действия этой отсрочки мероприятия, связанные с призывом на военную службу, в отношении К. военным комиссариатом не проводились.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав на отсутствие обстоятельств, свидетельствующих о невозможности прохождения К. военной службы по призыву. То обстоятельство, что военным комиссариатом в отношении К. не проводились мероприятия, связанные с призывом на военную службу, суд апелляционной инстанции счел не имеющим юридического значения для правильного разрешения административного дела.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1¹ статьи 28 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») при зачислении в запас граждан, подлежавших призыву на военную службу и

не прошедших ее до достижения ими возраста 27 лет (за исключением граждан, не прошедших военную службу по призыву по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2, п. 4 ст. 23, ст. 24 данного закона, либо в связи с отменой призывной комиссией субъекта Российской Федерации решения нижестоящей призывной комиссии), призывная комиссия выносит заключение о том, что гражданин не прошел военную службу по призыву, не имея на то законных оснований. Порядок и условия признания гражданина не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, определяются положением о призыве на военную службу.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663 утверждено Положение о призыве на военную службу граждан Российской Федерации (далее – Положение).

В данном Положении указано, что при зачислении в запас граждан, не прошедших до достижения ими возраста 27 лет военную службу по призыву (за исключением граждан, не прошедших военную службу по призыву по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2, подп. «в» п. 3, п. 4 ст. 23 и ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», либо в связи с отменой призывной комиссией субъекта Российской Федерации решения нижестоящей призывной комиссии), призывная комиссия на основании документов воинского учета, хранящихся в отделе (муниципальном) (личное дело призывника, учетно-алфавитная книга), а для граждан, не состоявших на воинском учете, на основании справок соответствующих отделов (муниципальных) выносит заключение о том, что гражданин не прошел военную службу по призыву, не имея на то законных оснований. Такое заключение выносится, если гражданин не проходил военную службу, не имея на то законных оснований, начиная с 1 января 2014 г., при этом состоял (обязан был состоять) на воинском учете и подлежал призыву на военную службу (п. 34 Положения в редакции, действовавшей в период возникновения спорных правоотношений).

Согласно п. 19 Положения призывник, у которого утрачены основания для освобождения от призыва на военную службу или истекли сроки предоставленной ему отсрочки от призыва на военную службу, подлежит призыву на военную службу на общих основаниях.

В силу п. 1 ст. 5 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» проведение мероприятий по медицинскому освидетельствованию и медицинскому осмотру при постановке на воинский учет, призыве на военную службу и проведение иных мероприятий, связанных с призывом на военную службу, осуществляется военными комиссариатами.

Вопросы организации призыва граждан на военную службу регламентированы ст. 26 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

В силу п. 1 названной статьи призыв на военную службу граждан, не пребывающих в запасе, включает: явку на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии; явку в указанные в повестке военного комиссариата время и место для отправки к месту прохождения военной службы и нахождение в военном комиссариате до начала военной службы. Призыв на военную службу указанных граждан организуют военные комиссариаты через свои структурные подразделения и осуществляют призывные комиссии, создаваемые в муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения решением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) по представлению военного комиссара.

На мероприятия, связанные с призывом на военную службу, граждане вызываются повестками военного комиссариата (п. 3 названной статьи).

Согласно ст. 31 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, не пребывающие в запасе, подлежащие призыву на военную службу, обязаны явиться в указанные в повестке военного комиссариата время и место на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или для отправки в воинскую часть для прохождения военной службы, а также находиться в военном комиссариате до начала военной службы (п. 1).

Граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны получать повестки военного комиссариата под расписку (п. 2).

В случае неявки без уважительных причин гражданина по повестке военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, указанный гражданин считается уклоняющимся от военной службы и привлекается к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 4).

Пунктом 34 Инструкции по подготовке и проведению мероприятий, связанных с призывом на военную службу граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 400, предусмотрено, что после создания призывной комиссии ее председатель совместно с военным комиссаром разрабатывает график работы этой комиссии, в соответствии с которым в военном комиссариате составляются именные списки призывников по дням их явки на заседание призывной комиссии. Вызову на призывную комиссию подлежат все призывники, кроме пользующихся отсрочкой от призыва на военную службу и не подлежащих призыву на военную службу.

Таким образом, на военный комиссариат (иной уполномоченный орган или должностное лицо) в силу приведенных выше нормативных положений возложена обязанность по надлежащему осуществлению

мероприятий, направленных на организацию призыва на военную службу, в том числе по своевременному личному вручению под расписку повесток гражданам, подлежащим призыву.

Действующее законодательство устанавливает обязанность граждан, подлежащих призыву на военную службу, являться только по повестке военного комиссариата в указанные в ней время и место, а также предусматривает ответственность за неявку по этой повестке.

При этом законом на гражданина, подлежащего призыву на военную службу, не возложена обязанность самостоятельно (без повестки) явиться в военный комиссариат на мероприятия, связанные с призывом на военную службу.

Поскольку судом первой инстанции было установлено, что после прекращения действия предоставленной отсрочки от призыва на военную службу мероприятия, связанные с призывом на военную службу, в отношении административного истца не проводились, у военного комиссариата отсутствовали правовые основания для принятия оспариваемого решения.

Определение № 4-КГ18-7

55. Граждане, получившие отсрочку от призыва на военную службу в связи с достижением ими восемнадцатилетнего возраста до окончания освоения образовательной программы среднего общего образования, не могут быть лишены возможности получить повторную отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по программам магистратуры.

Решением призывной комиссии военного комиссариата К. на основании абзаца второго подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предоставлена отсрочка от призыва на военную службу на время получения среднего (полного) общего образования, поскольку до окончания обучения в средней школе ему исполнилось 18 лет.

Решением этой же призывной комиссии на основании подп. «г» п. 2 ст. 24 названного федерального закона К. предоставлена отсрочка от призыва на военную службу как успешно прошедшему государственную итоговую аттестацию по программе среднего общего образования.

В связи с окончанием университета К. выдан диплом бакалавра.

На основании приказа ректора университета К. зачислен на 1 курс очной формы обучения по программам магистратуры, однако решением призывной комиссии призван на военную службу.

Не согласившись с указанным решением, К. оспорил его в суде, ссылаясь на нарушение принципа равенства прав граждан, получивших среднее общее образование в один и тот же период, на последующее

непрерывное получение высшего образования, в том числе, по программам магистратуры.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав, что в силу подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусмотренная названной нормой отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданину только один раз, предоставление К. двух отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением среднего общего образования исключает последующее предоставление отсрочки от призыва на военную службу в связи с обучением в высшем образовательном учреждении по программам магистратуры.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с указанными выводами суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно подп. «а» п. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе.

На военную службу не призываются граждане, которые в соответствии с названным Федеральным законом освобождены от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу, граждане, которым предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, а также граждане, не подлежащие призыву на военную службу (п. 2 указанной статьи).

В соответствии с абзацем вторым подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, обучающиеся по очной форме обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего общего образования, – в период освоения указанных образовательных программ, но не свыше сроков получения среднего общего образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами.

Абзацами седьмым и девятым указанного подпункта установлено, что право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях и научных организациях по имеющим государственную аккредитацию программам бакалавриата, если указанные обучающиеся не имеют диплома бакалавра, диплома специалиста или диплома магистра, – в

период освоения указанных образовательных программ, но не свыше установленных федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами сроков получения высшего образования по программам бакалавриата; программам магистратуры, если указанные обучающиеся не имеют диплома специалиста или диплома магистра и поступили на обучение по программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата, – в период освоения указанных образовательных программ, но не свыше установленных федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами сроков получения высшего образования по программам магистратуры.

Предусмотренная названным выше подпунктом отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданину только один раз, за исключением случая, если первая отсрочка от призыва на военную службу была предоставлена гражданину в соответствии с абзацем седьмым настоящего подпункта, гражданин повторно может воспользоваться правом на отсрочку от призыва на военную службу в соответствии с абзацем девятым настоящего подпункта (абзац тринадцатый подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Вместе с тем, обеспечение права каждого на образование является одной из важнейших функций социального государства.

Частью 2 ст. 43 Конституции Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Действующее законодательство допускает возможность обучения в общеобразовательной организации до окончания освоения образовательной программы среднего общего образования лиц, которые достигли восемнадцатилетнего возраста.

В силу положений абзаца второго подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, не могут быть призваны на военную службу до окончания обучения и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования. Право каждого на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении предполагает обязанность государства создавать не только необходимые социально-экономические условия, но и правовые гарантии свободного функционирования и развития системы образования, получения гражданами не только основного общего, но и высшего образования.

Статья 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», закрепляя право граждан воспользоваться отсрочкой от призыва на военную службу в случае обучения по очной форме в образовательных

организациях и научных организациях по имеющим государственную аккредитацию программам магистратуры (если они не имеют диплома специалиста или диплома магистра и поступили на обучение по программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата) – в период освоения указанных образовательных программ, тем самым предоставляет возможность завершить высшее образование, в том числе по программам магистратуры.

Принимая во внимание конституционный принцип равенства всех перед законом и право выпускников образовательных учреждений среднего общего образования на последующее непрерывное получение высшего образования, в том числе, по программам магистратуры, следует исходить из того, что гражданам, получившим отсрочку от призыва на военную службу в связи с достижением ими восемнадцатилетнего возраста до окончания освоения образовательной программы среднего общего образования не может быть отказано в предоставлении повторной отсрочки от призыва на военную службу в связи с обучением по программам магистратуры.

Таким образом, военные комиссариаты при осуществлении полномочий по организации призыва на военную службу не вправе принимать решения о призыве на военную службу в отношении лиц, реализующих свое право на образование в течение определенного законом периода.

Поскольку К. был признан подлежащим призыву на военную службу до окончания его обучения в высшем образовательном учреждении по программам магистратуры, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу об удовлетворении административного искового заявления.

Определение № 18-КГ18-116

56. Лицу, допущенному судом к участию в уголовном деле в качестве защитника, выступающего наряду с адвокатом, не может быть отказано в предоставлении свидания с осужденным, если такое свидание обусловлено необходимостью оказания юридической помощи.

П.О. обратилась к начальнику следственного изолятора с заявлением, в котором просила разрешить ей свидание с осужденным П.Э. в качестве его защитника.

На основании устного распоряжения начальника следственного изолятора ей было отказано в выдаче пропуска на свидание. При этом указано, что приговор в отношении П.Э. вступил в законную силу, в связи с чем у П.О. отсутствуют правовые основания для свиданий с осужденным в целях оказания ему юридической помощи.

Не согласившись с таким решением, П.О. оспорила его в суде.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. При этом указал, что право на оказание квалифицированной юридической помощи, включающее в себя право на свидание с осужденным, принадлежит лицам, имеющим высшее юридическое образование, а при его отсутствии лицам, оказывающим юридическую помощь. Право осужденных на получение квалифицированной юридической помощи не может быть реализовано при отсутствии у лиц, оказывающих такую помощь, надлежащей квалификации, поскольку не будет достигнута цель свиданий, предусмотренная ч. 4 ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). П.О. не имеет высшего юридического образования, а постановление суда о ее допуске в качестве защитника подсудимого наряду с адвокатом само по себе не порождает у нее безусловного права на предоставление свиданий в порядке указанной выше нормы.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать, защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности (ст. 2, 18, 21).

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения предполагает необходимость их адекватных гарантий, в том числе в отношении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. К числу таких гарантий относятся прежде всего право каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 46, 48 Конституции Российской Федерации), которые в силу ст. 56 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению.

В соответствии с ч. 2 ст. 10 УИК РФ при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 8 ст. 12 УИК РФ для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи.

Порядок предоставления свиданий осужденным к лишению свободы установлен ст. 89 УИК РФ, согласно ч. 4 которой для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов. По заявлению осужденного свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания.

Пункт 79 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295, содержит сходное правовое регулирование.

Аналогичное положение закреплено в ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (пп. 144, 145), утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы участия защитника в стадии кассационного производства, в своих решениях указывал, что Конституция Российской Федерации определяет начальный, но не конечный момент осуществления обвиняемым права на помощь адвоката (защитника), а потому данное право должно обеспечиваться ему на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в кассационной инстанции.

Сам по себе переход от одной процессуальной стадии к другой не может влечь ограничение права на защиту. Гарантии права на судебную защиту могут быть реализованы предоставлением осужденному возможности поручать осуществление своей защиты избранным им защитникам.

Таким образом, по смыслу ст. 49, 51, 52 и 72 УПК РФ лицо, допущенное судом к участию в уголовном деле в качестве защитника, сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности на всех стадиях производства по делу, в том числе до тех пор, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе.

Это означает, что статус защитника при дальнейшем производстве по делу не требует дополнительного подтверждения судом (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 871-О-О).

Более того, положения ч. 2 ст. 49, ч. 1 ст. 401² УПК РФ не предполагают возможности оставления без рассмотрения кассационных (надзорных) жалоб, поданных лицом, которое не является адвокатом, но было допущено судом первой инстанции к участию в деле в качестве защитника.

При рассмотрении уголовного дела в отношении П.Э. по его ходатайству суд допустил П.О. к участию в уголовном деле в качестве защитника, выступающего наряду с адвокатом, на основании ст. 49 УПК РФ.

До вступления приговора суда в законную силу П.О. неоднократно предоставлялись свидания с П.Э. в качестве его защитника.

П.Э. был осужден по приговору суда, до этапирования в исправительное учреждение содержался в следственном изоляторе.

П.О. обратилась к начальнику следственного изолятора за разрешением на свидание с осужденным, ссылаясь на необходимость составления кассационной жалобы на приговор суда.

Таким образом, учитывая, что процессуальный статус П.О. как защитника П.Э. был определен судом в рамках уголовного дела и не требовал дополнительного подтверждения, в том числе и после вступления приговора суда в законную силу, у начальника следственного изолятора отсутствовали правовые основания для принятия оспариваемого решения.

Определение № 41-КГ18-12

57. Правила землепользования и застройки муниципального образования должны соответствовать генеральному плану этого муниципального образования.

Прокурор обратился в суд с административным иском с заявлением о признании недействующими со дня принятия правил землепользования и застройки муниципального образования в части установления на карте градостроительного зонирования в границах ряда земельных участков территориальной зоны Ж2 (зона с малоэтажной застройкой сезонного проживания) и в границах ряда других земельных участков территориальной зоны Ж1.1 (жилая зона с малоэтажными жилыми домами постоянного проживания с ограниченным или развитым личным подсобным хозяйством).

В обоснование заявленных требований указал, что оспариваемое правовое регулирование осуществлено без учета положений генерального плана муниципального образования, согласно которому названные земельные участки расположены в функциональной зоне особо охраняемых природоохраненных территорий.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

Законодательство о градостроительной деятельности состоит из Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. По вопросам градостроительной деятельности принимаются муниципальные правовые акты, которые не должны противоречить Градостроительному кодексу Российской Федерации (ст. 3 ГрК РФ).

В соответствии с положениями ст. 2 ГрК РФ законодательство о градостроительной деятельности и изданные в соответствии с ним нормативные правовые акты основываются в том числе на принципах обеспечения комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории, сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности, осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований сохранения объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий.

Устойчивое развитие территорий заключается в обеспечении при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений (п. 3 ст. 1 ГрК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 9 ГрК РФ территориальное планирование направлено на определение в документах территориального планирования назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

В силу ч. 3 ст. 9 ГрК РФ документы территориального планирования являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений.

Таким образом, для гармоничного развития территорий задача органов местного самоуправления при разработке документов территориального планирования состоит в необходимости обеспечения справедливого баланса между общественными интересами и правами

частных лиц путем согласования этих прав и интересов, в том числе в сфере обеспечения благоприятных условий жизни.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 34 ГрК РФ предусмотрено, что при подготовке правил землепользования и застройки границы территориальных зон устанавливаются в том числе с учетом функциональных зон и параметров их планируемого развития, определенных генеральным планом сельского поселения.

Таким образом, согласно положениям ч. 3 ст. 9, чч. 9 и 10 ст. 31, п. 2 ч. 1 ст. 34 ГрК РФ должен быть соблюден принцип соответствия правил землепользования и застройки генеральному плану.

При этом результаты публичных слушаний не исключают необходимости соблюдения указанного принципа соответствия правил землепользования и застройки генеральному плану сельского поселения как основополагающему документу территориального планирования, производным от которого является требование о соответствии территориальных зон функциональным зонам, определенным генеральным планом.

Из системного толкования положений пп. 2, 5, 6, 7 и 8 ст. 1, ч. 15 ст. 35 ГрК РФ следует, что установление территориальных зон конкретизирует положения документов территориального планирования в целях определения правового режима использования земельных участков, не изменяя при этом назначение территории, отнесенной к функциональным зонам.

С учетом изложенного оспариваемое правовое регулирование нарушает требования градостроительного законодательства, поскольку осуществлено без учета положений генерального плана муниципального образования, согласно которому названные выше земельные участки расположены в функциональной зоне особо охраняемых природоохранных территорий.

Определение № 81-АПГ18-11

58. Не может считаться доходом физического лица, ранее являвшегося участником общества с ограниченной ответственностью, полученный этим лицом при выходе из состава общества вклад (взнос) (его часть), внесенный (приобретенный) им ранее, при условии, что бывшему участнику передается имущество (выплачиваются денежные средства) в пределах суммы, равной его взносу в уставный капитал или равной сумме затрат на приобретение доли в уставном капитале, поскольку в данном случае у названного лица отсутствует экономическая выгода (доход).

Ч. обратилась в суд с административным исковым заявлением об оспаривании решения налогового органа о доначислении налога на доходы

физических лиц, начислении пеней, привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения.

В обоснование заявленных требований указала, что получение имущества в порядке натуральной выплаты действительной стоимости доли в связи с выходом из состава участников общества с ограниченной ответственностью не является ее доходом, поскольку ей возвращена доля, денежная оценка которой не превышает сумму затрат на ее приобретение, при этом имущественное состояние Ч. как налогоплательщика не изменилось. Полагала, что оспариваемое решение налогового органа противоречит законодательству Российской Федерации о налогах и сборах и незаконно возлагает на нее обязанность по уплате налога, пеней и штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что применение налогового вычета возможно только при продаже доли в уставном капитале общества, тогда как при выходе участника из общества выплаченная ему действительная стоимость доли подлежит обложению налогом на доходы физических лиц на общих основаниях, то есть как доход физических лиц в размере полной действительной стоимости данной доли.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Права и обязанности участников общества с ограниченной ответственностью определяются Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Статья 26 этого закона закрепляет право участника общества выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества.

Согласно п. 6¹ ст. 23 названного закона в случае выхода участника общества из общества в соответствии со ст. 26 закона его доля переходит к обществу. Общество обязано выплатить участнику общества, подавшему заявление о выходе из общества, действительную стоимость его доли в уставном капитале общества, определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню подачи заявления о выходе из общества, или с согласия этого участника общества выдать ему в натуре имущество такой же стоимости либо в случае неполной оплаты им доли в уставном капитале общества действительную стоимость оплаченной части доли.

Налоговым кодексом Российской Федерации определено, что объектом налогообложения является реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога. Под имуществом в названном кодексе понимаются виды объектов гражданских прав (за исключением имущественных прав), относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (пп. 1 и 2 ст. 38).

Налогообложение физических лиц в Российской Федерации регулируется гл. 23 НК РФ, согласно положениям которой объектом налогообложения для физических лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, признается доход, полученный от источников в Российской Федерации и (или) от источников за ее пределами (п. 1 ст. 209).

Согласно ст. 210 НК РФ при определении налоговой базы учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах. Для доходов, в отношении которых предусмотрена налоговая ставка, установленная п. 1 ст. 224 названного кодекса (то есть в размере 13 процентов), налоговая база определяется как денежное выражение таких доходов, подлежащих налогообложению, уменьшенных на сумму налоговых вычетов, предусмотренных ст. 218–221 данного кодекса, с учетом особенностей, установленных его гл. 23 (п. 3).

Так, ст. 220 НК РФ установлено, что при определении размера налоговой базы в соответствии с п. 3 ст. 210 указанного кодекса налогоплательщик имеет право на получение имущественного налогового вычета в том числе при продаже имущества, а также доли (долей) в нем, доли (ее части) в уставном капитале организации или вместо получения имущественного налогового вычета налогоплательщик вправе уменьшить сумму своих облагаемых налогом доходов на сумму фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, связанных с приобретением этого имущества (подп. 1 п. 1 и подп. 2 п. 2).

Глава 23 НК РФ (в редакции, действовавшей в период возникновения спорных правоотношений) прямо не устанавливает порядок обложения налогом на доходы физических лиц сумм, получаемых физическими лицами – участниками общества при их выходе из состава участников общества.

Вместе с тем, федеральный законодатель установил общие правила исполнения обязанности по уплате налогов, предусмотрев в ст. 41 гл. 7 НК РФ, посвященной объектам налогообложения, общие принципы определения доходов, согласно которым доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в

случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с гл. 23 «Налог на доходы физических лиц» и гл. 25 «Налог на прибыль организаций» данного кодекса.

В силу положений ст. 3 НК РФ налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными, все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (пп. 3 и 7).

В этой связи к рассматриваемым правоотношениям подлежали применению положения ст. 41 НК РФ, в силу которых налогооблагаемой базой является экономическая выгода в виде разницы между стоимостью оплаченной доли в уставном капитале общества и действительной стоимостью доли, выплаченной налогоплательщику при его выходе из общества.

Таким образом, при выходе участника из состава общества ему возвращается вклад (взнос) (его часть), внесенный (приобретенный) им ранее. Если участнику передается имущество (выплачиваются денежные средства) в пределах суммы, равной взносу этого участника в уставный капитал или равной сумме затрат на приобретение доли в уставном капитале, экономическая выгода (доход) у участника отсутствует, поскольку данные средства не увеличивают имущественное состояние названного лица.

Исключение составляют случаи, когда участнику при выходе из состава общества выплачиваются денежные средства (передается имущество) в размере, превышающем размер его вклада в уставной капитал или размер средств, потраченных им на приобретение доли в уставном капитале. При таких обстоятельствах имеются правовые основания полагать, что у участника возникает доход (экономическая выгода), который подлежит налогообложению налогом на доходы физических лиц.

Таким образом, обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения данного административного дела, является соотношение стоимости переданного Ч. имущества (выплаченных денежных средств) и размера ее взноса в уставный капитал общества.

Изложенное не было принято во внимание судами первой и апелляционной инстанций.

Определение № 56-КГ18-22

59. Правовое регулирование, допускающее возможность предоставления гражданам в связи с признанием жилых помещений непригодными для проживания, дома – подлежащим сносу другого жилого помещения большей площади при отсутствии в муниципальном жилищном фонде на момент предоставления жилого

помещения, равного по площади ранее занимаемому жилому помещению, не противоречит требованиям жилищного законодательства.

К. обратилась в суд с административным иском о признании недействующим п. 3.4.1 положения «О порядке переселения граждан и обеспечении жилищных прав собственников жилых помещений и граждан – нанимателей жилых помещений муниципального жилищного фонда жилых домов в городе Тынде», утвержденного решением Тындинской городской Думы от 15 ноября 2011 г. № 365, согласно которому нанимателю и членам его семьи может быть предоставлено по договору социального найма жилое помещение большей площади взамен ранее занимаемого жилого помещения, если в муниципальном жилищном фонде, введенном в эксплуатацию по подпрограмме «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах области» программы «Обеспечение доступным и качественным жильем населения Амурской области на 2014–2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 446, на момент предоставления отсутствует жилое помещение, равное по площади ранее занимаемому жилому помещению. Размер такого превышения не должен составлять более 30 процентов.

В обоснование заявленных требований административный истец ссылаясь на противоречие оспариваемой нормы положениям ст. 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающей предоставление гражданам в связи с выселением по основаниям, которые предусмотрены ст. 86–88 названного кодекса, другого равнозначного благоустроенного жилого помещения по договору социального найма. Как утверждал административный истец, площадь предоставленной ей трехкомнатной квартиры, равная 73,7 кв.м, значительно превышает площадь ранее занимаемой ею трехкомнатной квартиры, равную 57,2 кв.м, что не отвечает принципу равнозначности и нарушает ее права законные интересы, поскольку она вынуждена производить оплату за жилое помещение и коммунальные услуги в повышенном размере.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (п. «к» ч. 1 ст. 72) жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Жилищное законодательство состоит из Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), принятых в соответствии с

данным кодексом других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 5 ЖК РФ).

Согласно ч. 7 этой же статьи ЖК РФ органы местного самоуправления могут принимать нормативные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие жилищные отношения, в пределах своих полномочий в соответствии с настоящим кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Как следует из оспариваемого положения «О порядке переселения граждан и обеспечении жилищных прав собственников жилых помещений и граждан-нанимателей жилых помещений муниципального жилищного фонда жилых домов в городе Тынде», оно разработано в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, Жилищным кодексом Российской Федерации, постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2009 г. № 365 «О федеральной целевой программе «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах Российской Федерации на 2009–2018 годы».

Указанное положение регламентирует порядок переселения граждан – нанимателей жилых помещений по договорам социального найма, граждан, пользующихся жилыми помещениями на условиях договора социального найма, и собственников жилых помещений, проживающих в жилых домах, не подлежащих реконструкции (сейсмоусилению) или сейсмоусилению которых признано экономически нецелесообразным, а также предоставления нанимателям жилых помещений по договорам социального найма, гражданам, пользующимся жилыми помещениями на условиях договора социального найма, и собственникам жилых помещений других жилых помещений взамен освобождаемых; порядок отселения граждан – нанимателей жилых помещений по договорам социального найма, граждан, пользующихся жилыми помещениями на условиях договора социального найма, и собственников жилых помещений, проживающих в домах, подлежащих реконструкции (сейсмоусилению) на время проведения работ по реконструкции (сейсмоусилению).

Пунктом 1.3 оспариваемого положения предусмотрено, что основанием для переселения граждан из жилых домов, сейсмоусилению которых экономически нецелесообразно, является решение о невозможности реконструкции (сейсмоусилению) или экономической

нецелесообразности сейсмоусиления и, как следствие, решение о сносе жилого дома, принятое правовым актом администрации города Тынды в порядке и сроки, установленные подпрограммой «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах области» программы Амурской области «Обеспечение доступным и качественным жильем населения Амурской области на 2014–2020 годы», утвержденной постановлением правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 446, и названным положением.

Судом установлено, что сейсмоусиление многоквартирного дома, в котором проживала К., в установленном порядке признано экономически нецелесообразным, данный дом признан подлежащим сносу.

В этой связи К. предоставлена по договору социального найма трехкомнатная квартира общей площадью 73,7 кв.м. в другом многоквартирном доме взамен ранее занимаемой ею по договору социального найма трехкомнатной квартиры площадью 57,2 кв.м.

Согласно ст. 86 ЖК РФ в случае, если дом, в котором находится жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, подлежит сносу, выселяемым из него гражданам органом государственной власти или органом местного самоуправления, принявшими решение о сносе такого дома, предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма.

В соответствии чч. 1 и 2 ст. 89 указанного кодекса Российской Федерации предоставляемое гражданам в связи с выселением по основаниям, которые предусмотрены ст. 86–88 названного кодекса, другое жилое помещение по договору социального найма должно быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населенного пункта, равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в границах данного населенного пункта. Если наниматель и проживающие совместно с ним члены его семьи до выселения занимали квартиру или не менее чем две комнаты, наниматель соответственно имеет право на получение квартиры или на получение жилого помещения, состоящего из того же числа комнат, в коммунальной квартире.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что при выселении граждан из жилых помещений по основаниям, перечисленным в ст. 86–88 ЖК РФ, другое благоустроенное жилое помещение по договору социального найма, равнозначное по общей площади ранее занимаемому, предоставляется гражданам не в связи с улучшением жилищных условий, а потому иные обстоятельства (названные, например, в ч. 5 ст. 57, ст. 58 ЖК РФ), учитываемые при предоставлении жилых помещений гражданам, состоящим на учете в

качестве нуждающихся в жилых помещениях, во внимание не принимаются. При этом граждане, которым в связи с выселением предоставлено другое равнозначное жилое помещение, сохраняют право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, если для них не отпали основания состоять на таком учете (ст. 55 ЖК РФ).

Из содержания приведенных законоположений следует, что предоставление гражданам в связи с признанием жилых помещений непригодными для проживания, дома – подлежащим сносу другого жилого помещения носит компенсационный характер и гарантирует им условия проживания, которые не должны быть ухудшены по сравнению с прежними условиями, с одновременным улучшением жилищных условий с точки зрения безопасности.

В соответствии ч. 2 ст. 1 ЖК РФ граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. Граждане свободны в установлении и реализации своих жилищных прав в силу договора и (или) иных предусмотренных жилищным законодательством оснований.

В силу ст. 10 этого же кодекса жилищные права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных данным кодексом, другими федеральными законами и иными правовыми актами, а также из действий участников жилищных отношений, которые хотя и не предусмотрены такими актами, но в силу общих начал и смысла жилищного законодательства порождают жилищные права и обязанности.

Оспариваемое административным истцом правовое регулирование предусматривает лишь возможность, но не безусловную обязательность предоставления нанимателю и членам его семьи жилого помещения большей площади. Пункт 3.4.1 оспариваемого положения предполагает наличие согласия граждан на переселение в жилое помещение большей площади, равно как и возможность отказа от такого варианта переселения.

Согласие гражданина на предоставление при переселении из подлежащего сносу многоквартирного дома другого благоустроенного жилого помещения большей площади нормам жилищного законодательства, в том числе, положениям ст. 1 ЖК РФ, не противоречит.

Кроме того, применительно к положениям ст. 89 ЖК РФ критерий равнозначности не исключает возможности предоставления гражданам в порядке переселения жилого помещения большей площади взамен ранее занимаемого жилого помещения при отсутствии в муниципальном жилищном фонде на момент предоставления жилого помещения, равного по площади ранее занимаемому жилому помещению.

Определение № 59-АПГ18-6

60. При условии осведомленности усыновленного лица о факте своего усыновления такому лицу не может быть отказано в предоставлении сведений о его происхождении, поскольку указанные

сведения необходимы в том числе для раскрытия генетической истории семьи, а также выявления (диагностики) наследственных заболеваний.

Л. обратилась в суд с административным исковым заявлением об оспаривании отказа уполномоченного органа в предоставлении копий актовой записи о своем рождении и первоначального свидетельства о рождении, выданного на имя П.С.

В обоснование административного искового заявления указано, что при рождении биологическая мать Л. дала ей имя П.С., отделом записи актов гражданского состояния внесена запись о ее рождении, оформлено свидетельство о рождении на имя П.С. В данном свидетельстве указаны фамилия, имя и отчество ее биологической матери, сведения об отце отсутствовали.

Впоследствии биологическая мать Л. отказалась от родительских прав и дала согласие на удочерение.

Решением исполнительного комитета районного совета народных депутатов Ш.А. и Ш.В. разрешено удочерить несовершеннолетнюю П.С.; удочеренной присвоены фамилия Ш., имя О., отчество А.

Отделом записи актов гражданского состояния внесена запись о рождении административного истца, выдано новое свидетельство о рождении, которое содержало сведения о рождении Ш.О.А., родителями ребенка указаны: отец – Ш.А., мать – Ш.В.

Впоследствии административный истец заключила брак с Л.А., в связи с чем ее фамилия была изменена на Л.

Усыновители административного истца Ш.А. и Ш.В. обратились в отдел записи актов гражданского состояния с заявлением о согласии на раскрытие тайны усыновления, просили указанный орган предоставить Л. сведения о фамилии, имени, отчестве и дате рождения ее биологической матери.

Л. также обратилась в отдел записи актов гражданского состояния с просьбой выдать копию актовой записи о ее рождении и первоначальное свидетельство о рождении на имя П.С.

Уполномоченный орган отказал в удовлетворении указанных заявлений усыновителей и административного истца, ссылаясь на недопустимость раскрытия тайны усыновления.

Не согласившись с таким решением, Л. оспорила его в суде, ссылаясь на нарушение права получать информацию о своем происхождении, создание препятствий для установления генетической истории ее семьи, выявления биологических связей, диагностики наследственных заболеваний и получения правдивой информации о ее биологической матери.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что запрашиваемые сведения относятся к информации, доступ к которой ограничен федеральным законом, согласие усыновителей административного истца на раскрытие тайны усыновления не может являться основанием для предоставления персональных данных о биологических родителях Л.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 139 СК РФ тайна усыновления ребенка охраняется законом. Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка.

Лица, указанные в п. 1 названной статьи, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке (п. 2 ст. 139 СК РФ).

Охрана законом тайны усыновления предусмотрена и п. 1 ст. 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». В силу п. 2 указанной статьи работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых видно, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (родителем) усыновленного ребенка.

Из приведенных норм следует, что разглашение тайны усыновления под угрозой привлечения к ответственности в установленном законом порядке не допускается против воли усыновителей.

Положения ст. 139 СК РФ и ст. 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» являлись предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации на соответствие нормам Конституции Российской Федерации, по результатам которой вынесено постановление от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 139 СК РФ и ст. 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной».

Проверяя конституционность указанных норм, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что данные нормы не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу эти положения не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти

усыновленного и усыновителей сведений об их усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащейся в указанном постановлении, законодатель исходя из того, что раскрытие тайны усыновления может причинить моральные (нравственные) страдания ребенку, сказаться на его психическом состоянии, воспрепятствовать созданию нормальной семейной обстановки и затруднить процесс воспитания ребенка, связывает возможность раскрытия сведений об усыновлении ребенка исключительно с волей его усыновителей.

Судом установлено, что усыновители Л. добровольно дали письменное согласие на раскрытие административному истцу и всем иным третьим лицам тайны усыновления.

До обращения в суд с административным иском заявлением Л. уже была информирована о том, что Ш.А. и Ш.В. не являются ее биологическими родителями, а также о том, что при рождении она имела другие фамилию, имя и отчество.

Частью 1 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусмотрено, что граждане (физические лица) и организации вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных названным федеральным законом и другими федеральными законами.

В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. закреплено право ребенка знать, насколько это возможно, своих родителей (п. 1 ст. 7), а его право на семейные связи признается наряду с гражданством и именем в качестве элемента на сохранение своей индивидуальности (п. 1 ст. 8).

В соответствии со ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Европейский Суд по правам человека в правоприменительной практике по делам, связанным с вопросами раскрытия информации об усыновлении (доступа к такого рода информации), исходит из того, что в национальном законодательстве по вопросам о сохранении в секрете официальной информации о происхождении ребенка, о личности матери при рождении ребенка и степени конфиденциальности соответствующих документов могут встречаться различные подходы. При этом, отмечая, что

право знать своих предков в любом случае является важнейшим аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия «частная жизнь», указывает, что признаваемое ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на уважение частной и семейной жизни не является абсолютным. Национальное законодательство должно стремиться к установлению равновесия между конкурирующими правами и интересами заинтересованных лиц по такого рода делам (постановления от 21 декабря 2010 г. по делу «Анайю (Anayo) против Германии», от 7 июля 1989 г. по делу «Гаскин (Gaskin) против Соединенного Королевства», от 13 февраля 2003 г. по делу «Одьевр (Odievre) против Франции», от 25 сентября 2012 г. по делу «Годелли (Godelli) против Италии).

В соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П, из Конституции Российской Федерации не вытекает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы и позволяющую реализовать право знать свое происхождение (в данном случае – происхождение своих родителей), не подлежит осуществлению. Напротив, его ограничения, предусматриваемые федеральным законом в конституционно значимых целях, не должны приводить к исключению самой возможности осуществления данного права.

В ситуациях усыновления сведения о происхождении, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

Таким образом, учитывая, что целью подачи административного искового заявления являлось получение Л. сведений о ее биологической матери в связи с необходимостью установления наличия или отсутствия у нее генетически обусловленных заболеваний, установления генетической истории семьи и выявления биологических связей, получения возможности диагностировать наследственные заболевания, Судебная коллегия по

административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о незаконности обжалуемых судебных актов.

Определение № 48-КГ18-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

61. Военнослужащий, распорядившийся полученным ранее от государства жильем, обеспечивается жилым помещением в общем порядке согласно нормам Жилищного кодекса Российской Федерации.

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 3 августа 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 3 октября 2017 г., удовлетворено административное исковое заявление К., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии Управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – жилищная комиссия) от 22 июня 2017 г. об отказе в признании ее нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, и принятии ее на учет нуждающихся в жилых помещениях, а также действия начальника Управления ФСБ России по Приморскому краю, утвердившего решение жилищной комиссии.

Суд признал незаконным утвержденное начальником Управления ФСБ России по Приморскому краю названное решение жилищной комиссии от 22 июня 2017 г. и возложил на жилищную комиссию обязанность по повторному рассмотрению вопроса о принятии административного истца на жилищный учет.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих обжалуемые судебные акты отменила, приняла по делу новое решение, которым в удовлетворении административного искового заявления К. отказала, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что 31 июля 1980 г. К. была зарегистрирована и вселена в качестве члена семьи в квартиру общей площадью жилого помещения 31,8 кв. м, полученную ее отцом и находившуюся в ведении Совета народных депутатов города Владивостока.

В соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР, действовавшего до 1 марта 2005 г., к государственному жилищному фонду относились жилые помещения, находившиеся в ведении местных Советов народных

депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд).

Следовательно, квартира, в которой административный истец проживала с июля 1980 г. в качестве члена семьи нанимателя жилого помещения, относилась к государственному жилищному фонду.

Из материалов дела также следует, что после выезда отца из указанной квартиры К. в марте 2005 г. обратилась в администрацию города Владивостока с заявлением о подтверждении лицевого счета.

Решением комиссии по жилищным вопросам при администрации города Владивостока от 22 марта 2005 г. № 9 заявление К. удовлетворено, указано, что она является квартиросъемщиком, то есть нанимателем жилого помещения, а ее сын – членом семьи нанимателя. Другие лица на тот момент в квартире не проживали.

28 июля 2005 г. администрация города Владивостока передала указанную квартиру на основании договора в собственность сына К.

27 мая 2005 г. К. дала письменное согласие на приватизацию квартиры, указав в заявлении, что оставляет за собой право проживать в ней.

После продажи сыном административного истца квартиры последняя обратилась в жилищную комиссию с заявлением о признании ее нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, однако получила отказ.

В обоснование отказа жилищная комиссия указала, что К., давая согласие на приватизацию квартиры, полученной за счет государства, распорядилась жилым помещением по своему усмотрению, в связи с чем она не имеет права требовать повторного обеспечения жильем в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Признавая отказ незаконным и удовлетворяя заявление, суды исходили из того, что обеспечение К. жилым помещением, полученным ее родителями от государства до ее рождения, как и ее отказ от приватизации этого жилого помещения, не могут рассматриваться в качестве оснований для отказа в предоставлении жилья в порядке, установленном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», а пятилетний срок с момента умышленного ухудшения ею в мае 2005 г. жилищных условий истек.

Такой вывод судов основан на неправильном истолковании закона.

Право военнослужащих на жилище установлено п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которому государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в порядке и на условиях, установленных данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно абзацу тринадцатому п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Согласно решению Думы города Владивостока от 29 сентября 2005 г. № 94 в г. Владивостоке установлена учетная норма для постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в размере 13 кв.м общей площади на одного человека.

Из изложенного следует, что К. поставила вопрос о предоставлении ей жилого помещения в порядке, установленном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», то есть за счет государства, при обеспеченности жильем по установленным нормам из государственного жилищного фонда и без его сдачи, в связи с чем распределение административному истцу жилого помещения без учета доли жилого помещения, ранее полученного за счет государства, приведет к сверхнормативному обеспечению жильем.

При таких данных жилищная комиссия пришла к правильному выводу об отсутствии оснований для принятия административного истца на жилищный учет.

Получение квартиры отцом К. до ее рождения, а также отказ последней от приватизации этого жилого помещения не влияет на правильность вывода жилищной комиссии, поскольку административный истец была вселена в квартиру в качестве члена семьи нанимателя жилого помещения, а после выселения из квартиры отца она на основании решения жилищного органа сама стала нанимателем жилого помещения, что указывает на обеспеченность ее жильем за счет государства.

Что касается истечения пятилетнего срока с момента умышленного ухудшения административным истцом жилищных условий, то, вопреки выводам судов, это обстоятельство не является основанием для ее повторного обеспечения жилым помещением за счет федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, поскольку в этом случае обеспечение военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам ЖК РФ с учетом ранее полученного от государства жилого помещения, что следует из разъяснений, содержащихся в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

Таким образом, решение жилищной комиссии от 22 июня 2017 г. об отказе в признании К. нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, и в принятии ее на учет нуждающихся в жилом помещении является законным, а выводы судов об обратном основаны на неправильном применении норм материального права.

Определение № 211-КГ18-3

По гражданским делам

62. Предоставление военнослужащему – участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения денежных средств по договору целевого жилищного займа для приобретения жилья по месту военной службы должно учитываться при реализации им права на получение денежной компенсации за наем жилого помещения.

Решением Выборгского гарнизонного военного суда от 10 марта 2017 г. удовлетворено исковое заявление Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Управление) о взыскании с К. необоснованно полученных денежных средств в размере 238 500 руб. в качестве ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 4 сентября 2014 г. по 31 декабря 2015 г.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 29 июня 2017 г. решение суда первой инстанции изменено. Суд взыскал с К. в счет необоснованно полученной денежной компенсации за наем жилого помещения 107 500 руб., указав в обоснование, что получение К. денежных средств в рамках участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих не влекло снятие его с жилищного учета и прекращение выплаты ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения, поскольку Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительно-ипотечной системе) регулирует лишь отношения по обеспечению военнослужащих денежными средствами в рамках участия в накопительно-ипотечной системе, а право на денежную компенсацию подлежит реализации до момента отпадения (утраты) оснований, установленных жилищным законодательством, то есть в данном случае до передачи ответчику в собственность квартиры (акт приема-передачи).

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судом апелляционной инстанции

при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что К., подлежащий на весь период военной службы обеспечению служебным жилым помещением, в 2008 году был включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в 2009 году признан нуждающимся в получении служебного жилья.

19 января 2010 г. и 13 января 2011 г. К. обратился к начальнику Управления с рапортами о выплате денежной компенсации в размере 15 000 руб. за наем жилого помещения, в которых указал, что обязуется сообщить о прекращении действия права на получение денежной компенсации.

В соответствии с договорами найма жилого помещения в 2014 и 2015 годах К. осуществлял наем жилого помещения в г. Санкт-Петербурге, а общая сумма выплат денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 4 сентября 2014 г. по 31 декабря 2015 г. составила 238 500 руб. (с 4 по 30 сентября 2014 г. – 13 500 руб., за остальные полные месяцы – по 15 000 руб.).

3 сентября 2014 г. К. были перечислены денежные средства в размере 1 320 000 руб. во исполнение обязательств по договору целевого жилищного займа от 19 августа 2014 г. в рамках его участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих. Данные денежные средства списаны со счета К. по договору участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома от 10 сентября 2014 г.

26 мая 2015 г. по акту приема-передачи К. принята квартира в близлежащем от места военной службы населенном пункте, а 27 января 2016 г. зарегистрировано право собственности на нее.

С 1 января 2016 г. выплата К. ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения прекращена.

Право военнослужащих на жилище установлено Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих), согласно п. 1 ст. 15 которого государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно п. 15 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту (далее – военнослужащие) и в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе являющимися участниками накопительно-ипотечной

системы жилищного обеспечения военнослужащих, выделяются денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений в порядке и на условиях, которые установлены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством: формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений; предоставления целевого жилищного займа; выплаты по решению федерального органа исполнительной власти и федерального государственного органа, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета, выделяемых соответствующим федеральному органу исполнительной власти и федеральному государственному органу, в размере и в порядке, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации, денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы в календарном исчислении могла бы составить двадцать лет (без учета дохода от инвестирования).

Кроме того, в силу п. 2 ч. 1 ст. 14 Закона о накопительно-ипотечной системе каждый участник накопительно-ипотечной системы не менее чем через три года его участия в накопительно-ипотечной системе имеет право на заключение с уполномоченным федеральным органом договора целевого жилищного займа в целях уплаты первоначального взноса при приобретении с использованием ипотечного кредита (займа) жилого помещения или жилых помещений, приобретении земельного участка, занятого приобретаемыми жилым домом либо частью жилого дома и необходимого для их использования, уплаты части цены договора участия в долевом строительстве с использованием ипотечного кредита (займа) и (или) погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу).

Содержание названных норм Закона указывает на то, что выделение военнослужащему денежных средств в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе, вопреки утверждению суда апелляционной инстанции, является одной из форм реализации его права на жилище.

Согласно ч. 3 ст. 11 Закона о накопительно-ипотечной системе получение участником денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 данного Закона, или направление уполномоченным федеральным органом кредитору участника средств целевого жилищного займа на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 названного Закона, является исполнением

государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Таким образом, после получения К. 3 сентября 2014 г. денежных средств во исполнение обязательства по договору целевого жилищного займа в рамках его участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих государство исполнило свои обязательства по жилищному обеспечению ответчика. То есть с этого момента К. являлся обеспеченным жильем по месту военной службы.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для данного дела.

В соответствии с ч. 2 ст. 99 и ч. 1 ст. 104 ЖК РФ специализированные жилые помещения, к которым относятся служебные жилые помещения, предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

При этом в силу п. 3 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие и члены их семей до получения жилых помещений регистрируются по месту жительства, в том числе по их просьбе по адресам воинских частей. В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с названными предписаниями Закона постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 утверждено Положение о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, согласно п. 2 которого выплата денежной компенсации прекращается с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий утратил основания для получения денежной компенсации, предусмотренные Законом о статусе военнослужащих (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2015 г. № 989).

Кроме того, согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 выплата денежной компенсации военнослужащим и членам их семей, а также членам семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, осуществляется ежемесячно за счет и в пределах средств, предусматриваемых на указанные цели в федеральном бюджете Министерству обороны Российской Федерации или иному федеральному органу исполнительной власти (федеральному государственному органу), в котором законом предусмотрена военная служба.

Во исполнение названного постановления приказом ФСБ России от 9 ноября 2005 г. № 665 утверждена Инструкция о мерах по реализации в органах Федеральной службы безопасности постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 (приказ признан утратившим силу приказом ФСБ России от 22 сентября 2016 г. № 589), согласно п. 7 которой выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений прекращается со дня, следующего за днем утраты права на нее, в том числе со дня, следующего за днем предоставления военнослужащему и совместно проживающим с ним членам его семьи или членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего жилого помещения по договору социального найма или в собственность, служебного жилого помещения, служебного жилого помещения, пригодного для временного проживания, жилого помещения в общежитии или фактического предоставления им субсидий на приобретение жилого помещения в собственность, в том числе по государственным жилищным сертификатам, либо по иным основаниям в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В настоящее время в органах федеральной службы безопасности действует Инструкция об организации выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений, утвержденная приказом ФСБ России от 13 января 2017 г. № 4, п. 9 которой устанавливает, что выплата денежной компенсации прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий, члены семьи погибшего (умершего) военнослужащего утратили основания для получения денежной компенсации, предусмотренные Законом о статусе военнослужащих.

Из изложенного следует, что денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивается военнослужащим в случае их необеспеченности жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте, а ее выплата прекращается после утраты права на ее получение.

При таких данных К. после получения 3 сентября 2014 г. денежных средств во исполнение обязательства по договору целевого жилищного займа в рамках его участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих для приобретения жилья по месту военной службы утратил право на получение денежной компенсации за наем

жилого помещения. Вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном истолковании закона.

Поскольку К. с рапортом о прекращении ему выплаты ежемесячной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения в силу взятого на себя обязательства своевременно не обратился, то вывод суда первой инстанции о нарушении ответчиком требований приказа ФСБ России от 9 ноября 2005 г. № 665 и необоснованном получении в связи с этим денежных сумм, которые он в силу ст. 1102 ГК РФ обязан возвратить, является правильным.

Вместе с тем, принимая во внимание, что в силу п. 8 постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 оно распространяется на правоотношения, возникающие с 1 января 2005 г., а также, что К. фактически выплачена денежная компенсация за наем жилого помещения за сентябрь 2014 года, Судебная коллегия приходит к выводу, что с ответчика подлежит взысканию названная компенсация за период с 1 октября 2014 г. (с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий утратил основания для получения денежной компенсации, как это в настоящее время предусмотрено п. 2 Положения, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, и п. 9 Инструкции, утвержденной приказом ФСБ России от 13 января 2017 г. № 4) по 31 декабря 2015 г.

Таким образом, с К. подлежит взысканию 225 000 руб. (15 месяцев х 15 000 руб.).

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих изменила апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 29 июня 2017 г. и взыскала с К. в пользу Управления 225 000 руб. в счет излишне выплаченной денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 1 октября 2014 г. по 31 декабря 2015 г.

Определение № 202-КГ18-2

По уголовным делам

63. Неправильное применение уголовного закона при квалификации преступных действий осужденного повлекло изменение приговора.

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 23 января 2018 г., постановленному в особом порядке судебного разбирательства, М. признан виновным и осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма сроком на 2 года в колонии-поселении.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор подлежащим изменению в связи с допущенным судом первой инстанции неправильным применением уголовного закона при квалификации преступных действий М., указав в обоснование следующее.

При постановлении приговора окружной военной суд, несмотря на вывод об обоснованности предъявленного М. обвинения и подтверждение его собранными по делу доказательствами, исключил из обвинения М. ч. 1 ст. 282 УК РФ как излишне вмененную, указав, что незаконные действия осужденного совершены с одним умыслом, направленным на распространение материалов и информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, обосновывающих и оправдывающих ИГИЛ, одной из целей которой, как установлено решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г., является ведение так называемой священной войны (джихада) с неверными (кафирами) во всем мире, а поэтому они образуют единое продолжаемое преступление, предусмотренное специальной уголовно-правовой нормой – ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Между тем в соответствии с положениями уголовного закона преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205² и ст. 282 УК РФ, посягают на различные объекты: ст. 205² УК РФ – на общественную безопасность и безопасность институтов общества и государства, ст. 282 УК РФ – на основы конституционного строя, конституционные права граждан, их честь и достоинство.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, выражается в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма.

Объективная же сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, характеризуется действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в отличие от субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, является определенная специальная цель – возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по определенным признакам, указанным в диспозиции ст. 282 УК РФ.

Таким образом, вопреки выводу окружного военного суда, составы преступлений, предусмотренные ст. 282 и ст. 205² УК РФ, не являются по

отношению друг к другу общей и специальной нормами уголовного закона, а поэтому они не могут в этом смысле конкурировать между собой.

Как правильно указано в апелляционном представлении государственного обвинителя, вмененные в вину М. органами предварительного следствия действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды в отношении группы лиц по признаку отношения к религии, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», имеющие иной объект преступного посягательства, не могли быть охвачены составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ, и влекут самостоятельную уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Согласно разъяснениям, данным в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

На основании изложенного апелляционным определением Судебной коллегии по делам военнослужащих приговор был изменен: действия М. переквалифицированы с ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) на ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ), по которой назначен 1 (один) год лишения свободы; смягчено наказание по ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) до 1 (одного) года 10 (десяти) месяцев лишения свободы.

На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений, указанных выше, окончательно М. назначено 2 года лишения свободы в колонии-поселении.

Апелляционное определение № 208-АПУ18-З

64. День фактического задержания лица, признанного виновным в совершении преступления, подлежит зачету в срок отбывания им наказания.

По приговору Западно-Сибирского окружного военного суда от 14 марта 2018 г. Е., К. и О. осуждены за совершение ряда преступлений к лишению свободы.

Срок отбывания осужденными Е. и О. наказания судом исчислен с 14 марта 2018 г. с зачетом в него времени их задержания в качестве подозреваемых с 14 по 15 января 2017 г. и содержания под стражей с 15 января 2017 г. по 13 марта 2018 г.

Между тем фактически Е. и О. были задержаны 13 января 2017 г., о чем суду сообщил свидетель П., подтвердивший их задержание в этот день в г. Красноярске, откуда они были доставлены к следователю в г. Абакан, где в отношении их на другой день был составлен протокол задержания.

В силу совокупности норм, регулирующих правила исчисления размера и начала срока отбывания наказания, а именно ч. 7 ст. 302 и п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, срок отбывания наказания лицу, содержащемуся до постановления приговора под стражей, надлежит исчислять со дня постановления приговора с зачетом в этот срок времени содержания его под стражей со дня задержания до дня постановления приговора.

Следовательно, день фактического задержания лица, признанного виновным в совершении преступления, подлежит зачету в срок отбывания им наказания.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, приговор в отношении Е. и О. изменила, зачла в срок отбывания ими наказания период задержания в качестве подозреваемых и содержания под стражей – с 13 января 2017 г. по 13 марта 2018 г. включительно.

Апелляционное определение № 206-АПУ18-2

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Каким способом подлежит защите право физического лица на нежилое помещение в объекте незавершенного строительства по договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома?

ОТВЕТ. В связи с заключением договора участия в долевом строительстве, предметом которого является нежилое помещение, не предназначенное для удовлетворения личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд гражданина, не связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, у застройщика возникает обязательство передать индивидуально-определенное нежилое помещение в строящемся объекте недвижимого имущества.

Согласно п. 1 ст. 308³ ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено данным кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Поскольку из существа обязательства по передаче индивидуально-определенного нежилого помещения, не предназначенного для удовлетворения личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд гражданина, не вытекает иное, надлежащим способом защиты права физического лица в отношении такого помещения в объекте незавершенного строительства в соответствии с приведенными положениями ст. 308³ ГК РФ является понуждение к исполнению обязательства в натуре.

ВОПРОС 2. В каком порядке рассматривается кассационная жалоба на определение арбитражного суда об утверждении мирового соглашения, в том числе вынесенное по делу о банкротстве?

ОТВЕТ. Исходя из смысла положений гл. 15 АПК РФ, мировое соглашение является результатом примирения сторон. В соответствии с ч. 2 ст. 150 АПК РФ утверждение судом мирового соглашения влечет за собой в качестве процессуального последствия прекращение производства по делу, выступая его самостоятельным основанием, отличным от иных оснований, перечисленных в ч. 1 данной статьи.

Вынесенное по результатам утверждения мирового соглашения определение является итоговым судебным актом по делу и подлежит немедленному исполнению, в связи с чем обжалуется непосредственно в арбитражный суд кассационной инстанции в течение одного месяца со дня его вынесения (ч. 8 ст. 141 АПК РФ).

Из изложенного следует вывод, что рассмотрение кассационной жалобы на определение об утверждении мирового соглашения в арбитражном суде кассационной инстанции должно производиться по общим правилам, установленным данным кодексом для рассмотрения кассационных жалоб на решения и постановления соответствующего арбитражного суда, в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления жалобы (ст. 285 и ч. 1 ст. 290 АПК РФ).

Аналогичный процессуальный порядок применяется и при рассмотрении кассационной жалобы на определение об утверждении мирового соглашения по делу о банкротстве, которое выносится с учетом норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку процедура обжалования и пересмотра указанного судебного акта производится в соответствии с общими положениями АПК РФ о мировом соглашении.

ВОПРОС 3. Подлежат ли распределению между взыскателем и должником при вынесении судебного приказа издержки, возникшие у

взыскателя в связи с обращением в суд с заявлением о вынесении (выдаче) судебного приказа?

ОТВЕТ. Судебный приказ – это судебное постановление (судебный акт), вынесенное на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным ст. 122 ГПК РФ, и на основании заявления о взыскании денежных сумм по требованиям, предусмотренным ст. 229² АПК РФ.

Требование о взыскании судебных издержек, которые возникли у лица в связи с подачей в суд заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа, не указано в числе требований, в отношении которых может быть выдан судебный приказ (ст. 122 ГПК РФ, ст. 229² АПК РФ).

Кроме того, при решении вопроса о принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа мировой судья, арбитражный суд должен установить бесспорность требований, поскольку именно бесспорность является основной из предпосылок рассмотрения требований в порядке приказного производства.

В силу п. 3 части третьей ст. 125 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229⁴ АПК РФ мировой судья, арбитражный суд отказывает в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа, если установит, что из заявления и приложенных к нему документов усматривается наличие спора о праве.

Вместе с тем признание должником основного долга не свидетельствует о признании дополнительного требования кредитора о взыскании судебных издержек, а следовательно, не отвечает критерию бесспорности.

Требования к содержанию судебного приказа предусмотрены ст. 127 ГПК РФ и ст. 229⁶ АПК РФ, судебные издержки в данном перечне не содержатся.

С учетом изложенного, а также исходя из особенностей приказного производства, которое осуществляется без проведения судебного разбирательства и вызова сторон по требованиям, предусмотренным ст. 122 ГПК РФ и ст. 229² АПК РФ и подтвержденным письменными доказательствами, распределение судебных издержек между взыскателем и должником при вынесении судебного приказа не осуществляется.